

ISSN 2307-2598

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Сборник статей

Выпуск 10

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, заведующий кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

Техническая поддержка: К. И. Коваль

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 10 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. — 314 с.

ISSN 2307–2598

В сборник включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

ISSN 2307-2598

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>Артюхина В. А., Меженин Я. Э.</i> Эволюция социологических представлений о конфликте	10
<i>Воронина С. А.</i> Социальная коммуникация в современном обществе	13
<i>Горбунова А. А.</i> Межличностное и институциональное доверие в современном российском обществе	17
<i>Домашев А. Н., Прокопьева Н. В.</i> Миф как элемент этнического самосознания	21
<i>Замятина О. Н.</i> Теоретические аспекты определения правовой культуры в системе высшего образования	26
<i>Ильиных А. В.</i> Актуальные проблемы сохранения и развития социологического образования в России	29
<i>Колесникова О. Н., Чуканова Т. В., Ван Дань</i> Основные аспекты организационных основ благотворительности России и Китая	32
<i>Коростелева О. Т.</i> Познавательный потенциал юридической антропологии	37
<i>Кряклина Т. Ф.</i> Становление социологии как науки в России: первые научные школы	39
<i>Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Мураткызы А.</i> Доверие как социальный капитал развития гражданского общества в Алтайском крае	42
<i>Нагайцев В. В., Меженин Я. Э.</i> Этапы развития социального конфликта	49
<i>Попов Е. А., Мукова Л. А.</i> Путь к социологии права: философия и правовая реальность	53
<i>Пустовалова Е. В., Меженин Я. Э.</i> Социальные практики как форма реализации методов контекстного обучения в вузе	57
<i>Савченко А. С.</i> Государственная информационная политика: актуальные трактовки понятия и современные исследования	59
<i>Стерлядева Н. А.</i> Социальные проблемы современной сельской молодой семьи	64

<i>Филиппова Е. В.</i> Общественное самоуправление как форма социальной активности населения Алтайского края.....	68
<i>Шрайбер А. Н., Меженин Я. Э.</i> Государственная поддержка родительства: региональный аспект.....	72
<i>Яркова О. Р.</i> К вопросу об актуальности исследования ценности социологического образования в современной России.....	75

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

<i>Великжанина К. А.</i> Грантовая политика в области социально ориентированной деятельности: опыт Алтайского края	80
<i>Воеводина Э. Э.</i> Музыкальные предпочтения современной студенческой молодежи и возможности их удовлетворения (на примере студентов Алтайского государственного университета).....	83
<i>Данилова М. В.</i> Средний класс в структуре современного западного и российского общества.....	87
<i>Иванова О. А., Сергиенко А. М.</i> Миграция сельской молодежи: методология исследования на основе комплексного измерения ее социального положения и активности	91
<i>Игнатенко А. В.</i> Дополнительное профессиональное образование в контексте парадигмы непрерывного образования.....	96
<i>Колесникова Е. С.</i> Профессиональные ориентиры старшеклассников школ Алтайского края и Восточно-Казахстанской области Казахстана.....	99
<i>Кряклина Т. Ф., Ан Е. А.</i> Преимущества использования современных информационных технологий в профессиональном образовании.....	102
<i>Максимова С. Г., Морковкина А. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Молодикова И. Н.</i> Миграционная активность граждан России: факторы и условия миграции	107
<i>Миронова С. В., Тимченко Н. С.</i> Проблемы и перспективы экспорта образовательных услуг в высшей медицинской школе	121
<i>Мотина А. В.</i> Стереотипизированный образ профессии полицейского в сознании современной студенческой молодежи (на примере вузов г. Барнаула).....	124

<i>Нагайцев В. В.</i> Конфликты водителей общественного транспорта в городе Барнауле	128
<i>Попов Е. А., Мукова Л. А.</i> Социология права в системе философско-правового знания	132
<i>Стерляева Н. А.</i> Конфликты трудовых мигрантов: теоретический аспект	135
<i>Сытых О. Л., Синцова Л. К.</i> Место и роль курса «Философия и методология социальных наук» в системе подготовки социологов	139
<i>Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глуховерова Д. А., Сарыглар С. А.</i> Макрофакторы формирования транзитной миграции из стран СНГ.....	145

РАЗДЕЛ III. ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

<i>Антонович И. В., Великжанина К. А., Калинина Ю. А., Колесникова О. Н., Мазайлова Т. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г., Чуканова Т. В.</i> Проектно-ориентированное обучение: основные подходы и опыт реализации по направлению подготовки «Социальная работа» в Алтайском государственном университете	152
<i>Антонович И. В., Великжанина К. А., Калинина Ю. А., Колесникова О. Н., Мазайлова Т. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г., Чуканова Т. В.</i> Независимая оценка качества деятельности организаций социального обслуживания в Алтайском крае (по результатам исследования в 2016 г.).....	155
<i>Вишник Т. В.</i> Нормативно-правовое обеспечение социальной интеграции лиц с нарушением слуха в Российской Федерации ...	166
<i>Голубицких Ю. В.</i> Роль конфликтогенов в деятельности сотрудников силовых структур.....	170
<i>Кирпу С. С.</i> Правовое регулирование в сфере социальной работы с мигрантами в Алтайском крае	173
<i>Колесникова О. Н., Чудова С. Г.</i> Организация социального предпринимательства как инновация для социальной работы....	177
<i>Лапин Д. В.</i> Анализ отечественных мультиформатных площадок по развитию технологий социальной работы.....	180

<i>Макеева А. О.</i> Обеспечение доступности получения социальных услуг как элемент формирования инклюзивной культуры общества	182
<i>Нагих А. Ю.</i> Социально-педагогический потенциал танцевальной терапии в работе с детьми из неблагополучных семей.....	185
<i>Подгорная Н. В.</i> Фандрайзинг как инновационная технология социальной работы: теория и практика	187
<i>Поневин К. В.</i> Реформирование пенсионной системы РФ: отношение молодежи	190
<i>Решетова А. С.</i> Лишение и ограничение в родительских правах в городе Барнауле: субъективный аспект.....	193
<i>Сиротина Т. В.</i> Нормативное правовое регулирование сопровождаемого проживания лиц с инвалидностью в Российской Федерации	197
<i>Стерляева Н. А.</i> Роль социальных служб в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних	200
<i>Храпунов А. В.</i> Перспективы совместного использования потребительской оценки качества услуг в учреждениях социального обслуживания и экспертной оценки качества социальных услуг.....	204
<i>Чубукова А. В.</i> Основные теоретические подходы к изучению проблемы синдрома выгорания в социальных учреждениях.....	207
<i>Чуканова Т. В.</i> Стационарное социальное обслуживание граждан пожилого возраста (по результатам исследования).....	211
<i>Шашуров С. Е.</i> Организационная культура Пенсионного фонда Российской Федерации.....	214
<i>Шрайбер А. Н., Штро Т. А.</i> Специфика подготовки специалистов в области социальной работы в Германии (на примере Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences).....	217

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Банникова И. И.</i> Отношение студенческой молодежи г. Барнаула к аддиктивному поведению: постановка проблемы	223
<i>Ганеева Д. И.</i> К вопросу об эффективности инструментов государственного управления в условиях внедрения информационно-коммуникативных технологий (на примере Республики Татарстан)	227

<i>Гоношилова Т. О., Перепелкина К. В.</i> Риск социального эскапизма в молодежной среде.....	231
<i>Гудым В. А.</i> Наличие социальных факторов риска как результат ухудшения здоровья населения.....	235
<i>Душина Т. А.</i> Современные тенденции развития семьи.....	239
<i>Журавлев Ф. Б.</i> Общество потребления в социологии Бодрийяра и Веблена.....	241
<i>Зань В. М.</i> Сравнительно-демографический анализ России и США в период 1950–2015 гг.	245
<i>Кеняйкина А. Е.</i> Причины девиантного поведения в современном обществе	249
<i>Комышников Е. А.</i> Причины и проблемы пенсионной реформы в современных российских реалиях	253
<i>Комышников Е. А.</i> Межпоколенческое семейное взаимодействие в формировании системы ценностей сельской молодежи (на примере исследования в Целинном районе Алтайского края)	256
<i>Кужим Н. В.</i> Социологический подход к изучению культуры	260
<i>Лобанова А. Д.</i> Сферы реализации социокультурных проектов (по материалам исследования в г. Барнауле).....	263
<i>Мазурина Ю. Р.</i> Коллективный договор как форма социально-правовой защиты работников и работодателей	268
<i>Малетина А. С.</i> Социально-правовое регулирование экологических вопросов в современной России	272
<i>Мицких Д. А.</i> Формирование образа руководителя органов правопорядка в современных российских СМИ.....	276
<i>Недосекова Е. С.</i> Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения.....	279
<i>Омар А. А.</i> Преимущества курсов повышения квалификации как формы дополнительного образования	283
<i>Пешкова Н. А.</i> Платная медицина в России: характерные черты и особенности развития на современном этапе	285
<i>Попова А. И.</i> Особенности электронного правительства и его функционирование в современной России.....	287
<i>Присяжнюк А. Л.</i> Значимость досуговой деятельности в жизни современной молодежи	291

<i>Семенихина А. Е.</i> Социальная политика компании как инструмент формирования трудовой мотивации персонала (на примере ПАО ВТБ 24 г. Барнаула)	295
<i>Синельников Е. С.</i> Феномен социального предпринимательства: ключевые особенности и направления развития	299
<i>Синько К. А.</i> Актуальность социологического анализа места и роли ТРЦ в формировании потребительского поведения молодежи	303
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	307

Раздел I

**ИНТЕГРАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ЗНАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

В. А. Артюхина, Я. Э. Меженин (Барнаул)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНФЛИКТЕ

Актуальность теоретических и эмпирических исследований всего спектра социальных конфликтов, разворачивающихся в современной России, не подвергается сомнению. Высокий уровень социальной напряженности в нашем обществе обуславливает необходимость всестороннего анализа и интерпретации типичных причин социальных конфликтов, их последствий и возможностей их грамотно урегулирования. Практическая деятельность по управлению конфликтами в обществе невозможна без всестороннего теоретического осмысления этого феномена [1].

Социальные конфликты являются объектом рассмотрения многих обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Психология, экономика, юриспруденция, социология, политология так или иначе затрагивают проблематику конфликтов в обществе. Специфика перечисленных наук проявляется в предмете их анализа и осмысления. Социология как наука призвана объяснять все общественные явления в сопоставлении с другими общественными явлениями. То есть причины всех конфликтов кроются не в психологических качествах отдельных личностей, а в объективных условиях, в которых разворачивается противодействие. В такой трактовке даже внутриличностные конфликты объясняются объективными обстоятельствами: человек находится в социальной среде, и именно она детерминирует возникновение и развитие разнообразных внутриличностных конфликтов.

Итак, в центре внимания социологии находятся конфликты, возникающие в разных сферах общественной жизни и детерминированные этой самой общественной жизнью. Проиллюстрируем специфику социологического понимания конфликтов на примере: субъект общественной жизни участвует в митинге не потому, что он по натуре бунтарь, а потому, что сложился объективный комплекс обстоятельств: высокий уровень имущественного расслоения в обществе, низкий уровень жизни и др. обстоятельства.

Практически с самого момента зарождения социологии как науки ее представителей интересовал вопрос о сущности и возможностях регулирования конфликтов, возникающих в обществе. В XIX в. в теоретической социологии сложилось два течения, различаемые по характеру отношения к сущности социального конфликта — консенсуальная и конфликтная социология. Представители первого под-

хода (О. Конт, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) олицетворяли конфликты с неким отклонением от нормы и считали их вредными для гармоничного общественного развития. Основоположники и последователи второго подхода (Г. Спенсер, У. Самнер, Л. Гумплович), напротив, называли конфликты естественным явлением, закономерно возникающим при любой форме правления и общественного устройства. Задачу социологии как науки первые видели в поиске возможных путей искоренения конфликтов из системы общественных отношений, вторые — в разработке действенных практических рекомендаций по решению социальных конфликтов [2].

Дальнейшее развитие социологии конфликта шло преимущественно по второму направлению, признававшему закономерный характер возникновения и развития конфликтов в обществе. Это развитие проходило в трех основных руслах — диалектическом, функционалистском и симбиозном (синтетическом) [3].

Характеризуя диалектическое понимание конфликтов, важно отметить, что такая трактовка предполагает тезис о невозможности развития общества без конфликтов. Представители этого подхода (К. Маркс, Р. Дарендорф и др.) рассматривали конфликт как причину, источник, фактор развития как отдельных элементов общественной системы, так и общества в целом. Причем любой конфликт, по их мнению, обладает как конструктивными, так и деструктивными последствиями.

Теоретики конфликтного функционализма (Г. Зиммель, Л. Коузер и др.), также как диалектики, признавали неизбежность, закономерный характер зарождения и развития конфликта. Однако их основная идея сосредоточена на главной функции социальных конфликтов — сохранении и обеспечении функционирования общества. Любое противодействие, по их мнению, может приводить к социальной интеграции и сплочению как отдельных социальных групп, так и общества в целом. В таком понимании социальный конфликт представляет основным средством укрепления мира между субъектами общественных отношений.

Несмотря на принципиальные отличия диалектиков и функционалистов в объяснении сути и предназначения социальных конфликтов, нетрудно заметить, что они являются двумя сторонами одной и той же медали. Не зря появляются теории конфликта, которые условно можно отнести к группе синтетических или симбиозных — они пытаются объединить положения, разработанные диалектиками и функционалистами. К этой группе можно отнести теории социального конфликта К. Боулдинга, Й. Галтунга, Н. Смелзера, В. Мاستенбрука, Л. Крисберга, Р. Коллинза и др. [4]. Основная мысль указан-

ных авторов заключена в тезисе о неоднозначном влиянии разных видов конфликтов на жизнь общества: одни конфликты заканчиваются разрушением систем, их породивших, другие несут в себе позитивные последствия. Основное предназначение социологических исследований в сфере социальных конфликтов — поиск тех переменных и способов воздействия на них, которые позволили бы успешно разрешать самые разные конфликты.

Итак, в статье рассмотрены основные социологические подходы к объяснению феномена социального конфликта. Несмотря на различия авторов этих теорий в понимании природы и последствий конфликтов, можно выделить определенные теоретические положения, разделяемые большинством представителей социологических концепций конфликта. На этих положениях основывается социология конфликта как научная дисциплина, их можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, изучающие социальные конфликты социологи убеждены в их неизбежности и закономерности в любом обществе. Следуя такой трактовке, конфликты нельзя оценивать в категориях «хорошо» — «плохо».

Во-вторых, социологи сходятся во мнении, что для любого конфликта необходимо наличие противоборствующих сторон, то есть любой конфликт — это противодействие как минимум двух сторон.

В-третьих, представители социологического знания объясняют любой социальный конфликт недостатком чего-либо, ценимого оппонентами. В то же время однопричинных конфликтов не бывает, все они происходят под воздействием комплекса объективных и субъективных обстоятельств.

В-четвертых, социологи конфликта рассматривают любое противостояние социальных субъектов как процесс, проходящий в своем развитии определенные этапы, фазы. Специфика проистекания разных видов конфликтов объясняется существующими и описанными в науке закономерностями развития этого феномена.

В-пятых, изучающие социальные конфликты социологи отмечают наличие негативных и позитивных последствий у любого конфликта. При этом преобладание конструктивных последствий в ходе развития конфликтных взаимоотношений между социальными субъектами возможно лишь в случае грамотного управления конфликтами.

Библиографический список

1. Нагайцев В. В. Социальный конфликт как объект управления // Социология в современном мире: наука, образование, творчество :

сборник статей. — Вып. 8 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — С. 16–21.

2. Соломатина Е. Н. Социология конфликта : учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2016. — 204 с.

3. Ефимов Ю. Г. Теория конфликта в зарубежной социологии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — Ставрополь, 2001. — С. 58–61.

4. Хохлова О. М. Общесоциологические теории и концепции исследования социального конфликта // Система ценностей современного общества. — 2010. — № 14. — С. 300–304.

С. А. Воронина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема социальной коммуникации представляется нам весьма сложной и многоаспектной. При всем том, что о социальной коммуникации написано огромное количество исследований, посвященных тем или иным ее сторонам, ее природе, специфике, практически отсутствуют работы по исследованию эволюции, критериев развития и трансформации форм и методов социальной коммуникации. Такая ситуация вполне объяснима, мы имеем достаточно слабое представление о движущих силах эволюции социальной коммуникации, о критериях и параметрах анализа социальной коммуникации. Связано это с тем, что социальная коммуникация представляет собой не отдельную коммуникативную сферу, но является частью сложного системного образования — общества. В силу этого определение сущности социальной коммуникации, ее соотношение с деятельностью индивидов, информационные механизмы развития социальной коммуникации связаны напрямую с анализом социальной деятельности.

В целом социальная коммуникация — это понятие, которое отражает надиндивидуальный, опосредованный уровень социальной реальности. Но на конкретно-индивидуальном и конкретно-групповом уровне коммуникация реализуется в процессах деятельности и отношений. Одним из факторов деятельности и отношений выступает механизм коммуникативного взаимодействия. Соответственно формообразование социума в значительной степени определяется коммуникативными структурами, именно они способствуют

ют редукции неопределенности к дальнейшему развитию социума, созданные на их основе социальные структуры — это результат коммуникационного процесса, генерация новой информации. Общество постоянно находится в состоянии выбора путей развития, которые сопровождается приращением, усложнением коммуникативных процессов.

Социальная коммуникация на уровне общества, как правило, осуществляется в рамках структуры основных законов, формализованных правил, традиций и нравов. В связи с этим рассмотрение коммуникации на социетальном уровне, на наш взгляд, будет продуктивным в рамках системного подхода и его методологии. Систему мы определяем как упорядоченное множество элементов, взаимосвязанных между собой в более или менее устойчивой структуре и образующих некоторое целостное единство [1, с. 321]. Такая структура управляет определенным количеством процессов, происходящих внутри системы. Данные процессы, в свою очередь, трансформируются сами и трансформируют структуру. В основании трансформации находится система ценностей, которая является более или менее общей для всех членов данного общества, при помощи которых через действия индивидов оказывается влияние на устойчивые структуры общества [2, с. 75]. Система ценностей — это часть трех тесно связанных систем, которые обнаруживаются в социуме: система идей (символов, кодов культуры), социальная система действий и материальная система физических артефактов. В обыденной реальности все они, естественно переплетены, и порой достаточно проблематично отделить идеи, действия и артефакты, поведенческие и материальные аспекты друг от друга. Культурная система идей опредмечивается через социальную систему действий и через материальную систему реальных артефактов, в связи с этим можно связать социальную систему действий с материальной системой физических артефактов, которые в совокупности выражают идейную систему культуры.

Переход от содержания культуры к социальному действию происходит в процессе коммуникации, когда «раскодируются» культурные символы, формирующие определенные формы коммуникативного поведения. Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для любого общества, они отражают принятые правила этикета. Они связаны с ситуациями общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности. Общекультурные нормы общения национально специфичны.

Классификация культур по социальному способу действия принадлежит известному исследователю Р. Льюису, который условно разбил культуры по доминантному способу деятельности на три типа: моноактивные, полиактивные и реактивные [3]. Моноактивные (линейно организованные) — культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составляя расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент. Человек приучен делать какое-либо дело, разбивая деятельность на следующие друг за другом этапы, не отвлекаясь на другие задачи. Типичными представителями такой культуры являются англосаксы: американцы, англичане, немцы, швейцарцы. Методично, последовательно и пунктуально они организуют свое время и свою деятельность. Полиактивные — подвижные, общительные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного мероприятия в данный момент. Типичными представителями полиактивной культуры являются итальянцы (южные европейцы), латиноамериканцы, арабы. Реактивные — культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения с другой стороны. Деятельность организуется не по строгому неизменному плану, а в зависимости от меняющегося контекста, как реакция на эти изменения. Представителями реактивной культуры являются китайцы, японцы, корейцы, финны.

Граница между типами норм подвижна, она может нарушаться, но и она имеет национальную специфику. Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определения профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения также отражают как индивидуальную культуру, коммуникативный опыт индивида, так и общекультурные нормы того или иного социума.

К коммуникативному поведению примыкает социально и коммуникативное значимое бытовое поведение — совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в определенном обществе смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. Это своеобразный язык повседневного поведения, или социальный символизм. Социальный символизм — это отражение в сознании людей семиотической функции, которую приобретает в той или иной культуре определенное действие, факт, со-

бытие, поступок. Все эти явления приобретают определенный символический смысл, характерный и единый для всего данного социума или для какой-то определенной социальной группы. Именно социальный символизм, на наш взгляд, является главным компонентом национальной структуры, как правило, на осознанном уровне он зачастую не замечается членами социума, хотя достаточно четко соблюдается, используется и интерпретируется в межличностных отношениях [3, с. 4–20]. Символический смысл того или иного явления может быть совершенно не воспринят представителем иной культурной символической направленности, кроме того, может получить самую неожиданную интерпретацию, что, в конечном счете, приведет инокультурного индивида к прямому конфликту с представителями другой культуры. Таким образом, изучение форм и видов коммуникативного социального взаимодействия, движущих сил эволюции социальной коммуникации с позиции культуры, ее критериев и параметров в рамках системного подхода может стать в дальнейшем залогом толерантного сосуществования представителей всех культур, что является абсолютно важным в эпоху глобального объединения стран и народов мира [4, с. 224–228].

Библиографический список

1. Социологический словарь. — М., 2014.
2. Воронина С. А. Взаимодействие современного информационного общества и человека: социально-философский аспект : монография. — Барнаул, 2013. — 255 с.
3. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2015. — С. 4–20.
4. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная опасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 224–228.

А. А. Горбунова (Барнаул)

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Доверие является одним из важнейших факторов, определяющих социальные отношения. Более того, оно рассматривается как необходимый механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность повседневной жизни индивидов и всего общества в целом.

Рассматривая доверие как социологическую категорию, выделяют обобщенное, межличностное и институциональное доверие. Обобщенное доверие, как правило, оценивается как согласие с утверждением «Большинству людей можно доверять» и выступает своего рода мерой оценки нормативного взаимодействия людей в обществе, его предсказуемости и безопасности. Межличностным определяется доверие, оказываемое непосредственному социальному окружению (родственникам, друзьям, знакомым, соседям) и представителям различных социальных групп. Как отмечает А. В. Кученкова, данный вид доверия обладает высокой значимостью в повседневной жизни, выступая на индивидуальном уровне регулятором ежедневных коммуникаций и действий людей, на групповом — снижая напряженность, способствует формированию групповых идентичностей, отношений сотрудничества, сохраняя устойчивость и интегрированность общества, поддержку институтов власти и их политики [1, с. 27]. Что касается институционального доверия, то оно рассматривается в контексте функционирования существующих в обществе социальных институтов и организаций.

Современное состояние межличностного доверия в российском обществе оценивается на достаточно низком уровне. Более того, часто ситуация в данной области определяется как кризис доверия. Так, на основе данных ВЦИОМ и ФОМ начиная с 1995 года по 2013 год В. О. Киселев отмечает, что показатели недоверия в российском обществе практически трехкратно превышают уровень доверия [2, с. 32–36]. С. В. Кученкова, анализируя данные всероссийского опроса в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразова-

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–33–00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019).

ний (1990–2010 гг.)» также определяет уровень доверия в современном российском обществе как проявление осторожности [1, с. 31].

Данные опросов населения 6 современных регионов России (n=2400) в рамках апробации исследования тенденций развития институционального и межличностного доверия в современной России позволяют говорить о невысоком уровне обобщенного и институционального доверия. Так, средний уровень обобщенного доверия в целом по выборке составил 4,57 (в рамках указанного социологического исследования данный показатель определялся с помощью оценки утверждения «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять — или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» (от 1 «с людьми следует быть осторожными» до 10 «можно доверять полностью»).

Уровень доверия непосредственному социальному окружению несколько выше и составляет 6,20. При этом наиболее высокий уровень межличностного доверия респонденты демонстрируют близким, родственникам («полностью доверяют» и «скорее доверяют» 87,1% респондентов), а также друзьям и близким знакомым (69,3%), значительно реже — соседям и коллегам по работе (31,8% и 29,2% соответственно).

Что касается различных социальных объединений и организаций, то наибольшим доверием среди населения в настоящее время пользуются Русская Православная церковь (37,8%), общественные и благотворительные организации, общества защиты прав потребителей (29,2%, 28,6% и 29,4% соответственно). Несколько реже население доверяет правозащитным организациям (20,9%) и национально-культурным объединениям (18,0%), еще реже — средствам массовой информации, этническим диаспорам и ТСЖ (14,0%, 12,5% и 11,8% соответственно). Наименьший уровень доверия опрошенные демонстрируют по отношению к политическим партиям (9,5%).

Среди органов государственной власти и общественных институтов на первых местах по уровню доверия располагаются Президент Российской Федерации и Российская армия (69,3% и 65,8% соответственно). Далее по значимости находятся Правительство Российской Федерации (47,0%) и такие силовые структуры, как суд и прокуратура (41,8% и 42,8% соответственно). Еще реже респонденты доверяют Губернатору или Главе Правительства региона (39,9%), Государственной Думе Российской Федерации (36,8%), Пенсионному фонду Российской Федерации (36,3%) и полиции (36,2%). Региональным и местным органам власти (администрации, региональные законодательные собрания, муниципальные (городские, районные) орга-

ны власти) в той или иной степени доверяют порядка 30% опрошенных респондентов, на данном уровне также находится доверие Общественной палате Российской Федерации. Невысоким уровнем доверия среди респондентов пользуются банки и различные государственные корпорации (25,3% и 28,2% соответственно), но меньше всего респонденты доверяют бизнесу и страховым компаниям (23,3% и 20,7% соответственно).

При этом представители различных социально-демографических групп демонстрируют разный уровень доверия отдельным людям, социальным группам и организациям. Так, коллегам по работе и соседям в большей степени доверяют представители старшей возрастной группы (50–70 лет), в то время как среди молодежи (18–29 лет) выше уровень доверия друзьям и близким знакомым. Среди респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, выше уровень доверия коллегам по работе и соседям.

В отношении различных общественных организаций и объединений можно отметить, что для старшей возрастной группы характерны высокие значения доверия Русской Православной церкви. Данную тенденцию также подтверждает тот факт, что по сравнению с другими группами люди, никогда не состоявшие в браке (куда вероятнее попадают представители более молодого поколения), меньше доверяют данной религиозной организации. При этом уровень доверия церкви и другим религиозным организациям снижается с повышением уровня образования. Люди с высшим образованием также реже демонстрируют доверие средствам массовой информации. Также можно выделить некоторые особенности доверия по гендерному аспекту. Так, мужчины в меньшей степени склонны доверять различного рода общественным организациям, обществам защиты прав потребителей и благотворительным организациям, а также Русской Православной церкви, этническим диаспорам и национально-культурным объединениям.

Что касается различий в уровне доверия органам государственной власти и государственным структурам, то выявлено, что старшее поколение по сравнению с другими возрастами больше доверяет Президенту и российской армии. Респонденты средней возрастной группы (30–49 лет) отличаются наименьшими показателями доверия региональным органам (администрации региона, Законодательному собранию, муниципальным органам власти) и Общественной палате Российской Федерации. В свою очередь, молодежь демонстрирует высокие значения доверия бизнесу и страховым компаниям, уровень которого снижается с увеличением возраста. Женщины по срав-

нению с мужчинами характеризуются более высокими значениями доверия таким органам государственной власти, как Правительство и Государственная Дума, а также Общественная палата, прокуратура и государственные корпорации.

Помимо высоких значений межличностного доверия именно люди ближайшего окружения (семья, родственники, друзья, знакомые, коллеги) рассматриваются как источник поддержки в трудной жизненной ситуации. Данный факт подтверждает С. В. Мареева, анализируя общероссийские исследования ИС РАН и РАНХиГС и выше упомянутые данные ЖМ-2014. При этом в первую очередь за помощью предпочитают обращаться к родственникам или друзьям, реже — к соседям и коллегам [1, 3]. Подтверждают это и данные представленного исследования. Так, в случае нарушения гражданских или политических прав респонденты в первую очередь готовы обратиться к ближайшему социальному окружению: семье, друзьям, коллегам или своей общине (78,8%). Достаточно высоким уровнем доверия в данном аспекте также пользуются правоохранительные органы: милиция, суд, прокуратура, к которым в первую очередь обратились бы 33,9% опрошенных, во вторую — 41,4%.

Третью позицию в данном рейтинге занимают правозащитные и общественные организации, в которые в первую или во вторую очередь обратились бы суммарно 73,4% респондентов (22,4% и 51,0% соответственно). К региональным органам власти респонденты готовы обратиться преимущественно во вторую (39,9%) или третью очередь (47,9%). А что касается федеральных органов власти и средств массовой информации, то более половины опрошенных обратились бы за помощью в данные структуры только в третью очередь (64,8% и 60,8% соответственно).

Таким образом, результаты исследований показывают, что в настоящее время наблюдается более высокий уровень межличностного доверия с доминирующей ориентацией на ближний круг общения (семью, родственников и близких друзей). Что касается показателей институционального доверия, то они выше в отношении федеральных органов власти и правоохранительных структур, в то время как различные общественные и гражданские сообщества и организации характеризуются невысоким уровнем доверия у населения.

Библиографический список

1. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 26–36.

2. Киселев В. О. Соотношение категорий социального и институционального доверия: теоретические подходы и проблема эмпирического изучения // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 12. — С. 34–37.

3. Мареева С. В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян // Terra economicus. — 2015. — Т. 13. — № 3. — С. 124–135.

А. Н. Домашев, Н. В. Прокопьева (Барнаул)

МИФ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Миф занимает особое положение в составе знаково-символического комплекса этнической культуры. Он обладает такими специфическими чертами, которые дают возможность формировать смыслы и установки этнической общности, не поддающиеся логическому обоснованию. Миф можно определить как субъективный взгляд на мир, который имеет социальную сущность. Субъектом, который его вырабатывает, является социальная общность. Миф обладает собственной рациональностью, которая реализуется в рамках его собственных понятий об опыте и разуме. Соответственно миф имеет свою собственную форму систематической гармонизации: он упорядочивает явления в их взаимосвязи, используя для этого «логику» своего «алфавита» [1, с. 320]. Субъективный характер мифа подчеркивали многие авторы, например, австралийский историк Д. Хорн исходил из того, что «реальность сама по себе не существует», ее создает человек, в результате чего «каждое общество и каждая эпоха обладают разными версиями того, какой должна быть реальность». Он не без основания подчеркивал, что «древние вещи начали превращаться в исторические памятники, главным образом, в ходе становления национальных государств, когда создавалась концепция национальности». На примере музеев наиболее отчетливо видно, как происходит субъективизация прошлого, как из фрагментарных и нередко не имеющих отношения друг к другу исторических источников складывается то, что принято считать национальной историей или историей национальной культуры. Французский историк М. Ферро убедительно показал, что исторические курсы, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты весьма по-разному в зависимости от националь-

ных интересов [2]. На самом деле люди выстраивают и конструируют прошлое, во-первых, исходя из окружающей их социо-политической действительности и связанных с ней интересов, а во-вторых, для того, чтобы, опираясь на это интерпретированное соответствующим образом прошлое, выдвигать проекты на будущее. Ведь в своих поступках человек руководствуется не столько внешними обстоятельствами и фактами действительности, сколько тем, как он воспринимает эти обстоятельства и эту действительность. Данный тезис в еще большей мере справедлив по отношению к группе, ибо групповое восприятие мира, основанное на коллективных идеях, отличается чертами иррационализма. Мифы — попытки осмыслить явления мира и как бы вжиться в них с помощью эмоциональных и логических ассоциаций. Причем, ввиду ограниченности общественной практики, большинство ассоциаций, строящихся по семантическим рядам, оказываются по большей части отдаленными и не поддающимися проверке. Миф требует бездоказательного, с точки зрения науки, принятия своих положений. Ему удается достичь этого благодаря сакрализации излагаемого. Сакральный характер мифа вынуждает человека принять его без доказательств. Поэтому миф призван объяснить то, что представляется членом этноса, с одной стороны, наиболее сложным для объяснения и, с другой стороны, наиболее значимым. Миф связан с порождающимся явлением крепкой ассоциативной связью, и познание его начала кажется приобретением сильнейшей власти над самим объектом. Необходимо подчеркнуть связь мифа с жизнедеятельностью этноса. Миф нельзя назвать сказкой, вымыслом, фантазией, потому что он — осмысление реально данной и сейчас длящейся действительности. То или иное конкретное осмысление явлений природы или общества зависит от конкретных природных, хозяйственных, исторических особенностей развития этнической общности. Миф жизнен, поэтому мы говорим о его способности выступать каналом реализации внутренних смыслов этнической культуры. При этом возникает вопрос о необходимости мифа в современном мире, где пространство знаний постоянно расширяется, а сфера непознанного, которая является предметом осмысления мифа, сужается. Несмотря на это, миф сохраняет свое значение, так как человек далеко не всегда мыслит логическими категориями, нередко дает увлечь себя эмоциям. Кроме того, трудность заключается в том, что познанное учеными столь обильно и сложно, что их аргументы и выводы трудно довести до понимания масс. И потому относительное невежество неспециалистов не всегда уменьшается с ходом развития науки, и остается широкое поле для мифотворчества. Роль мифов в со-

временном обществе убедительно изобразил в своей работе «Аспекты мифа» М. Элиаде [3]. Он показал, как средства массовой информации участвуют в формировании мифов. Так, персонажи комиксов являются современной версией мифологических или фольклорных героев. Они до такой степени воплощают идеал значительной части широкой публики, что разные превратности их судьбы, а тем более смерть, вызывают настоящие потрясения у читателей: они отправляют тысячи телеграмм и писем авторам и редакторам газет и журналов с протестами [3]. С помощью масс-медиа происходит мифологизация личностей, их превращение в образ, служащий примером. Мифологическое поведение раскрывается также в навязчивом стремлении достигнуть «успеха», столь характерном для современного общества и выражающем темное и неосознанное желание выйти за пределы человеческих возможностей.

Связь с действительностью определяет инструментальную роль мифа. Он обслуживает совершенно конкретную современную задачу. При этом миф не признает различий и отвергает вероятность нескольких равнозначных гипотез; он основан на стереотипизации окружающей прошлой или нынешней действительности. Следовательно, миф сознательно упрощает действительность и прибегает к неправомерным (с научной точки зрения) обобщениям на основе единичных и зачастую весьма неоднозначных фактов. Ведь только непротиворечивый миф, устанавливающий жесткие рамки «объективной истины», способен решить поставленные перед ним задачи. По Ж. Сорелю, предназначение мифа заключается в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов», присущих социальной общности, с целью их упорядочения, систематизации и снятия опасности. Цели субъектов мифологического сознания формулируются в имплицитной форме, в ярких и запоминающихся образах, способных сразу же привлечь к себе внимание и оказывать сильное психологическое давление.

Другой отличительной чертой мифа как жизненной силы культуры является то, что он мыслит образами. Как отмечает И. М. Дьяконов, миф познает эмоции, возникающие у нас по отношению к объектам реального мира [4]. Кроме того, что миф познает эмоции, он их и формирует. Еще В. Вундт отмечал, что при мифологической апперцепции все чувства, аффекты, вызываемые явлением, становятся как бы свойствами самого явления [4]. Все первичные мифологические представления являются в качестве непосредственно данной действительности; затем уже следуют ассоциации. В мифе зафиксировано эмоциональное отношение к действительности.

Что касается формальной стороны мифа, то он может быть выражен в виде песни, действия, сказки, повести, заповеди. Миф принадлежит к сфере словесности не как жанр, а лишь в том смысле, что он выражает взаимоотношения человека с внешними явлениями в словесной форме.

В качестве отличительной черты мифа можно отметить и направленность на прошлое. Апеллируя к прошлому, миф фактически строит внеисторическую схему, представляющую определенный этнос вечной и неизменной целостностью. Героическое мифологизированное прошлое должно обеспечить народу славное будущее. Такой подход отражается в популярной теории циклизма. Народ изображается монолитным органическим единством, лишенным внутренних противоречий. Фактически он отождествляется с «личностью» и персонифицируется. Этому нередко способствует образ врага, который используется для укрепления внутренней сплоченности. В основе мифа лежат оппозиции: свое и чужое, белое и черное, добро и зло, высокое и низкое и пр. Мобилизуя народ на бескомпромиссную борьбу с персонифицированным злом, миф апеллирует к героическому образу предков, будто бы способному наделять своих потомков небывалой энергией и обеспечить победу. Поиски «золотого века», как правило, ведутся в очень отдаленном прошлом, так как события относительно недавнего времени достаточно хорошо освещены источниками. Отдаленное прошлое, в силу особенностей доступных нам источников (археологических и лингвистических), воспринимаемое прежде всего в культурных, а не социальных терминах, дает гораздо больше простора для фантазии и стереотипизации. Как правило, такое историческое видение прошлого является искусственной конструкцией, упрощающей гораздо более сложную историческую реальность. Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен этнической общности в критические моменты истории. Миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделять творческой энергией с целью преодоления кризиса.

Из чего складывается национальный или этнический образ прошлого? Нетрудно заметить, что в истории каждого народа есть ключевые моменты, с которыми он склонен, прежде всего, отождествлять себя и свою судьбу. История некоторых народов отягощена трагическими событиями, и тогда историческая версия делает акцент на два момента — расцвет данного народа и катастрофу, приведшую его в упадок. В центре внимания народов находятся события, связанные, во-первых, с обретением родины, во-вторых, с формированием и расцветом своей собственной государственности, в-третьих, с великими

завоеваниями и, наконец, в-четвертых, с ужасной катастрофой, превратившей поступательное развитие данного народа. Эти моменты особым образом выделяются, потому что первый из них легитимизирует право данного народа на территорию, второй — позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование своей государственности, наконец, третий и четвертый — представляют аргументы для того, чтобы занять достойное место в современном сообществе народов. Для представителей тех групп, к которым они обращены, они служат некоторой психологической компенсацией за все те лишения, которые они претерпели в прошлом и которые переживают в настоящем. Вместе с тем, возрождая давно забытое прошлое, эти схемы заставляют вспоминать о давних обидах и реставрируют прежние архаические негативные стереотипы и предубеждения против соседних народов. Этногенетический миф включает в свой состав целый комплекс мифов: миф об автохтонности (утверждение о необычайной древности этнической культуры и языка на занимаемой ныне территории в особенности); миф о прародине (стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое); миф о лингвистической преемственности (идентификация своей этнической группы с вполне определенным языком); миф об «этнической семье» (убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или «дочерних» этнических групп, которые позднее отселились на другие земли); миф о славных предках (стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо славным народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам); миф о культуртрегерстве (претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов); миф об этнической однородности (преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родо-племенных делений и многокомпонентности формирующейся общности); миф о заклятом враге (конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации); миф об этническом единстве (во имя единства государства или для усиления своей мощи причисляют к своей общности и иные этнические группы).

В ходе модернизации, охватившей современный мир, происходит унификация культуры, и многие народы, живущие в многонациональных государствах, теряют свои традиционные хозяйственные системы, обычаи и социальную организацию, народную культуру и неред-

ко даже родной язык. Этногенетические мифы являются основой этнического самосознания. Поэтому, пока люди будут осознавать свою принадлежность к особым отличным от других общностям, они будут все больше и больше придавать значение своему мифологизированному прошлому.

Библиографический список

1. Хюбнер К. Критика научного разума / пер. с нем. — М., 1994.
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992.
3. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова. — Москва, 1996.
4. Мифологии древнего мира / пер. с англ. — М., 1977.

О. Н. Замятина (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Правовая культура является составной частью культуры и влияет на формирование сознания и деятельность людей в различных сферах жизни. Большинство проблем развития нашего общества, с которыми мы сталкиваемся в условиях перехода к рыночной экономике, связано с необходимостью повышения правовой культуры в целом.

В системе высшего образования правовая культура является важным компонентом формирования социальной культуры личности. Социальная культура — это самоидентификация личности с определенными социальными группами и слоями общества, умение выражать свои интересы, взаимодействовать, «солидаризироваться» с другими социальными субъектами, управлять своей жизнью. Именно такая ориентация системы образования на всестороннюю социальную культуру личности обеспечит сохранение традиционной культуры в российском обществе и обусловит его устойчивое развитие и развитие системы образования в частности.

В современной науке понятие «правовая культура» формируется с различных позиций. Мы выделяем следующие подходы:

1. Правовая культура как вид деятельности. Согласно этому подходу, правовая культура рассматривается как результат и способ правовой деятельности. Так, Н. Л. Гранат и В. В. Панасюк отмечают, что «это

не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете» [1]. Таким образом, правовая культура представляет собой сложный комплекс характеристик правовой жизни: правосознания, правоотношений, правового поведения и возможностей реализации собственных прав.

2. Правовая культура как информация. В этом контексте заслуживает внимания научный взгляд Е. В. Клеймановой, К. А. Моралевой. По их мнению, правовая культура — «есть информация, которая сохраняется не только в объективном носителе — знаковых системах, но и в субъективном, которым являются человек, общество, социальные группы» [2]. Таким образом, в современном обществе приобретают свою актуальность знания, информированность людей о правах и обязанностях, их законодательном закреплении, о правовых механизмах их реализации.

3. Ценностный подход к изучению правовой культуры. В рамках данного подхода правовая культура может быть охарактеризована как сформировавшаяся в процессе социального развития информационно-коммуникативная, регулятивно-охранительная среда человеческой жизнедеятельности, в основу которой положено право и которая позволяет обеспечить правомерное поведение абсолютного большинства членов общества [3]. Следовательно, в данном контексте ценностными элементами правовой культуры являются отношение к праву и к правовой системе, характер и направленность правовых ценностей, правовая составляющая в мотивах и установках.

Правовая культура подразделяется на правовую культуру общества и правовую культуру личности. Правовая культура общества характеризует качественное состояние правовой жизни, обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим развитием общества. В структуру понятия входит само право как система норм, правоотношения, правовые учреждения. Правовая культура в личностном значении означает комплексное свойство человека, определяющее положительную направленность его действий и поступков в ситуациях, имеющих правовое содержание, единство правовых знаний, отношения к праву и правовому поведению.

Таким образом, правовая культура человека включает в себя следующие компоненты:

- единство правовых знаний, адекватно отражающих правовую действительность,

- эмоционально социально полезное отношение к правовым явлениям,
- правомерное поведение.

Правовая культура выполняет одновременно несколько функций:

- познавательная функция реализуется через правовые взгляды и представления, направленные на углубление правовых знаний, развитие правосознания и правового мышления;
- аксиологическая функция способствует использованию правовых знаний и умений в реальной действительности и превращению их в убеждения;
- адаптивная функция выражается в правовой социализации личности, а также в социально-правовой ее активности;
- регулятивная позволяет соотносить общественные и личные интересы, реализуя их в рамках законности, регулировать отношения с другими социальными субъектами в различных сферах жизнедеятельности общества, следуя предписаниям закона;
- интегративная функция помогает личности действовать в едином правовом поле;
- коммуникативная функция обеспечивает общение граждан в юридической сфере.

Формирование правовой культуры личности студента является одной из важных задач современного образования. Согласно Закону Российской Федерации «Об образовании», содержание образования [4, ст. 14] должно быть ориентировано «на обеспечение свободного развития личности, прав и свобод личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры». Тем самым законодательно закреплена новая концепция высшего образования в России, где акцент делается на формирование правовой культуры подрастающего поколения, что является неотъемлемым компонентом цивилизованного правового государства.

Правовая культура необходима будущему специалисту для того, чтобы он хорошо ориентировался в современном обществе, находил правильный выход из ситуации, хорошо знал свои права и обязанности, умел их реализовать и с помощью правовых средств эффективно защищать. Также необходимо, чтобы он знал и уважительно относился к правам и обязанностям своего окружения, будь то граждане, трудовые коллективы, государственные или общественные органы, должностные лица, грамотно решал задачи практического поведения в правовой сфере. Формирование правовой культуры студентов становится важной государственной задачей в сфере образования.

Библиографический список

1. Гранат Н. Л., Панасюк В. В. Правосознание и правовая культура // Юрист. — 1998. — № 11/12. — С. 2–8.
2. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. — 2003. — № 1. — С. 50–56.
3. Ромашов Р. А., Тищенко А. Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. — 2006. — № 1. — С. 7–10.
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с изменениями 2017 г.)

А. В. Ильиных (Барнаул)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

Социологическое образование создается учеными, живущими и работающими в современной России. Также свой вклад внесли мыслители вне страны, воспитанные на российской культуре. После революции значительная группа русских социологов жила и работала за границами СССР, например, Н. Михайловский, П. Лавров, П. Сорокин и многие другие мыслители XX в. [1, с. 11–13]. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам зарубежных социологов, заимствуя их знания в этой области.

Социология на рубеже XX–XXI вв. связана со становлением и развитием эмпирической базы, а также со стремлением определенным образом соединить теоретическую и эмпирическую социологию воедино [2, с. 3–15].

В последнее время социологическая наука становится одной из наиболее востребованных среди других наук, таких как экономика, реклама, психология и др., ее методы изучения привлекают студентов [3, с. 18–20]. Молодые исследователи интересуются популярными опросами населения, выясняющими мнение людей по различным текущим проблемам (радио, ТВ, журналы, интернет-источники и т. д.).

По мнению советского социолога Г. В. Осипова, ни в анкете, ни в интервью нет ничего только специфически социологического. Данные, полученные с их помощью, могут быть использованы любой общественной наукой [4, с. 765–870]. Заслуга социологии в том, чтобы преобразовать данные в результат. Это можно назвать «социологическим искусством».

Проще говоря, социология — это не собирательная наука, а качественная [5]. Сделать вывод о проведенном исследовании не так просто, ведь каждый ответ респондента важен для социолога. От этого зависят выводы об исследуемом.

Многие ученые отмечали, что социология тесно связана с экономикой. Так, например, Дюркгейм дал детальный социологический анализ экономического процесса разделения труда, создал теорию общественной солидарности. М. Вебер исследовал влияние социальных институтов (религии, политики) на экономическую жизнь, взаимодействие хозяйственной идеологии и экономической организации. Г. Зиммель дал социологическую интерпретацию такой экономической категории, как деньги.

В период становления социологии, который на сегодняшний день еще не завершен, на первое место встают такие проблемы, как социологическая парадигма, а также вопрос о предмете социологии, который тесно связан с ней [6]. Вследствие этого может сохраниться и усилиться тенденция отождествления социологии с социальной философией — в связи с приходом мыслителей, которых ранее интересовал исторический материализм. Г. В. Осипов отмечал, что ближайшие годы пройдут под знаком «конкуренции» двух групп ученых, каждая из которых будет отстаивать свои интересы. Одни будут стремиться к тому, чтобы определить, ограничить предмет социологии, отличающий ее от других общественных наук, изучающих общество; другие — к тому, чтобы поставить на место предмета социологии общество как таковое, не ставя и не решая проблему предмета и объекта науки.

В перспективе можно ожидать возникновения и формирования нескольких конкурирующих особенностей социологического образования:

1. На основе методов и методики социологических исследований следует ожидать рост усилий, связанных с получением надежных данных, а также развитие сетей интервьюеров, позволяющих проводить социологические исследования в мониторинговом режиме [7, с. 54–58].

2. Распространение качественных результатов данных путем компьютерного анализа данных.

3. Институционализация социологии в России.

4. Наряду с анкетными опросами будут чаще применяться так называемые гибкие методы: углубленные интервью, беседы и т. п.

А в настоящее время наряду с экономистами, юристами, IT-специалистами, по мнению академика М. Горшкова, на рынке труда растет спрос на социологов [8, с. 7–47]. Но тогда как экономика, юриспруденция достаточно развиты и успешно конкурируют с зарубежными, социология для современной России — наука относительно молодая. Если не считать эмпирических социологических исследований, проводившихся в СССР, а также теоретических социологических разработок, на них опирающихся, то, строго говоря, в СССР понятия социологии как науки не было. А существовала социальная философия под названием «исторический материализм», как это уже упоминалось выше, которая, будучи именно философией, хотя и социальной, все же не может претендовать на статус и роль социологии.

Таким образом, в ближайшем будущем социология в России определит свой предмет и займется своим собственным делом, не подменяя другие науки. Глобализация различных сфер общества, интернет-сети, информационные технологии — эти и другие достижения современной России только ускорят процесс развития социологического образования.

Библиографический список

1. Дюркгейм Д. Э. Социология образования / под ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. — М., 1996. — С. 11–13.

2. Голосенко И. А., Зверев В. М., Лиоренцевич И. Г. Социологическая мысль в России / под ред. Б. А. Чагина. — Л., 2003. — С. 3–15.

3. Докторов Б. З. Современная российская социология // Историко-биографические поиски. — М., 2012. — С. 18–20.

4. Осипов Г. В. Основы общей социологии. — М., 2003. — С. 765–870.

5. Grandars — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/>

6. Добренъков И. В. Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>

7. Лупанов В. Н. Социология открытого образования: актуальные проблемы становления и развития // Современные проблемы науки и образования. — М., 2008. — С. 54–58.

8. Кравченко А. И. Социология: Общий курс : учеб. пособие. — М., 2002. — С. 7–47.

*О. Н. Колесникова, Т. В. Чуканова (Барнаул),
Ван Дань (КНР)*

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РОССИИ И КИТАЯ

Благотворительность является важным общественным явлением. Даже семантика слов «благо» и «творить» имеет сильнейшую духовно-мировоззренческую составляющую для российского общества. Не случайно 2018 год объявлен в России годом добровольца и волонтера.

В различных словарях представлены несколько отличающиеся друг от друга определения понятия «благотворительность». Так, согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова благотворительность — это оказание материальной помощи бедным [1], а авторы Современного экономического словаря понимают под благотворительностью оказание безвозмездной помощи (материальной и денежной) нуждающимся людям и организациям, обеспечение людей благами и услугами за счет благотворителя [2]. Можно выявить два основных признака благотворительности: во-первых, это помощь, которая оказывается нуждающимся; во-вторых, это помощь, которая оказывается на безвозмездных началах.

Оказание благотворительной помощи в России имеет давние традиции. Принятие христианства и следование основной заповеди — любви к ближнему — можно отнести к началу организованной благотворительной деятельности. История нашего Отечества богата собственным опытом становления и развития всех форм общественного призрения. Благотворительность как социокультурное явление существует на всех этапах развития общества и реализуется через формы, адекватные отдельной эпохе (например, религиозные формы — XII в., государственные — XVIII в., частные — XIX в.). В XXI в. благотворительность в России вновь начинает играть важную роль, т. к. происходит возрождение не только государственной благотворительной помощи, но и частных организаций, а также благотворительности отдельных юридических лиц. Все это способствует оказанию более эффективной помощи нуждающимся людям.

Благотворительность — это сложный комплекс многопрофильных учреждений, организаций, фондов, которые оказывают социальную помощь по многим направлениям. Активно действуют общероссийские общественные благотворительные организации: Союз благотворительных организаций России, Федеральная комиссия по благотвори-

рительной деятельности, Национальный благотворительный банк, Совет по благотворительности при Президенте РФ и т. д.

В настоящее время на территории нашей страны действуют сотни различных фондов, которые ежегодно выделяют гранты и стипендии для поддержки различных сфер жизни. Интересен опыт российских фандрайзинговых НКО, решающих важнейшие социальные проблемы, такие как: Благотворительный фонд помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам «Русфонд»; Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь»; Благотворительный фонд продовольствия «Русь»; Фонд «Центр социальных программ»; Благотворительный фонд спасения тяжелобольных детей «Линия жизни» и др.

К положительным моментам современной ситуации в этой сфере можно отнести готовность значительной части общества участвовать в благотворительной и добровольческой деятельности, а также довольно высокий уровень развития социальной деятельности благотворительных и религиозных организаций. Как отмечает ВЦИОМ, в последнее десятилетие уровень вовлеченности граждан в благотворительную деятельность существенно вырос: если в 2007 г. о том, что так или иначе в ней участвовали, сообщали 50%, то в 2017 г. — уже 69% (москвичи и петербуржцы, высокообразованные граждане чаще, чем жители малых городов/сел и граждане со средним образованием). Если ранее филантропия сводилась в большинстве случаев к подаче милостыни (36% в 2007 г., 30% в 2017 г.) и передаче вещей в детские дома, дома инвалидов и т. д. (19% и 27%), то сегодня значительно чаще стали использоваться и другие каналы благотворительности. Так, в последние несколько лет адресную помощь в виде перевода денег на счет осуществляли 32% опрошенных (2017 г.) — против 4% в 2007 г., в благотворительные фонды передавали средства 17% (в 2007 г. — 4%). Денежные пожертвования чаще всего сегодня делают в размере 101–500 руб. (об этом сказали 24% респондентов, участвовавших в благотворительности) и 501–1000 руб. (17%) Все больше россиян вовлекаются в благотворительную деятельность, однако граждане по-прежнему чаще предпочитают оказывать помощь адресно, нежели действовать через профильные организации. Несмотря на общую положительную динамику благотворительной активности граждан, сфера профессиональной благотворительности в нашей стране еще требует развития [3].

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим в настоящее время благотворительную деятельность, является Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотвори-

тельных организациях» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 23.12.2010 г. и ред. от 05.05.2014 г.). Он определяет деятельность субъектов благотворительной деятельности: благополучателей, благотворителей и особый вид некоммерческих организаций — благотворительных. В нем четко и детально определяются формы благотворительной деятельности, ее сущность, основные характеристики благотворительных организаций. Закон устанавливает основы правового регулирования благотворительной деятельности, определяет возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной деятельности в Российской Федерации. Выделяет основные цели благотворительной деятельности: социальная защита и поддержка малообеспеченных граждан; социальная реабилитация безработных и инвалидов; помощь пострадавшим в результате стихийных бедствий, жертвам репрессий, беженцам; содействие деятельности в области образования, науки, культуры, спорта, здравоохранения, охраны памятников, защиты окружающей среды и т. д. [4].

Благотворительная деятельность и ее поощрение должны входить в социальную политику любого государства: «признание нуждающихся и попечение о них должны составлять часть социальной политики государства, то есть системы мер, направленных в интересах тех слоев населения, которые принимают главное участие в создании национального богатства, или, другими словами, системы мер по улучшению экономического, правового и духовного положения трудящихся масс» [5].

Интересен опыт Китая по развитию благотворительности. Конфуцианство учит китайцев надеяться на самих себя и своих родственников, доверяя государству заботу о тех, кому помочь некому, т. е. благотворительность китайцам была не свойственна. Однако основание Всекитайской благотворительной федерации (ВБФ) в 1994 г. обозначило тот факт, что структура благосостояния китайского общества вступила в новую эпоху. Появились новые тенденции в благотворительной деятельности. ВБФ и местные благотворительные организации совместно осуществляют на постоянной основе большое количество благотворительных акций и проектов. В их число входят: благотворительная акция «Дождевая вода» для разрешения проблемы недостатка воды в засушливых районах на Западе Китая, акция «Улыбающийся поезд» для проведения операций детям-инвалидам, акция «Помощь учебе» для предоставления стипендий детям из бед-

ных семей, акция «Пламя свечи» для оказания поддержки малоимущим преподавателям, акция «Забота о сиротах» для оказания материальной помощи детям-сиротам, акция «Глибек» для помощи больным лейкемией, а также другие многочисленные акции и проекты, направленные на оказание помощи бедствующим [6].

Следует отметить, что китайская благотворительность имеет свои специфические проблемы: компартия КНР строго контролирует благотворительные инициативы граждан. Чтобы пройти процедуру официальной регистрации, каждая благотворительная организация должна выбрать своим «поручителем» государственную структуру, отвечающую за соответствующее направление, и получить одобрение Министерства гражданской администрации Китая. Большое количество потенциальных благотворителей не справляется с бюрократическими формальностями: например, частному лицу, чтобы основать благотворительную организацию, необходимо вложить в нее не менее 2 млн юаней. «Поручители» отдают предпочтение тем, кто стремится решить проблемы национального масштаба, маленькие фонды помощи конкретным людям или небольшим группам людей их редко интересуют. Другими словами, «поручители» скорее согласятся взять под свою опеку организацию, которая собирает средства на абстрактную модернизацию системы здравоохранения, чем небольшой фонд помощи больным с редким заболеванием. Жесткая формализация процессов администрирования деятельности уже прошедших регистрацию организаций — еще одна специфическая проблема китайской благотворительности. Кому нужно помочь в первую очередь, каков объем необходимой помощи, как собирать средства — во всех ключевых вопросах последнее слово остается за «поручителями». Это приводит к консерватизму, однородности и инертности сектора благотворительности. «Поручители» не одобряют сбор средств на проведение косметических операций или на отправку больных на лечение за границу. Помогать китайянкам, пострадавшим от домашнего насилия или вовлеченным в занятия проституцией, тоже не получится — официально в Китае не существует таких проблем, и ни один «поручитель» не возьмется курировать организацию, ими занимающуюся. Рядовые китайские благотворители не могут помогать тем, кому считают необходимым помогать. Чаще всего они жертвуют большим фондам с абстрактными целями, которые просто передают собранные средства в общую государственную копилку.

Первый за всю историю Закон КНР «О благотворительности» вступил в силу 1 сентября 2016 г. Он определяет основные правила ведения благотворительной деятельности и защищает права меценатов.

К благотворительной деятельности закон относит добровольную деятельность физических лиц, юридических лиц и остальных организаций в форме безвозмездной передачи имущества или оказания услуг в целях: 1) помощи бедным и находящимся в сложной жизненной ситуации; 2) помощи пожилым, сиротам, инвалидам, страдающим заболеваниями; 3) помощи пострадавшим от природных бедствий, техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций; 4) содействия развитию образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта; 5) борьбы с загрязнением окружающей среды, защиты и совершенствования экологической ситуации; 6) в других общественно значимых целях, предусмотренных законом. Закреплено, что благотворительная деятельность должна быть основана на принципах законности, добросовестности, добровольности, на некоммерческой основе и не может противоречить общественной морали или причинять вред государственной безопасности, публичным интересам, правам и законным интересам других лиц. Благотворительные организации в соответствии с законом могут создаваться в форме фондов, общественных организаций, социальных служб и в другой организационно-правовой форме. Основные требования, предъявляемые к благотворительным организациям: 1) целью организации является ведение благотворительной деятельности; 2) организация не создана в целях получения прибыли; 3) наличие собственного наименования и места ведения деятельности; 4) наличие собственного устава и необходимого имущества; 5) наличие организационной структуры и ответственного лица, соответствующих требованиям; 6) соответствие другим требованиям, предусмотренным законом и подзаконными актами. Регистрация благотворительных организаций находится в компетенции органов гражданской администрации. Кроме того, закон предусматривает правила создания благотворительных трастов, правила раскрытия информации о деятельности, оказание безвозмездных услуг, меры по содействию благотворительной деятельности и юридическую ответственность за правонарушения [7].

Таким образом, как в России, так и в Китае уделяется особое внимание благотворительной деятельности как мощному инструменту и ресурсу для решения социальных проблем с учетом специфических аспектов, связанных с религиозными, законодательными, организационными основами.

Библиографический список:

1. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935–1940.

2. Райзберг Б. А., Лозовский В. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — М., 2006.
3. Статистика благотворительности в России [Электронный ресурс]. — URL [2017https://yandex.ru/search/97&msid](https://yandex.ru/search/97&msid)
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 23.12. 2010 г.) [Электронный ресурс] // СПС Гарант, 2013.
5. Чижкин Д. В. Государственно-правовое регулирование благотворительной деятельности и признания неимущего населения России с древнейших времен до XIX века : автореф. дис. ... к. ю.н. — Н. Новгород, 2007.
6. Китайский информационный интернет-центр [Электронный ресурс]. — URL: China.org.cn11/01/2007
7. О благотворительности : закон КНР [Электронный ресурс]. — URL http://cnlegal.ru/china_law_review/charity_law_2016/

О. Т. Коростелева (Барнаул)

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Юридическую антропологию (антропологию права) можно рассматривать как одно из отраслевых измерений социальной антропологии наряду с исторической антропологией, антропологической лингвистикой, психологической, экономической, экологической, инвайроментальной, педагогической, религиозной «антропологиями», бизнес-антропологией, киберантропологией и т. п. [1, с. 50–89]. Однако, на наш взгляд, именно антропология права выступает в этом ряду «первой среди равных», т. к. обладает особенно богатыми познавательными возможностями, мощным когнитивным потенциалом.

Как утверждает В. С. Нерсисянц, «юридическая антропология, судя по положению дел в гуманитарных науках на Западе, является одной из наиболее содержательно богатых, практически значимых, развитых в теоретическом и эмпирическом отношении наук, разрабатывающих разные аспекты и направления современных социально-антропологических исследований» [2, с. 4].

Познавательный потенциал юридической антропологии определяется, как минимум, следующими особенностями данной научной дисциплины:

- 1) высокий уровень теоретико-методологической рефлексии, связанный с длительным и глубинным противостоянием парадигмальных позиций эволюционизма и структурного функционализма, которые радикально отличаются подходами к архаичным и современным сообществам;
- 2) богатый и разнообразный арсенал методов эмпирического исследования, многие из которых роднят юридическую антропологию с целым рядом социогуманитарных наук (социологией, психологией, семиотикой, историей) [3, с. 46–72] и создают предпосылки для полноценного междисциплинарного взаимодействия;
- 3) особая область исследований юридической антропологии (человек в системе правовых отношений), которая предполагает обращение к архетипам человеческого мышления и поведения в их наиболее четко очерченных, нормативно определенных формах.

Именно сфера права представляет собой ту область смыслового пространства человеческого бытия, в конструировании которой самое непосредственное участие принимают архетипические бинарные оппозиции (такие как «интересы индивида и группы», «месть и наказание», «уставные и договорные отношения», «священная трактовка и профанное использование земли»). Подчеркнем, что основные юридические отношения (родственные, земельные и договорные), а также способы урегулирования конфликтов, приковывающие пристальное внимание представителей антропологии права, фактически высвечивают важнейшие черты всех основных миров герменевтического пространства человеческой жизни: мира повседневности, мира природы, мира мертвых и мира других людей. Например, обнаружение в ряде архаичных сообществ феномена «призрачного брака» (между живыми и умершими), теснейшим образом связанного с решением проблем наследственного права [4, с. 109], существенно расширяет представления о попытках человечества гармонизировать отношения между миром живых и миром мертвых. Так, в племени кукуйю «вдова, возраст которой не позволяет ей родить от любовника ребенка, который унаследовал бы имущество ее покойного мужа, может купить женщину с тем, чтобы она родила такого наследника; эта женщина рассматривается как супруга умершего, а дети являются прямыми наследниками умершего, поскольку сама эта женщина была куплена за счет имущества умершего». По мнению Н. Рулана, «такая практика лишь на первый взгляд кажется нам экзотической. Наши собственные общества начинают ее применять, исполь-

зую, правда, для этого другие методы, такие как замораживание спермы или предоставление матки» [4, с. 109].

Что же касается путей гармонизации бытия человека в мире в целом как центральной проблемы социальной антропологии, то именно антропологии права принадлежит приоритет в изучении фундаментальных принципов такой гармонизации (в первую очередь, адекватности социального обмена и своего рода принципа дополнительности, т. е. сосуществования и примирения полюсов бинарных оппозиций в отношениях между людьми и группами).

Благодаря своему познавательному гуманитарному потенциалу юридическая антропология смогла избежать положения «золушки» в системе социогуманитарного знания, т. е. определения предметно-методологической специфики и значимости «по остаточному принципу».

Напротив, ее охотно признают «своей» не только представители социальной антропологии, но и ученые-правоведы: «Антропология права — это не самостоятельная дисциплина, располагающаяся между юриспруденцией и антропологией, а сама юриспруденция, которая не ограничивается формально-догматическим представлением и методологией о правовой реальности, но рассматривает и изучает ее в качестве культурного феномена, включающего «материальную» сторону и идеальную» [3, с. 6].

Библиографический список

1. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социальная антропология : учебник. — М., 2008.
2. Нерсесянц В. С. Юридическая антропология. — М., 1999. — С. 1–6.
3. Социальная антропология права современного общества / под ред. И. Л. Честнова. — СПб., 2006.
4. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 1999.

Т. Ф. Кряклина (Барнаул)

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ В РОССИИ: ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Известно, что социология как наука была признана в Европе после опубликования французским исследователем О. Контом третьего тома своей важнейшей работы «Курс позитивной философии» в 1839 г. В этой работе О. Конт впервые использовал термин «социология» и выдвинул задачу изучения общества на научной основе.

По его мнению, социология является вершиной позитивного знания, так как в своих исследованиях она опирается на позитивный метод. Это означает, что теоретическое социологическое знание формируется на основе совокупности эмпирических данных, собранных в наблюдениях, экспериментах и сравнительном исследовании — данных надежных, не вызывающих сомнения. Методологию и методику конкретных социологических исследований того периода составляли методы, разработанные главным образом естествоиспытателями. Так, в XVII–XVIII вв. Дж. Граунт и Э. Галлей выработали методы количественного исследования социальных процессов; в XIX в. А. Кетле разработал статистические методы исследования; Э. Дюркгейм центральным пунктом социологического метода считал признание объективной реальности социальных фактов [1, с. 17–18].

Основу методологии социологии более поздних авторов, в частности немецких исследователей Г. Зиммеля (1858–1918) и М. Вебера (1864–1920), составляет признание принципа противоположности законов природы и законов общества. На основе этого принципа ими обосновывается необходимость признания двух типов научного знания: наук о природе (естествознание) и наук о культуре (гуманитарные знания). Социология, по их мнению, пограничная наука. И поэтому она должна заимствовать у естествознания и гуманитарных наук все лучшее, что наработано в их рамках. Так, из естествознания она должна заимствовать приверженность к фактам, у гуманитарной науки — метод понимания и отнесения к ценностям. Впоследствии М. Вебер обосновывает концепцию понимающей социологии, согласно которой социальное действие объясняется через истолкование индивидуальных мотивов человека.

В России социология формируется и успешно развивается во II половине XIX в. В этот период начали складываться первые научные школы социологии, представленные именами известных исследователей: марксистская (Г. Плеханов, М. Туган-Барановский, П. Струве и др.); субъективная (Ю. Делевский, Н. К. Михайловский, Е. Колосов); психологическая (Л. Петражицкий, Н. Михайловский, Н. Карев, П. Лавров, Е. де Роберти); бихевиористская (И. Павлов, В. Бехтеров, Н. Болдырев, Г. Зеленый, В. Ленц и др.). К этому направлению относятся работы: «Биопсихология» В. Вагнера; «Система социологии», «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества», «Социология революции» П. Сорокина. Это научное направление считалось одним из наиболее перспективных [2, с. 20–21].

Параллельно с формированием научных школ социологии шла «социологизация» юриспруденции, политической науки и экономики. Она

характеризовалась тем, что в этих науках анализ проблем становился все более социологическим, в них рассматривались фундаментальные проблемы социологии. К таким работам относятся труды «Общие проблемы гражданского права» И. Покровского, «Социальные науки и право» Б. Кистяковского, «Кризис современного правосознания» П. Новгородского, «Энциклопедия права» Н. Лазаревского, «Этика» П. Кропоткина, посвященные общегражданским проблемам права.

Другая область юриспруденции — уголовное право и криминология, в которой также использовались результаты социологических исследований. Они были представлены в работах М. Гернета, М. Чубинского, А. Жижиленко, Н. Розина. Наиболее известна работа этого цикла П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда», представляющая собой социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали.

К началу XX в. в России оформились новые научные школы социологии, и прежде всего школа социологической методологии. Особенно ценны в этом плане работы: «Методология истории» в 2-х т. А. Лаппо — Данилевского, «Теория исторического знания» Н. Кареева, «История как проблема логики» Г. Шпета. Особого внимания также заслуживали труды А. А. Чупрова по социальной статистике. Его работа «Очерки по теории статистики» была такого высокого уровня, что Королевское общество статистов Великобритании избрало его своим почетным членом. В рамках этой научной школы были представлены труды по общей социологии. Самый крупный из них — «Социология» М. Ковалевского в 2-х томах (1910). Также широко известна работа М. Ковалевского «Современные социологи» (1905), в которой он дает критический обзор важнейших социологических теорий таких ученых, как Тард, Гиддингс, Болдуин, Гумплович, Дюркгейм, Зиммель и др.

В 1930–1950 гг. оформляется научное направление — социальная философия и философия истории. Оно сформировалось русскими учеными — эмигрантами, опубликовавшими за границей ряд книг, которые были определены как социально-философские. Некоторые из них были близки к направлению, которое в Германии называют «понимающей социологией». Оно было представлено работами Э. Шпрангер, Т. Литт, М. Вебер и др. Почти все эти работы основывались на антипозитивистской точке зрения. В качестве примера назовем работу «Крушение кумиров» С. Франка. В ней он высказывает фундаментальные мысли о современной западной цивилизации. Аналогичные мысли содержатся в работе «Философия неравенства» другого русского исследователя Н. Бердяева.

Сравнивая российскую социологию первой четверти XX в. с социологией XIX в., подчеркнем их отличительные особенности:

- социологические работы XX в. носят менее философский и общий характер;
- методы социологических исследований в них более объективны, менее спекулятивны;
- падает популярность таких школ, как «экономическое объяснение истории» и «субъективная социология»;
- увеличивается многообразие научных течений, появляются новые лидеры социологической науки.

Однако с 1930-х по 1960-е гг. социология в СССР практически не развивалась. Ее возрождение началось в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в период реформирования общественно-политических отношений.

Библиографический список

1. Социология. Основы общей теории / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. — М., 1998.
2. Харчева В. Основы социологии. — М., 1997.

*С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко (Барнаул),
А. Мураткызы (Казахстан)*

ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ²

Доверие является одним из ключевых элементов социального капитала гражданского общества, и в определенном смысле можно говорить о специфической культуре доверия, характерной для гражданского общества [1]. обстоятельный анализ причин, обуславливающих значимость доверия в условиях современных обществ, дан П. Штомпкой. По мнению ученого, доверие является не личностной чертой или добродетелью, а вынужденной необходимостью, спровоцированной колоссальными социальными трансформациями. Для современной России указанные причины также оказываются релевантными, возможно еще в большей степени, в силу исторически обусловленных траекторий развития российского государства [2, 3, 4]. Толь-

² Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 17-33-00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019 гг.).

ко за последний век в нем сменилось несколько политических режимов, к каждому из которых население адресовало свои надежды, чаяния, доверяло свои судьбы [5]. Эти процессы имеют жесткую сцепку как с внешними, глобальными процессами, так и с внутренними факторами, определяющими характеристики доверительных отношений на всех уровнях социальной системы, наконец, с особенностями менталитета и национального характера и другими социокультурными детерминантами российского общества [6, 7, 8].

Наше исследование посвящено изучению деперсонифицированных (безличных) разновидностей доверия в Алтайском крае, которое проведено на основе оценки населением ($N=600$, в возрасте от 18 до 75 лет) ряда показателей.

В качестве измерительных инструментов использовались классические шкалы доверия и батареи вопросов, применяемые в международных исследовательских проектах, таких как General Social Survey и World Values Survey, а также национальных опроса общественного мнения, проводимых ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центром. Часть из них были модифицированы для получения более дифференцированных, приближенных к количественным оценкам. Первичный анализ описательных статистик дополнялся расчетом индексов и интегральных показателей на основе IRT моделей, позволяющих оценить психометрическое качество полученной шкалы и отдельных его элементов.

Для оценки обобщенного доверия применялись три вопроса, оцениваемых респондентами по десятибалльной шкале, где 10 баллов означало максимальную выраженность доверия, а 1 балл — практически полное его отсутствие. Первый из них имел классическую формулировку «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?». Второй вопрос представлял собой уточнение к первому в виде ограничения доверия по отношению к окружающим людям. Поскольку при этом не указывалось, что это знакомые люди (каждого из нас окружает множество незнакомых людей), этот вопрос являлся редукцией обобщенного доверия к социальному пространству, ограниченному местом проживания респондента. Третий вопрос касался оценки готовности оказывать взаимопомощь в социальном окружении индивида как индикатора потенциала вступать во взаимодействие и кооперацию, представляющего имманентную характеристику обобщенного доверия. Несмотря на то, что вопрос задавался не о самом респонденте, а о его типичном окружении, в ходе ответа на отвечающего воздействовал механизм проекции, проявляющийся в переносе сво-

их ожиданий и предрасположенностей на гипотетических «других», чье поведение он пытался спрогнозировать.

Согласно данным описательного анализа, уровень обобщенного доверия в исследуемых регионах у большинства населения варьировал в диапазоне от трех до шести баллов, среднее значение составило 4,57 балла, медиана — 5,0 баллов. Учитывая серьезное смещение и правостороннюю асимметрию, медиана являлась более обоснованным показателем центральной тенденции, чем среднее, на которое оказывали влияние выбросы и вытянутые «хвосты» распределения.

Оценка доверия по отношению к окружающим была значительно более высокой: среднее значение — 6,2 балла, медиана 6,0 баллов, межквартильный размах — от 5 до 8 баллов. Ближайшее окружение респондента оценивалось как более заслуживающее доверия и, следовательно, более надежное и безопасное для принимаемых решений. Оценки готовности людей помогать друг другу занимали промежуточное положение между оценками обобщенного доверия и доверия к окружающим: среднее значение составило 5,8 баллов, медиана — 6,0 баллов, межквартильный размах охватывал диапазон от 4 до 7 баллов.

На следующем этапе анализа выявлены значимые социально-демографические и социокультурные факторы, воздействующие на выраженность обобщенного доверия. По всем трем переменным были выявлены статистически достоверные различия в группах, выделяемых на основе места проживания и уровня образования. Жители сел были склонны демонстрировать более высокие уровни обобщенного доверия, чем жители городских поселений, а оценки респондентов со средним профессиональным образованием или ниже свидетельствовали о не меньшей выраженности доверия, по сравнению с респондентами с высшим образованием. Было выявлено, что обладающие более высоким социальным статусом респонденты склонны обладать более высоким уровнем обобщенного доверия, чем респонденты с низким социальным статусом. Основные различия пролегли между оценками пенсионеров и наемных работников с одной стороны и более высокими оценками руководителей — с другой. Примечательно, что фактор возраста, в неявном виде присутствующий в разделении респондентов на статусные категории (студенты и учащиеся имплицитно обладают меньшим возрастом, чем пенсионеры), сам по себе не оказывал практически никакого воздействия на обобщенное доверие. Взаимосвязь с уровнем доходов была сходной с выявленным социальным статусом и являлась еще одним подтверждением тезиса о том, что успешные индивиды, занимающие верхние

ступеньки социальной лестницы, обладают большим уровнем обобщенного доверия, что связано прежде всего с большими возможностями контроля и прогнозирования ситуации и возможностями выбора при принятии решений. Основные расхождения в оценках наблюдались между достаточно обеспеченными и богатыми людьми и всеми остальными категориями респондентов.

Оценка материального положения, помимо обобщенного доверия, оказывала влияние на оценку выраженности в обществе альтруистических тенденций. Однако, в отличие от предыдущего случая, где оценки богатых респондентов были противопоставлены всем остальным, здесь наибольшие расхождения наблюдались между оценками депривированных респондентов, идентифицировавших свое материальное положение как «бедно» и «очень бедно», и оценками в других группах. Таким образом, если общая установка на доверие ассоциировалась с высоким социальным статусом, то оценка, напротив, свидетельствовала об острой нехватке веры в ее получение среди наиболее нуждающихся граждан.

Исходя из выявленных различий, можно сделать вывод о том, обобщенное доверие характеризует не только отдельных индивидов или общество в целом, но и отдельные социальные группы и слои общества. Социальное неравенство и расслоение, различия в образе жизни, представлениях и верованиях приводят к тому, что обобщенное доверие в обществе распределяется неравномерно, в отдельных группах его уровень довольно высок, что свидетельствует о большом объеме социального капитала, тогда как в других он настолько низок, что это становится фактором, снижающим уровень социальной и экономической активности, фактором дезинтеграции и исключения данной группы из системы социальных связей и отношений, формированию изолированных анклавов (например, в виде поселений — сел или городских кварталов, в которых проживает преимущественно бедное население).

Полученные в ходе исследования эмпирические данные содержали принципиально важный для реализации его целей раздел, посвященный доверию населения к деятельности разнообразных общественных институтов. Для оценки использовались пятибалльные шкалы, подобные тем, которые применялись для оценки доверия к неформальным группам, диапазон возможных ответов варьировал от «Совсем не доверяю» до «Полностью доверяю». На основе данных частотного анализа рассчитывались частные индексы доверия. Методика расчета индекса была следующей: из суммы долей положительных и нейтральных ответов («Полностью доверяю», «Ско-

рее доверяю» и «И да, и нет») отнималась сумма отрицательных ответов («Не очень доверяю» и «Скорее не доверяю»).

Наибольшее доверие респонденты испытывали к Русской Православной церкви и общественным организациям, а также обществам защиты прав потребителей и благотворительным организациям. Последние ступеньки в группе институтов, имеющих положительные индексы доверия, занимали правозащитные организации и национально-культурные объединения. Другие общественные институты, такие как средства массовой информации, другие (кроме РПЦ) религиозные объединения, этнические диаспоры, органы местного самоуправления, политические партии, имели отрицательные индексы доверия, варьирующие от — 1,6 для средств массовой информации, набравших 51% отрицательных ответов до — 26,8 для политических партий, недоверие к которым выразили 63% респондентов.

У населения, с одной стороны, отмечался высокий уровень доверия и потенциальная готовность к сотрудничеству с общественными организациями, с другой стороны, существовала четкая дискредитация возможности конфессионального разнообразия вне рамок главенствующего православия, подозрительной представлялась деятельность диаспор, а уровень доверия к политическим партиям свидетельствовал о глубоком кризисе российской институциональной политики.

Сравнительный анализ индексов и распределений ответов показал, что оценки доверия ко всем институтам значительно варьировали в зависимости от региона проживания респондента.

На следующем этапе анализа сравнивались различия в степени выраженности доверия к общественным институтам в различных социальных группах.

Характеризуя общественные отношения, связанные с наличием в обществе доверия и гражданской солидарности, отметим, что больше половины опрошенных во всех шести регионах склоняются к мысли о том, что в России среди граждан больше несогласия, разобщенности (54,2%). Менее трети (30,9%) респондентов оценили общество как пребывающее в согласии и сплоченности, а 13,4% затруднились в оценках. Подобная ситуация в оценках характерна для всех охваченных исследованием регионов, однако определенной спецификой обладает Еврейская автономная область. Жители этого региона чаще прочих оценивают общественные отношения как «согласие, сплоченность» (38,7%), доля уверенных в разобщенности в обществе — самая низкая (39,2%). При общем преобладании негативных оценок,

больше всего их зафиксировано в Забайкальском крае (63,1%) и Кемеровской области (62,9%).

При этом властный фактор в России является мощным средством дезинтеграции общества и общей тенденцией является крайне низкая оценка потенциала социального диалога между «властными» и «безвластными» в современном российском обществе. Только 12,8% опрошенных готовы оценить позитивную перспективу существования взаимопонимания и сотрудничества между простыми людьми и теми, у кого много власти. Около трети (29,8%) опрошенных жителей шести регионов признают как наличие точек соприкосновения, так и непреодолимых социальных противоречий. Четверть респондентов (25,3%) уверены в невозможности диалога между слоями населения с разным доступом к власти.

Анализ выраженности институциональных условий развития гражданского общества проведен на основе оценки населением 25 признаков, оцениваемых по десятибалльной шкале. В результате ранжирования средних значений были выявлены условия, выраженность которых респонденты считали наиболее существенной для развития гражданского общества. Достаточно высоко выражена терпимость к лицам других национальностей и терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий, свободные, ответственные СМИ объективно освещают проблемы общества, исполнительная власть эффективно реализует предоставление услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения, а полномочия между федеральным центром и регионами рационально разграничены.

При этом отмечена неэффективность антикоррупционного законодательства, слабая работа профсоюзов по защите интересов наемных работников. Об этом свидетельствуют не только низкие средние значения, но и крайне низкие модальные значения: по обоим условиям наиболее встречаемой являлась оценка в 1 балл.

Итак, в ходе исследования выявлен потенциал и выраженность на среднем уровне генерализованного доверия современных россиян. У населения, с одной стороны, отмечался высокий уровень доверия и потенциальная готовность к сотрудничеству с общественными организациями, а с другой — население в целом не отличается гражданской и общественной активностью. Более половины опрошенных приграничных регионов (68,2%) никак не взаимодействуют с некоммерческими организациями. Городские жители несколько чаще взаимодействуют с некоммерческим сектором, нежели сельские. Самыми популярными среди населения являются благотворительные организации (сбор денег/вещей для бездомных,

детских домов, пострадавших, нуждающихся и т. п.), вовлечение в территориальное общественное самоуправление, местные инициативные группы по обустройству жилых территорий (озеленение, детские площадки, площадки для выгула собак, оборудование парковок и гаражей, вывоз мусора и т. п.). В деятельности других общественных организаций опрошенные всех регионов принимают участие в меньшей степени. Городские жители чаще, чем сельские, участвуют в деятельности благотворительных и молодежных организаций, политических партий, правозащитных организаций, организаций, оказывающих социальную помощь. Сельские жители чаще горожан принимают участие в деятельности экологических или природоохранных организаций, территориального общественного самоуправления.

Взаимосвязь между оценками различных категорий позволила выделить три фактора, определяющих благоприятную либо неблагоприятную оценку населением состояния гражданского общества. Первый фактор описывает действия и сущность разнообразных социальных институтов, необходимые для достижения устойчивого развития гражданского общества в современной России. Второй фактор характеризует условия социальной справедливости, в которых формируется и развивается гражданское общество. На третьем месте в факторной структуре стоят базовые ценности толерантности, терпимости к «другому», без принятия и разделения которых формирование гражданского общества будет затруднено.

Библиографический список

1. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Воронина Е. В. Институциональное доверие как фактор национального единства и сплоченности населения России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. — 2016. — № 4–1. — С. 155–162.
2. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*, 1997. — V. 112. — № 4.
3. Партс И. Роль социального капитала в экономическом развитии переходных стран // Портал «Диалог», 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13246.html>.
4. Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики. — 2010. — № 8.
5. Seligman A. B. *The Problem of Trust*. — Princeton, 1997.
6. Misztal B. *Trust in Modern Societies*. — Cambridge, 1996.

7. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. — М., 2010. — С. 160–199.

8. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Суртаева О. В. Институциональное доверие и развитие гражданского общества в Алтайском крае // Вестник Алт. гос. агр. ун-та. — 2017. — № 6 (152). — С. 185–189.

В. В. Нагайцев, Я. Э. Меженин (Барнаул)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Конфликты являются неотъемлемой формой социального взаимодействия людей в обществе. Конфликт определяется нами как способ разрешения значимых противоречий, возникших в интересах двух и более социальных субъектов, заключающийся в процессе их противостояния, столкновения и дальнейшего негативного взаимодействия. Современными исследователями конфликт понимается как вполне закономерное и неизбежное явление в любых социальных системах, источник их поступательного развития и нормально функционирования [1, с. 53–57].

Социальный конфликт — это динамичный, развивающийся процесс. Динамика социального конфликта — изменение конфликта под влиянием действующих на него факторов. В процессе своего развития конфликт, даже самый незначительный, как правило, проходит несколько этапов (стадий). Продолжительность этапов конфликта складывается по-разному. Но, практика показывает, что их последовательность в конфликтах почти одна и та же. Автор выделяет следующие основные стадии развития конфликта: предконфликтная ситуация, латентный конфликт, конфликтная ситуация, инцидент в конфликте, личная конфронтация сторон, стадия первой апелляции, групповая конфронтация сторон, повторная апелляция, «порочный круг», стадия завершения конфликта и постконфликт.

Предконфликт — на этой стадии происходит формирование только нескольких структурных элементов будущего конфликта — сторон, их интересов, фонового социального напряжения в их отношениях. На этой стадии происходит накопление «горючего материала» для будущего конфликта.

Латентный конфликт (стадия скрытого конфликта) — начало развертывания социального конфликта, когда возникают уже значимые противоречия в интересах социальных субъектов — участников конфликта, т. е. появляется реальная причина конфликта, что в будущем создаст конфликтную ситуацию, а затем и открытое столкновение сторон. Однако на данной стадии развития конфликта стороны еще не осознают наличие этих противоречий. Устранение наметившихся на данной стадии противоречий в интересах сторон позволяет предотвратить дальнейшее развитие конфликта.

Конфликтная ситуация — стадия социального конфликта, когда происходит осознание сторонами сложившейся ситуации как конфликтной. Конфликтантам становится понятно наличие противоречий в их интересах. Формируется «почва» для открытого столкновения сторон. На данной стадии уже существуют какие-то элементы их конфликтного противодействия — конфликтанты начинают расходиться по разным лагерям противостояния, возникает достаточно сильная напряженность в отношениях, но она еще не выливается в открытые столкновения. Если конфликт фиксируется на данном этапе, то с «помощью несложных профилактических методик можно прекратить его дальнейшее развитие» [2, с. 395–397]. Нерешенность конфликта на данной стадии предопределяет инцидент в конфликте.

Инцидент в конфликте — это открытая стычка конфликтантов. С него и начинается открытая фаза конфликта, т. е. это различного рода стычки, споры, соры, выяснения отношений, драки и т. п. На данной стадии резко возрастает эмоциональный фон общения сторон. Если на стадиях скрытого конфликта и конфликтной ситуации конфликт находился в «утробном» состоянии, то теперь он появляется на свет. Нередко инцидент возникает как будто по незначительному поводу, но на самом деле такой повод является последней каплей, которая переполняет чашу терпения одной из сторон конфликта. Конфликт на стадии инцидента может им и закончиться. В одних случаях так происходит потому, что конфликтанты расстаются и больше не встречаются (например, конфликт незнакомых друг другу людей). В других случаях конфликт исчерпывается инцидентом, так как сторонам удается в ходе инцидента разрешить свои разногласия и помириться. Особый случай — конфликт, представляющий собою стычку антагонистов, в которой один грозит другому физической расправой и даже смертью (например, в ситуации дуэли с использованием холодного или огнестрельного оружия). Такой конфликт может завершиться инцидентом потому, что погибает один из участников по-

единка. Однако, как правило, после инцидента в конфликте наступает следующая его стадия.

Личная конфронтация сторон — такой этап конфликта, при котором конфликтанты игнорируют друг друга, обвиняя в нарушении норм, своих обязанностей, обязательств и т. п. Происходит эскалация конфликта (от лат. *scala* — лестница). Конфликт движется по «ступенькам», проявляясь только в серии отдельных актов — психологическом противостоянии конфликтующих сторон, демонстрации их ненависти и неприязни друг к другу, «демонизации» оппонентами друг друга, навешивании друг на друга «ярлыков» (обидных оскорблений), но при отсутствии новых реальных столкновений. Конфронтация может быть непрерывной — с постоянным возрастанием напряженности в отношениях и количества обвинений, которыми обмениваются конфликтанты; и волнообразной, когда напряженность в отношениях то усиливается, то спадает, периоды активной конфликтной деятельности сменяются затишьями и временным «замораживанием» конфликта. В последнем случае имеет место затяжной конфликт, который надолго задерживается на этой стадии. На этом этапе конфликт является трудноразрешимым.

Первая апелляция. На этой стадии происходит обращение конфликтантов (или только одного из них) за поддержкой своей позиции в конфликте к третьей стороне — к присутствующим наблюдателям, союзникам, покровителям, посредникам, консультантам и пр. Если третья сторона конфликта со всей серьезностью отнесется к конфликтной ситуации, обстоятельно проанализирует причины конфликта и на этой основе предложит приемлемый для сторон выход из создавшейся ситуации, то конфликт на этом и завершится. Но если этого не произойдет, то наступит следующая стадия конфликта.

Групповая конфронтация сторон — это вторая форма конфронтации. Здесь происходит демонстрация ненависти и неприязни со стороны каждого конфликтанта в отношении всех социальных групп, в которые включен его оппонент. Групповая конфронтация характеризуется расширением зоны и границ конфликта. Как правило, затянувшаяся групповая конфронтация, дополняемая неэффективными результатами первой апелляции, заводит конфликт в тупик, из которого сами конфликтанты самостоятельно выйти уже не могут.

Повторная апелляция (стадия второй апелляции). На этом этапе конфликтанты обращаются за помощью в решении конфликта к авторитетным третьим сторонам (посредникам) — защитникам, судьям, консультантам, руководителям, но выше рангом, чем это было на стадии первой апелляции. Конфликт на этой стадии становится легко

решаемым. На данной стадии сторонам становится ясно, что продолжать конфликт больше не имеет смысла. Ситуация постепенно подводит стороны к осознанию необходимости прекратить как дальнейшее обострение отношений, так и проведение враждебных действий и искать выход из конфликта на каких-либо условиях.

Если конфликт не разрешается на стадии второй апелляции, то начинается новый этап конфликта — *стадия «порочного круга»*, т. е. возвращение конфликта на этап еще одного инцидента. Он обычно выражается в каком-то новом «взрывном» эпизоде в отношениях сторон. Дальше конфликт развивается как бы по кругу. После повторного инцидента происходит очередная конфронтация, затем — очередная апелляция и т. д. При этом происходит расширение его предмета и усиление его остроты на каждом новом круге. «Круговые» конфликты — самые сложные для решения. Но и они преодолимы, правда, при условии разрушения той среды, где сложился конфликт. В затяжном конфликте момент его завершения долго не наступает. В одних случаях конфликт при этом постепенно угасает. Но в других случаях оттяжка решения накапливает высокий негативный «потенциал» конфликта [2, с. 396].

Стадия завершения конфликта и постконфликт. Нужно отметить, что далеко не все конфликты приходят к полному своему завершению. Довольно часто все заканчивается частичным урегулированием отношений сторон, что может явиться причиной возникновения новых столкновений. Полное разрешение конфликтной ситуации наступает только тогда, когда устранены все ее причины. Кроме того, конфликт редко проходит совершенно бесследно. Влияние прошедшего конфликта на ситуацию после его завершения называется *последствиями* конфликта. Эти последствия могут быть деструктивными, отрицательно влиять на характер взаимодействия конфликтантов, а могут быть и конструктивными, способствующими перемене дел к лучшему.

Библиографический список

1. Дмитриев А. В. Конфликтология. — М., 2013. — 336 с.
2. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 3. — Барнаул, 2011. — С. 395–399.

Е. А. Попов (Барнаул), Л. А. Мукова (София, Болгария)

ПУТЬ К СОЦИОЛОГИИ ПРАВА: ФИЛОСОФИЯ И ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В современном социогуманитарном знании вопрос о статусе той или иной научной сферы познания подчас стоит очень остро по причине влияния междисциплинарности или же внутренних проблем самой отрасли знаний. В этой связи статус философии права как самостоятельной научной отрасли вряд ли следует считать полностью определившимся. И дело здесь не только в том, что традиционно много вопросов по поводу научности возникает и к «большой» философии, тогда что уж говорить про «отраслевые» философии, в том числе и философию права. Если вести речь о критериях науки, то философия права им в наименьшей степени может соответствовать. Вопрос о методологической самоидентификации, равно как и об основном объекте, по-прежнему в случае с данной отраслью знаний стоит довольно остро. Не располагая своим методом, находясь к тому же в объектном пространстве сразу нескольких авторитетных и автономных научных отраслей, например, правоведения, философии права непросто отстоять свое научное кредо. Конечно, если бы философия права раз и навсегда определилась со своим основным объектом — правом, правовой реальностью, правовой культурой или же правовой жизнью человека и общества, то было бы больше оснований констатировать уникальность и самодостаточность данной сферы познания мира и человека.

Однако и здесь имеется определенная сложность: философия права, а точнее философы права во все времена не спешили отстаивать свой самобытный объект, потому что для многих из них обращение к рассуждениям о праве растворялось в системе политических или социально-философских учений. Правовую реальность, что называется, «замечали» тогда, когда досужие размышления о политике заходили в тупик или же, напротив, превращались в целую политическую доктрину, и идеи о праве разбавляли ее другими красками. В других случаях философия права могла представлять собой некий итог становления философа, его взглядов, системного учения. Так, в частности, обстоит дело с программной работой «Философия права» Гегеля, которая, по сути, стала квинтэссенцией философии великого мыслителя. К слову сказать, в истории философии трудно назвать имена философов права «чистой воды», тех, кто изначально поставил во главу угла своей концепции учение о правовой ре-

альности. Социальные философы и те, кто более всего оставались приверженцами политической науки, были склонны рассуждать о праве и осмысливать данный феномен, но происходило это все же нечасто, а если и случалось, то практически в последние годы жизни мыслителя или ученого. Так, собственно, было и с Гегелем. В отдельных случаях, по-видимому, право рассматривалось философами по остаточному принципу.

В то же время в вопросах осмысления права довольно сложно бывает преодолеть крен юридизации, политизации или даже социологизации правовой реальности. Иными словами, потребует ли от философа говорить о праве языком самого права, политики или социальности или все же он должен оставаться верным самому себе и всегда быть больше философом, чем правоведам. Между тем именно в философии права граница между самим правом и его сущностью довольно зыбка, а потому и философы, и правоведа почти всегда заступают на предметное поле друг друга. Из всего этого, кстати, могут получиться довольно любопытные аберрации. Скажем, чьи рассуждения о справедливости — философа или правоведа — будут ближе всего к правовой реальности? Вопрос не простой и, вне всякого сомнения, судьбоносный как для философов, так и для юристов. Причем если первые усматривают в справедливости, предположим, состоянии отношений общества и человека, то вторые — условие назначения должного наказания или привлечения к ответственности. Разумеется, для того, чтобы философия права обрела свою самостоятельность и закрепила научный статус, ей недостает объектно-предметной определенности. В любом случае философия права не должна подменять теорию права, и наоборот. А пока, по замечанию М. В. Шугурова, действительно, «одним из фундаментальных в философии права, как известно, является вопрос о ней самой, а именно о ее дисциплинарном статусе. Данный вопрос имеет различные решения — от признания философии права составной частью теории права до ее осмысления в качестве раздела собственно философского знания» [1, с. 7]. Но очевидно, что, несмотря на все старания с обеих сторон, провести четкую демаркацию философии права и теории права не просто не представляется возможным, но отчасти это угрожает сохранению целостности системного знания о праве и его феноменах. Это возможно по той причине, что обе стороны признают в качестве основы развития права не только нормы, но и культурные ценности. При этом юрист, даже будучи позитивистом, не может не признать необходимости рассматривать в качестве важнейшего источника нормообразования человеческие ценности. Точно так же

и философ, занимающийся исследованием сущности права, не может отвергать значимость соотношения ценности и нормы для формирования правовых институтов.

Важным направлением развития философии права является формирование двух ипостасей ее бытования: с одной стороны, она выступает в качестве системы знаний о правовой реальности, с другой стороны — в руках правоприменителя становится инструментом, связующим жизнь и право. Тогда в первом случае философия права оперирует концепциями и учениями о праве, складывающимися в различные эпохи, а во втором случае она позволяет давать оценку повседневной правовой жизни, когда, например, суд выносит приговор, руководствуясь соображениями справедливости, но все же не для всех такое судьбоносное решение кажется именно таковым — справедливым. Для современных исследователей-правоведов довольно характерно обращение к философско-правовому контексту, когда, в частности, речь идет об объектах реальности и правовой, и социальной, и психической, и социокультурной и т. д.

Довольно любопытными с этой точки зрения являются, например, рассуждения Е. В. Сазонниковой о границах свободы творчества в культурной сфере; автор выступает здесь одновременно и как профессиональный юрист, и как философ права, анализируя свободу творчества как социокультурный феномен и в то же время как правовое явление, которое может привести к нарушению прав и свобод разных людей или к нарушению других прав человека [2, с. 32–35]. Вообще говоря, нет более популярной для осмысления философов права категории, чем справедливость. Так, например, В. В. Лапаева отмечает, что «конституирующим принципом права у Г. Д. Гурвича является справедливость, которую он трактует как правовую категорию. Однако понятие справедливости наполняется у него разным смыслом в зависимости от того, о каком праве — индивидуалистическом или социальном — идет речь. Ему не удалось выстроить последовательную теорию, основанную на внутренне непротиворечивом понятии права: у него, по сути дела, два разных права — индивидуалистическое и социальное, — каждому из которых соответствуют два разных представления о справедливости» [3, с. 7]. Очевидно, что философы всегда понимали и признавали именно правовую значимость справедливости как меры воздаяния за добро и зло, при этом справедливость вполне «вписывалась» в систему координат «правовая ценность — правовая норма». Но справедливость — это категория не только философского плана, она выступает в качестве предмета исследования и иных научных областей, например, социологии,

отраслями которой являются как социология права, так, собственно, и социология справедливости.

Следует обратить внимание на то, что современное бытование философии права сталкивается с определенными сложностями, вызванными, прежде всего, междисциплинарным взаимодействием различных наук. Пожалуй, наиболее часто такие сложности возникают из-за замещения философии права социологией права и наоборот. Оказывается, не всегда то, что называют или считают философией права, является именно таковой. Допустим, сами по себе размышления о свободе, добре или справедливости еще не могут автоматически расцениваться как философско-правовые, поскольку к данным категориям апеллируют различные науки, например, социальные, политические, экономические. Разумеется, и юридические также. Для философии права особое значение приобретает мировоззренческий контекст, с которым такие размышления о свободе и иных ценностно-смысловых системах соотносятся. Поэтому рассуждения о справедливости будут считаться философско-правовыми в том случае, если они затрагивают ценности и нормы, постулируемые в различных учениях о справедливости, возникших в различные эпохи и не утративших своей актуальности в наши дни. В теории права, скорее всего, внимание будет сосредоточено на противопоставлении позиций школ естественного и позитивного права, затрагивающих проблемы справедливости. В то же время и социологию права занимают вопросы, связанные с пониманием и применением в регулировании общественных отношений принципа справедливости.

Библиографический список

1. Шугуров М. В. Философия права: теория или умозрение? // Философия права. — 2015. — № 5 (72). — С. 7–13.
2. Сазонникова Е. В. Границы свободы творчества в культурной сфере // Культура: управление, экономика, право. — 2016. — № 3. — С. 32–35.
3. Лапаева В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 3–14.

Е. В. Пустовалова, Я. Э. Меженин (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОВ КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Требования современных вузовских образовательных стандартов, ориентированных на формирование у выпускника целого ряда компетенций, актуализируют необходимость применения в образовательном процессе методов контекстного обучения. Контекстное обучение как технология преподавания в вузе предполагает, прежде всего, погружение студента в профессиональный контекст. «Контекстным является такое обучение, в котором на языке наук и с помощью всей системы форм, методов и средств обучения — традиционных и новых — последовательно моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов» [1, с. 44].

Сегодня существует целый ряд методов, основанных на формировании модели, максимально приближенной к профессиональной деятельности будущего выпускника. Это, прежде всего, деловая игра. В ее основе содержится проект возможного развития событий из реального рабочего процесса. Проведение деловой игры позволяет ее участникам применить в максимально приближенных к реальным условиям полученные ранее знания и умения. Деловая игра переводит процесс обучения на уровень социально-практического профессионального взаимодействия ее участников.

Интересным и эффективным является использование кейсов на практических занятиях. Работа с ними предполагает возможность комплексного подхода к проблемной ситуации, связанной с тем или иным аспектом профессиональной деятельности. Работа с кейсами помогает закрепить полученные знания, способствует развитию навыков социального взаимодействия, практики сотрудничества, без которых, как правило, сложно сосуществовать в трудовом коллективе.

Немаловажно практиковать в выпускных курсах, как на уровне бакалавриата, так и в магистратуре, проведение спецсеминаров. В рамках данной формы организации учебного процесса значительное внимание уделяется решению теоретических задач, имеющих профессиональное содержание. Их осмысление в процессе группового обсуждения способствует развитию не только аналитических способностей студентов, но и навыков принятия коллегиального решения [2].

В основе всех возможных вариантов применения методов контекстного обучения лежат социальный смысл и содержание. По сути, моделируя ту или иную проблемно-игровую ситуацию, преподаватель опирается на социальные практики. Исходим из того, что социальные практики можно понимать как сложившиеся в социуме образцы действия в определенных ситуациях, которые помогают субъекту соотносить с ними свой образ жизни и поведение [3]. Именно они, таким образом, задают необходимый социальный и профессиональный стандарт поведения в заданных параметрах. Если исключить из модели ресурс социальных практик, то студент не сможет эффективно с ней работать в необходимом профессиональном контексте. Образовательный смысл данного действия будет утрачен.

Именно соотнесение своих действий с существующими социальными практиками позволяет студенту успешно применять полученные на занятиях знания и оптимально встраивать их в предусмотренные параметры учебной задачи. При этом будут формироваться не только новые компетенции, но получают дальнейшее развитие социальные навыки.

Очевидно, что опора на социальные практики позволяет студентам более эффективно участвовать в контекстных моделях обучения. А это, в свою очередь, дает ряд преимуществ. Во-первых, помогает предельно приблизить игровую ситуацию к реальным жизненным условиям. Во-вторых, гарантирует возможность встроить вновь приобретенные навыки в имеющийся социокультурный ресурс. В-третьих, обеспечит так необходимую в творческом обучении ситуацию успеха при любых обстоятельствах.

Таким образом, реализация методов контекстного обучения в вузе опирается на социальные практики как основную форму, обеспечивающую необходимый социальный и профессиональный контекст. Социальные практики здесь представляют собой каркас для моделирования конкретных ситуаций и задач при формировании профессиональных компетенций будущего специалиста.

Библиографический список

1. Вербицкий А. Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. — 2006. — № 11. — С. 39–46.
2. Замятина О. Н. Теоретические подходы к понятию «качество образования» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — Ч. 1. — С. 140–144.
3. Бурдые П. Начала. — М., 1994. — 285 с.

А. С. Савченко (Барнаул)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переход к постиндустриальному типу общества ознаменован информационной революцией, которая представляет собой качественные изменения информационных и коммуникационных технологий. В результате значимость информационной сферы повышается и образуется качественно новый тип политики — информационная.

В 2012 г. на заседании Государственного совета Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что эффективность государственного управления зависит от открытости власти и обратной связи с населением: «Речь, в первую очередь, идет об открытости власти, об информированности граждан и привлечении их к процессу выработки решений и контроля за их исполнением» [1].

Понятие, которое было введено Сэмюэлом Хантингтоном в его книге «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order» в 1996 г., актуально и по сей день, однако до сих пор точное определение понятия «государственной информационной политики» не дано, и различные авторы используют разные трактовки. Изучение содержания данного понятия позволит дать четкое определение, которое будет использовано в дальнейшем исследовании.

С одной точки зрения, информационная политика рассматривается как управление информационными ресурсами, а также как информатизация и компьютеризация всех сфер жизнедеятельности общества. Этому подхода придерживаются исследователи С. Э. Зуев, К. В. Маркелов [2, с. 29–30].

С другой точки зрения, информационная политика призвана упорядочить и регламентировать информационную деятельность различных социальных объектов, в том числе государства. Соответствующие определения встречаются у Э. Д. Дагбаева, В. Ф. Халипова и Е. С. Устиновича.

Весьма интересна точка зрения Ю. А. Нисневича, предложившего рассматривать государственную информационную политику «как совокупность целей, отражающих национальные интересы в информационной сфере, стратегии, тактике управленческих решений и методов их реализации...» [3, с. 4].

Безусловно, информационные технологии занимают важное место в жизни современного общества, но данный подход к определению понятия является не совсем верным. Есть и другой, согласно которому информационная политика рассматривается как обеспечение условий для распространения идей и символов. В соответствии с таким подходом российский ученый В. Д. Попов определяет информационную политику как «способность и возможность субъектов политики оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества». Схожее определение информационной политики принадлежит А. Г. Плитко [4, с. 23].

Обобщающий характер имеет определение, данное в рамках исследования информационной политики органов власти А. В. Мозолиным. Он понимал под информационной политикой ряд целенаправленных действий, связанных с внедрением определенных информационных положений в сознание различных социальных групп, позволяющих сформировать и защитить положительный образ конкретного органа власти в целом, а также его руководства и, в первую очередь, высшего руководящего лица [5, с. 6].

Проблема взаимодействия государственной власти и гражданского общества является все еще новой. Исследованию информационной политики посвящен ряд диссертационных исследований, а также публикации по смежным темам, например, формирование имиджа органов власти, анализ официального сайта органа власти.

В диссертационном исследовании Е. В. Карасевой «Информационная стратегия правительства Москвы: принципы, цели, процесс реализации, проблемы» были подробно проанализированы постановления правительства Москвы, предусматривавшие улучшение взаимодействия органов власти с населением. Автор пришла к выводу, что под политической коммуникацией понимается процесс передачи, обмена информацией между властью и обществом с целью достижения понимания и согласия на основе взаимного информирования. Сделан вывод, что информационная политика органов исполнительной власти Москвы реализуется в целом успешно по всем направлениям: ее коррекция происходит своевременно, а средства и методы достаточно адекватны текущей ситуации [6, с. 205–213].

Исследование С. Г. Лагутина «К вопросу информационной открытости взаимодействия органов местного самоуправления с населением: социологический аспект» связано с изучением степени информационной открытости органов местного самоуправления в процессе взаимодействия с населением г. Волгограда. В феврале 2011 г. было

проведено социологическое исследование в форме опроса, по результатам которого было установлено, что деятельность управляющих институтов, несмотря на попытки предоставления информации в СМИ и Интернет, остается достаточно закрытой. Не во всех муниципальных образованиях Российской Федерации со стороны руководства осознается значимость информационно-коммуникативных связей и необходимость формирования доверительного отношения населения к местной власти. В частности, подчеркивается, что для эффективной организации сотрудничества общества и власти должны быть выполнены следующие условия: максимальная прозрачность деятельности; повышение уровня образования, культуры населения и власти; организация более частых встреч с населением; повышение ответственности чиновников и журналистов; повышение профессиональной компетентности чиновников; привлечение молодежи в органы управления [7, с. 51].

Важным представляется исследование «Информационная политика органов власти», которое было проведено исследовательским центром «Аналитик». В работе приведены результаты опросов руководителей и сотрудников администраций городских и районных муниципальных округов Российской Федерации, проходивших в декабре 2011 — январе 2012 гг., посвященных информационной политике и ее эффективному осуществлению. Автор заключает, что для эффективного информационного взаимодействия современная пресс-служба должна использовать разные каналы коммуникации, так как они затрагивают разные целевые аудитории, для определения которых нужно использовать социологические методы сбора и анализа информации. Взаимодействие возможно только при наличии трех составляющих: проработанной и реализуемой информационной политики, эффективной деятельности PR-служб и развитых информационных технологий [5, с. 8].

В 2014 г. была опубликована работа О. В. Устиновой и Ю. П. Савицкой «Особенности взаимодействия органов местного самоуправления с населением». Результаты социологического опроса населения г. Тюмени показали низкий уровень обращений населения в органы местного самоуправления, однако среди тех, кто обращался в органы власти, большая часть населения не удовлетворены результатом. Авторы отмечают, что уровень доверия населения к местной власти является достаточно важным показателем эффективности их взаимодействия, при этом представители молодого поколения в целом больше доверяют муниципальной власти, нежели лица среднего и старшего возраста. Среди эффективных форм взаимодействия с органа-

ми местного самоуправления население обозначило такие, как муниципальные выборы, сходы и собрания граждан, а также обращения в органы местного самоуправления [8, с. 257].

Исследование Е. В. Фроловой «Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности» посвящено анализу результатов опросов населения и руководителей власти муниципальных образований Российской Федерации. По мнению экспертов, проблемы взаимодействий жителей и органов власти связаны с самими жителями и их социально-психологическими установками. Однако опросы населения свидетельствуют о низком уровне практики взаимодействий с властью. Одна из причин — низкая информированность населения о своих возможностях. Низкий уровень доверия населения к органам власти, информационная закрытость муниципальному управлению, коррупционные практики — все это детерминирует высокую степень отчуждения населения от органов власти.

В ходе исследования были предложены механизмы по сокращению отчужденности населения от органов власти. Для этого необходимы: просветительская работа, информационная открытость органов власти, привлечение экспертного и научного сообщества для согласования различных групп интересов [9, с. 59].

Обратимся к работе О. С. Иванченко, С. А. Тихоновской и Р. К. Литвяка «Развитие и реализация информационной политики в системе современного муниципального управления», в которой был проведен анализ проблемы развития и реализации информационной политики в системе муниципального управления. Результаты социологического опроса представителей органов местного самоуправления в г. Новочеркаске показали, что местные органы власти уделяют мало внимания информированности населения о своей деятельности. Группа авторов приходит к выводу, что поддержка населением власти может осуществляться только при обеспечении открытости власти для понимания населением сущности, целей и задач всех преобразований с позиции представления большинства интересов граждан. Для повышения эффективности взаимодействия необходимо уделить внимание работе со СМИ, которые обеспечат объективную гласность работы органов местного самоуправления, а также проводить более активную информационно-разъяснительную политику, используя Интернет для информирования населения [10, с. 152].

Необходимо особо подчеркнуть, что исследований, посвященных непосредственно взаимоотношениям государственной власти и гражданского общества, явно недостаточно. Проблема эффективной государственной информационной политики является одной из ключе-

вых в рамках развития политики открытости власти, а также для повышения доверия населения. Этот факт свидетельствует о необходимости получения научно-обоснованных знаний о государственной информационной политике, ее механизмах.

Библиографический список

1. Путин: эффективность госуправления зависит от открытости власти [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/politics/20120717/701681916.html> (дата обращения: 24.10.2017).

2. Лихтин А. А., Ковалев А. А. Теоретические аспекты понятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управление консультирование. — 2017. — № 1 (97). — С. 29–36.

3. Устинович Е. С. К вопросу о понятии современной политики государства в сфере информационных технологий // Сравнительная политика. — 2013. — № 4 (2 (12)). — С. 4–10.

4. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. — М., 2001. — 136 с.

5. Мозолин А. В. Информационная политика органов власти: результаты исследования. — Екатеринбург, 2012. — 27 с.

6. Карасева Е. В. Информационная стратегия Правительства Москвы: принципы, цели, процесс реализации, проблемы : дис. ... канд. полит. наук. — М., 2004. — 219 с.

7. Лагутин С. Г. К вопросу информационной открытости взаимодействия органов местного самоуправления с населением: социологический аспект // Известия ВолгГТУ. — 2014. — № 5 (132). — С. 51–56.

8. Устинова О. В., Савицкая Ю. П. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления с населением // ИСОМ. — 2014. — № 2. — С. 257–263.

9. Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. — 2016. — № 4. — С. 59–64.

10. Иванченко О. С., Тихоновскова С. А., Литвяк Р. К. Развитие и реализация информационной политики в системе современного муниципального управления // Гуманитарий Юга России. — 2016. — № 4. — С. 152–161.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

На современном этапе общественного развития специфика молодой семьи определяется тем, что она находится в процессе своего становления и развития, нестабильности отношений между ее членами. Кроме того, в этот период происходит процесс освоения социальных ролей членами молодой семьи, а также социализации семьи в обществе как самостоятельного субъекта и выполнения функций как социального института.

Период создания семьи, как правило, совпадает с прохождением некоторых ступеней социализации, связанных с получением образования, поиском работы, профессиональным самоопределением. Как отмечает Г. Н. Полстяная, происходят существенные изменения в поведении и брачном поведении супругов. Значительное их число вступает в брак после неопределенного периода знакомства, то есть не успев как следует узнать друг друга, проверить свои чувства. Зачастую современные молодые люди женятся по влюбленности, симпатии, влечению, и, хотя многие принимают эти чувства за любовь, они мельче внедряются в человека, быстрее «выветриваются» из него [1, с. 24].

Для молодой семьи, как правило, характерен недостаточный уровень материальной обеспеченности. Молодые супруги зачастую не имеют собственного жилья. Как следствие этого возникает зависимость от родителей. По мнению Г. Н. Полстяной, молодые супруги стараются не обременять себя в случае возникновения проблем в семейной жизни, не прилагают усилия для их разрешения, так как наиболее легкий способ их разрешить — это развод и, следовательно, возможность вернуться в родительскую семью [1, с. 25].

Молодая семья наиболее подвержена разводу. Согласно статистическим данным, к 24 годам 75% молодежи вступает в брак, а 15% уже разводятся. На период первых двух лет совместной жизни приходится 20% разводов, а на первые четыре — 37% разводов [2].

Духовный мир современного молодого человека усложняется, и ощущение счастливой жизни в значительной степени связано с удовлетворением его потребностей. Поэтому, создавая семью, молодые люди стремятся не только удовлетворить потребности в любви, уюте, продолжении рода, но и реализовать в браке свои идеалы и устремления.

На сегодняшний день молодая сельская семья столкнулась с новыми проблемами существования в современном обществе, приобретения в наследство и негативный опыт родителей: нестабильность государственной власти, а как следствие — отсутствие собственного жилья, недостаток средств для существования, массовая безработица, инфляция [3, с. 74].

Для того чтобы молодая сельская семья нормально функционировала, она должна иметь возможность удовлетворять все свои основные потребности. Молодые люди, проживающие в сельской местности, вступая в брак и устанавливая правила семейной жизни, должны задуматься о важнейших вещах: где жить, на что жить, кто возьмет на себя обязанность обеспечивать семью материально, или супруги поделят эту обязанность хотя бы на какое-то время [4, с. 87].

Одной из главных проблем молодой сельской семьи является отсутствие собственного жилья. Следствием этого является низкий уровень демографического роста.

Решение проблемы отдельной жилой площади возложено на Правительство Российской Федерации, а также на региональные и муниципальные органы власти. Так, в 2006 г. был принят приоритетный национальный проект «Доступное жилье — гражданам России». В 2012 г. утверждена государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» со сроком реализации 2013–2020 гг.

Основным направлением государственной политики обеспечения молодых семей отдельной жилой площадью выступает программа материнского капитала. Данная программа успешно функционирует. В молодых сельских семьях зачастую материнский капитал направляется на улучшение жилищных условий, а именно на реконструкцию и ремонт индивидуального жилого дома с увеличением жилой площади [5, с. 37].

В Алтайском крае 4 сентября 2015 г. принято постановление администрации Алтайского края «Об утверждении Порядка формирования списков молодых семей, предоставления и использования социальной выплаты в рамках реализации подпрограммы 2 «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015–2020 годы государственной программы Алтайского края «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края» на 2014–2020 годы». На региональном уровне существуют отдельные программы субсидий, которые предоставляются молодым сельским семьям на приобретение жилья. Данные программы предусмотрены в рамках Федеральной целевой программы «Жилище». Субсидия представля-

ет собой целевое финансирование, предоставляемое молодой семье, проживающей в сельской местности. Данные средства не облагаются налогами и выдаются на безвозмездной основе. Начиная с 2012 г. такую субсидию получает около 30 тысяч молодых семей, проживающих в сельской местности. Несмотря на то, что в пределах Российской Федерации это низкий показатель, каждый новый приобретенный таким путем жилой дом понижает остроту социальной проблемы [6].

Еще одной проблемой молодой сельской семьи является проблема трудоустройства. Сельские районы находятся в неустойчивом экономическом положении. Уровень их финансирования на данный момент остается низким. Реформирование сельского хозяйства сопряжено с определенными трудностями, снижаются темпы развития крупных сельскохозяйственных предприятий, ассоциаций крестьянских хозяйств, фермерских хозяйств.

Кроме того, в сельской местности сворачивают свою деятельность многие государственные предприятия и социальные службы, что также способствует ухудшению жизни молодой семьи, проживающей на селе, так как сокращается возможность приложения рабочей силы вне собственно сельского хозяйства.

Важное место в структуре трудностей молодой сельской семьи занимают психологические проблемы, при этом не всегда супруги способны их осознать и самостоятельно с ними справиться. Психологический климат в молодой сельской семье может существенно осложняться в том случае, если супружеская пара вынуждена жить вместе с родителями. Решение жить совместно с родителями одного из супругов может быть продиктовано не только отсутствием материальной возможности купить квартиру или хотя бы ее снимать, но и другими соображениями. В любом случае, если есть возможность жить отдельно от родителей, а молодожены не стремятся к этому, возникают сложности [7, с. 29].

В молодых сельских семьях существуют и трудности, связанные с умением распределять бюджет. Психологическая проблема в данном случае состоит в неумении одного из супругов отказаться от чего-либо, основой для семейных конфликтов становится неумение договариваться, уступать друг другу, искать компромиссные варианты решения общей проблемы.

Для изучения социально-психологических проблем в Немецком национальном районе Алтайского края было проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошено 150 молодых семей. Именно психологические проблемы были отмечены респондентами как самые значимые. Среди них: конфликты с родственниками су-

пругов (75%), конфликты друг с другом, разногласия, недопонимания (97%). А уже потом были названы жилищные проблемы и проблемы трудоустройства (72% и 64% соответственно). В ходе исследования выявлено некоторое противоречие. Так, по мнению респондентов, необходимым условием для рождения ребенка является высокий уровень материального положения (94%), наличие работы (97%), жилья (88%) и психологическая готовность к рождению ребенка (73%). В то же время большинство респондентов (58%) не имеют работы, но все равно хотят иметь детей, не задумываясь о том, как они смогут обеспечить их.

Основными причинами конфликтов в молодых семьях являются: неподготовленность супругов к браку; отсутствие взаимопонимания; недостаточная осведомленность друг о друге; различные взгляды и стереотипы поведения супругов.

Больше половины респондентов (52%) обращались за поддержкой в государственные органы. Тем не менее значительная часть населения (42%) никогда не обращались, так как либо считают такую помощь унизительной, либо предполагают, что государство не обязано им помогать, а иногда не в состоянии это сделать. Молодые люди в данном случае обращаются за помощью к своим родственникам или друзьям.

Государственная семейная политика в определенной степени позволяет преодолевать трудности, возникающие в современных молодых семьях, тем самым улучшая их положение в обществе. При этом сами граждане должны усваивать базовые положения нормативных документов, знать свои права и обязанности, т. е. быть компетентными в вопросах направленности государственной семейной политики.

Таким образом, несмотря на то, что молодые семьи сталкиваются с типичными социальными проблемами, имеются определенные особенности, связанные с региональной спецификой. Для дальнейшего изучения социально-психологических проблем молодых семей необходима разработка и введение в практику мониторинга по вопросам состояния молодой сельской семьи.

Библиографический список

1. Полстяная Г. Н. Бесплодный брак. Современные методы контрацепции: Методическая разработка к практическому занятию // Вестник Мединфо. — 2003. — № 38. — С. 21–29.
2. Официальная статистика. Семья, материнство и детство // Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 30 января 2017 г.).

3. Богданов Г. Т. Супружеская жизнь: гармония и конфликты. — 2-е изд. — М., 2014.

4. Брыкова Т. Ю. Социальная поддержка молодых семей в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 5. — С. 87–92.

5. Селютина Л. Г. Инновационный подход к управлению инвестиционными процессами в сфере воспроизводства жилищного фонда // Современные технологии управления. — 2014. — № 11. — С. 37–41.

6. Субсидии молодым семьям // Субсидии и льготы для покупки жилья [Электронный ресурс]. — URL: <http://subsider.ru> (дата обращения 30 января 2017 г.).

7. Шульмина А. В. Медико-социальные особенности молодой семьи в современных условиях // Сибирское медицинское обозрение. — 2014. — № 5. — С. 28–35.

Е. В. Филиппова (Барнаул)

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Проблема низкой социальной активности граждан в решении вопросов местного значения в Алтайском крае стоит очень остро, как и во всей России: «Безынициативность населения превращает общественное самоуправление в управление. Снижению социальной активности граждан способствует позиция местных властей, не заинтересованных проблемами граждан, часто стремящихся подменить реальное сотрудничество его видимостью» [1]. Из основных причин низкой социальной активности на местном уровне выделяются такие, как устоявшиеся социально-психологические установки граждан, заключающиеся в ощущении ими тотальной зависимости от власти, неумении и нежелании принимать на себя ответственность за решение задач местного значения, а также неразвитая правовая культура и слабый уровень информированности (неосведомленность населения о полномочиях и сфере ответственности местных властей, о собственных правах и возможностях влиять на ситуацию в муниципальном образовании).

Не вызывает сомнения, что без повышения социальной активности населения в решении общественных проблем добиться эффективного применения названных полномочий и прав невозможно. Поэтому вопросы социологического анализа данной проблемы представляются весьма актуальными.

Результаты исследования «Социальная активность как основа формирования гражданских позиций населения современного региона России», проведенного в 2015 г., показали довольно высокий уровень занятости населения Алтайского края социальной значимой деятельностью — только одному направлению (пропаганде здоровья и ЗОЖ) отдана треть выборов респондентов. «Согласно результатам исследования, наиболее популярными видами социально значимой деятельности населения края являются пропаганда здоровья и здорового образа жизни, помощь людям, находящимся в сложной жизненной ситуации, благотворительность, воспитательная и образовательная деятельность, организация молодежного досуга, отдыха и культурно-массовых мероприятий. В целом, население региона обладает довольно высоким потенциалом социальной активности, необходимым для успешного развития гражданского общества, общественных объединений граждан и свободных ассоциаций» [2].

Среди основных причин низкой социальной активности населения Алтайского края называются: в 42,1% то, что большинство людей не волнуют проблемы других людей; 34,3% считают, что большинство людей не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты; 34,2% полагают, что большинство людей устали, им не хватает свободного времени; 30,3% имеют мнение о том, что большинство людей не доверяет другим; 24,7% занимают позицию относительно того, что большинство людей не способны объединиться, договориться, прийти к общему мнению; 22,4% считают, что большинство людей ленивы, апатичны и безынициативны; 21% называют причиной отсутствие веры социально активным людям, уверенность в том, что те действуют небескорыстно [2].

Наряду с этим следует отметить, что в связи с изложенным вопросом социологического анализа данной проблемы представляются весьма актуальными в силу следующих обстоятельств:

1. В современных условиях развития российского общества качество жизни населения края в значительной степени зависит от его социальной активности.

2. Социальная активность населения Алтайского края в решении вопросов муниципальных образований является конструктивной основой института общественного самоуправления и одним из основ-

ных критериев эффективности деятельности органов общественного самоуправления.

На местном уровне, в отличие от федерального, появляются более широкие возможности для использования прямой демократии, в рамках которой каждый гражданин может оказывать реальное влияние на качество своей жизни путем непосредственного участия в управлении жизнедеятельностью всего местного сообщества. Не случайно в преамбуле ратифицированной Российской Федерацией Европейской Хартии о местном самоуправлении говорится, что органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя [3].

Проведенный анализ отечественных и зарубежных научных трудов показывает, что изучению вопросов, относящихся к проблеме данного исследования, в различных общественно-исторических условиях уделялось пристальное внимание.

Вместе с тем следует отметить, что количество отечественных научно-теоретических исследований, посвященных изучению проблем становления и развития общественного самоуправления с точки зрения его влияния на социальную активность граждан, а также внедрению в социальную практику инновационных технологий вовлечения населения в процесс общественного самоуправления, пока является недостаточным. Очевидно, это связано с тем, что институт общественного самоуправления в нынешнем российском обществе стал складываться сравнительно недавно (с 90-х годов прошлого века), и поначалу главное внимание государственных органов и общественных структур, а следовательно, и ученых было сосредоточено на политологических, экономических и нормативно-правовых аспектах его становления и развития. Поэтому исследование социальной активности населения в области общественного самоуправления является относительно новым направлением в российской социологии.

Исследованию вопросов социальной активности, формирования и функционирования социальных общностей и сообществ (в том числе территориальных) достаточно много внимания уделяли классики социологии М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и Ф. Энгельс, П. Сорокин, а также такие представители институционального и структурно-функционального подходов в социологии, как Н. Луман, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Теннис, Я. Щепаньский и др. Большой вклад в разработку и внедрение методов эмпирических исследований жизнедеятельности местных сообществ и их теоретического обоснования внесли представители Чикагской школы (Э. Берджес, Л. Вирт, Р. Парк, У.Л. Уорнер и др.) [4].

В постсоветский период также проведено достаточно много социологических исследований, посвященных изучению социальной активности граждан в связи с их социальным статусом, принадлежностью к определенным возрастным, профессиональным группам и т. д. Однако теперь в таких исследованиях упор, как правило, делается на вопросы проявления и стимулирования активности населения в новых социально-экономических условиях (демократизация общественного строя, рыночные отношения, конкуренция, безработица и т. д.). В частности, эти проблемы анализировались в работах Н. М. Воловской, Ф. Р. Газизуллина, Г. В. Осипова, С. А. Потаповой, А. В. Русиной, А. В. Сапронова, И. А. Сахнова, А. М. Сергиенко, А. Н. Серегина, Ж. Т. Тощенко, Е. В. Щаниной.

Исходя из вышеупомянутого описания научно-теоретической разработанности проблемы исследования, можно сделать заключение, что роль института общественного самоуправления в формировании и развитии социальной активности пока в должной степени не исследована.

Библиографический список

1. Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. — М., 2010.
2. Максимова С. Г. Социальная активность как основа формирования гражданских позиций населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — № 4 (126). — 2015. — 10 с.
3. Европейская Хартия местного самоуправления // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 36. — Ст. 4466.
4. Гальченко В. В. Местное самоуправление как институт развития социальной активности населения // Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dissercat.com/content/mestnoe-samoupravlenie-kak-institut-razvitiya-sotsialnoi-aktivnosti-naseleniya>

А. Н. Шрайбер, Я. Э. Меженин (Барнаул)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РОДИТЕЛЬСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Демографическая проблема в России остро стоит на протяжении не одного десятилетия. В подавляющем числе российских регионов, и в Алтайском крае тоже, идет стремительное уменьшение численности населения. За период с 1990-го по 2017 г. численность населения края сократилась с 2640,4 тыс. до 2365,7 тыс. человек [1].ласти края считают, что социальная поддержка родительства является основным вектором стабилизации демографического состояния нашего региона.

Основной характеристикой демографических программ Алтайского края является адресность. Органами социальной защиты населения в 2017 г. осуществилось порядка 600 выплат. В регионе реализуется План мероприятий по повышению рождаемости на 2015–2018 гг. Предусмотрены мероприятия, направленные на улучшение репродуктивного здоровья населения, профилактику и снижение числа абортов, поддержку многодетных семей, создание условий для совмещения профессиональных и семейных обязанностей, содействие улучшению жилищных условий и пр. В крае предусмотрен целый комплекс денежных выплат семьям при рождении ребенка. При этом большинство мер финансовой поддержки предназначены родителям, родившим второго и последующих детей. Особое внимание в системе государственной поддержки родительства уделено многодетным семьям.

В Алтайском крае действует комплекс мер финансовой поддержки родительства как федерального, так и регионального уровня. Семьи, родившие ребенка, могут рассчитывать на пособие по беременности и родам (в случае если мать является неработающей, пособие не выплачивается), единовременное пособие за постановку на учет на ранних сроках беременности, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет.

Родители с двумя и более детьми, проживающие на территории Алтайского края, могут рассчитывать на два варианта финансовой поддержки от государства в виде материнского капитала. Это федеральная — в размере 453 тысячи рублей (в 2017 г.) при рождении или усыновлении второго или последующих детей (программа действует до конца 2018 г.). И региональная — в сумме 55,378 тысячи рублей при появлении в семье третьего ребенка в период с 2011-го

по 2017 г. включительно. Также в крае предусмотрено ежемесячное пособие на третьего ребенка в возрасте до трех лет. Его выплачивают в размере регионального прожиточного минимума предыдущего года. При этом получателю такого пособия необходимо соответствовать ряду требований: наличие статуса малоимущей семьи; появление в семье третьего по счету ребенка; пребывание ребенка в возрасте до трех лет; рождение ребенка в период времени после 31 декабря 2012 г.; предоставление только одного пособия на семью.

В крае также существует финансовая поддержка родителям двойни, тройни и более; усыновителям, опекунам; детям погибших при участии в боевых действиях; ежегодная финансовая помощь многодетным родителям на подготовку детей к школе; компенсация родительской платы за детский сад (только для малоимущих семей).

На социальную поддержку семей с детьми органы социальной защиты населения Алтайского края в 2016 г. направили свыше 4,8 млрд рублей, из них более 2,7 млрд рублей на выплаты многодетным семьям. До конца 2017 г. на подобные выплаты планируется реализовать около 5,1 млрд рублей, из них 2,9 млрд рублей будут направлены в многодетные семьи.

По мнению министра труда и социальной защиты Алтайского края Михаила Дайбова, поэтапное введение дополнительных социальных выплат из средств краевого бюджета для многодетных семей стимулирует рождение третьих и последующих детей.

На 1 января 2017 г. количество многодетных семей в Алтайском крае составляет 25438, что на 2,5 тысячи больше по сравнению с 2016 г. Сегодня в нашем регионе проживает 21 многодетная семья, воспитывающая 10 и более детей. Всего в таких семьях подрастает 227 детей [2].

На протяжении 10 лет реализуется Федеральная программа «Материнский капитал». По данным Пенсионного фонда России по Алтайскому краю, по состоянию на 1 ноября 2017 г. в крае выдано 149 919 сертификатов на материнский капитал. 86 138 семей полностью распорядились средствами государственной поддержки. На единовременные выплаты было реализовано 2 млрд 147 млн рублей.

На улучшение жилищных условий (41 млрд 205 млн рублей) потратила средства материнского капитала 11 651 семья; на образование детей (183 млн рублей) — 4 788 семей; на формирование будущей пенсии мамы (5,3 млн рублей) — 56 семей [3].

В 2016 г. к трем основным направлениям расходования материнского капитала добавилась возможность траты средств на социальную адаптацию и интеграцию в общество детей-инвалидов.

За период 2008–2015 гг. благодаря индексации величина материнского капитала возросла с 250 тыс. до 453 тыс. рублей. Но с 2015 г. индексация выплат приостановлена в связи с экономическим кризисом, поэтому размер материнского капитала в 2016–2017 гг. остался на уровне 2015 г.

Для сравнения: региональный материнский капитал индексировался лишь 2 раза — в 2013 г. до 52 750 рублей и в 2014 г. до 55 387 рублей. И возможностей для реализации средств регионального материнского капитала теперь вдвое меньше. Это улучшение жилищных условий и оплата образования родных и усыновленных детей. Несмотря на это, данная поддержка очень востребована среди многодетных семей Алтайского края.

Программы поддержки родительства являются важным и обязательным фактором стимулирования рождаемости, помогают исправить в демографическое положение в нашем регионе. Однако к серьезным изменениям в ситуации прироста населения в Алтайском крае введение программ не привело. Рождаемость в крае возросла после введения Федеральной программы «Материнский капитал» в 2007 г. Суммарный коэффициент рождаемости в Алтайском крае возрос в период с 2006 г. по 2011 г. с 1,275 до 1,625. Еще один скачок показателя отмечается после 2011 г. — года введения регионального материнского капитала: с 1,651 в 2011 г. 1,841 в 2014 г. Однако с 2015 г. по настоящее время, несмотря на действие программ, рождаемость в Алтайском крае падает. В 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,777 [4]. Это свидетельствует о невысокой эффективности мер государственной поддержки родительства в регионе и ставит перед властями разного уровня вопрос о необходимости постоянной актуализации комплекса мер, реально способствующих повышению рождаемости. Причем, по всей видимости, в этом комплексе лидирующие места должны занимать не только меры финансовой поддержки, но и ряд других — ликвидация нехватки мест в дошкольных учреждениях, улучшение качества медицинских услуг и пр.

Библиографический список

1. Численность населения [Электронный ресурс]. — URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/697ff8804e37aa7aaa62fb0d534aab22/
2. В 2017 году в Алтайском крае появятся дополнительные меры социальной поддержки многодетных и студенческих семей [Электронный ресурс]. — URL: <http://barnaul-news.net/other/2017/02/06/93618.html>

3. Пенсионный фонд Российской Федерации. Информация для жителей региона [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pfrf.ru/branches/altaikr/info/>

4. Суммарный коэффициент рождаемости в Алтайском крае [Электронный ресурс]. — URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/b9f4f40040bd063ca997ada3e1dde74c/Суммарный+к-т+рождпемости.htm

О. Р. Яркова (Барнаул)

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Образование выступает важным средством сохранения и трансляции социального опыта и культуры. В этом качестве оно сопровождает человечество на протяжении всей его истории.

Являясь системой образования, информация выступает культуротворящим фактором. Она обретает новый культурный статус и включается в систему общечеловеческих культурных ценностей. Следовательно, информацию можно определить как глобальную, планетарную ценность, так как именно она способна объединить людей в едином междивизиационном пространстве и времени [1].

Современное развитие мира показывает, что наиболее приоритетной ценностью, обеспечивающей социальный прогресс общества, является система образования как один из важнейших социальных институтов, формирующих общественное сознание и интеллектуальный потенциал нации [2].

Современная система образования — это, собственно, тот символический путь, который должен преодолеть каждый человек, пройти его для того, чтобы обрести значимое социальное положение, значимый социальный статус. И не только. Символы образования следуют за человеком всюду и всегда, и даже если он давно получил высшее образование или окончил любое другое учебное заведение, он по-прежнему получает некие сигналы или знаки, ставящие своей задачей вернуть человека на этот символический путь — путь образования [3].

Образование — это процесс приобщения человека к всеобщим формам его бытия в мире с другими людьми. Именно через образование люди осваивают социально значимые представления, понятия, формы чувствования и поведения в окружающем их мире [4,

с. 31]. Образование также предполагает развитие самой личности, ее самосознания, когда всеобщее в ней приобретает особенную форму жизнедеятельности.

Образование является ценностью для общества потому, что оно формирует консенсус, согласие во взаимоотношениях людей и способствует стабильности развития и самого общества. Ведь, по существу, образование как ценность — ядро культуры, предпосылка и основа взаимопонимания и взаимодействия между членами общества. С помощью системы образования в стране осуществляется интериоризация общезначимых ценностей в сознании индивидов.

Говоря о ценности образования, можно выделить три слоя: ценность образования как ценность государственная; ценность общественная и ценность личностная. Ценность образования сопряжена с совокупностью потребностей и интересов общества и его членов, и поэтому образование является ценностью, прежде всего для общества [5].

В иерархии ценностей образование должно находиться на высокой ступени, поскольку это прежде всего развитие и саморазвитие себя как личности. И вопрос о ценности образования у современной студенческой молодежи приобретает важность для социально-экономической и духовно-культурной трансформации общества, которая сопровождается кардинальной переоценкой всех ценностей.

Изучение ценностей, ценностных ориентаций и ценности образования в представлениях современной студенческой молодежи дает возможность определить и выявить направленность дальнейшего развития, а также степень адаптации студенчества к новым социальным условиям и его инновационный потенциал.

В современной переходной ситуации существенное внимание должно уделяться молодежи как естественной среде формирования будущего общества. Молодежь имеет право выбрать, но выбор не должен быть каким-то случайным, и уж тем более ошибочным. Должны являться лишь цели, признающиеся обществом ценными.

В 2013 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, как, что россияне думают, о престижности высшего образования и как бы они отнеслись к желанию своего ребенка получить высшее образование. Результаты общероссийского опроса показывают, что престиж высшего образования постоянно растет. Сегодня получение высшего образования более престижно, чем в 1999 г. (78% против 62%). Более других в престижности высшего образования убеждены молодые (87%), люди среднего возраста (82%), со средним специальным образованием (81%)

и высокообразованные (92%). Не считают образование престижным или непрестижным 13% опрошенных. И еще 9% полагают, что вопросом престижа оно не является [6].

Подавляющее большинство россиян положительно смотрят на получение высшего образования членами их семей, особенно детьми (91%). Лишь 1% опрошенных не одобрили бы получение родственниками высшего образования. Чем более образован респондент, тем чаще он поддерживает решение молодых членов семьи получить высшее образование. Среди людей с неполным средним образованием хотели бы видеть своих детей учеными 90% опрошенных, с высшим образованием — уже 92%. Наиболее позитивно получение высшего образования для своих детей воспринимают государственные служащие (98%), домохозяйки (96%) и военнослужащие (95%). Наименее привлекательно это для рабочих (76%) и студентов (78%) [6].

В апреле 2014 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос о ценности высшего образования в глазах молодых людей. В опросе принимала участие российская молодежь в возрасте от 16 лет до 21 года. Результаты социологического исследования позволяют сказать, что престиж образования, его ценность в молодежной среде достаточно высока. Из числа опрошиваемых 16% учатся в школе, 59% проходят обучение в вузе, 18% работают, 7% не учатся и не работают. От общего числа учащихся 75% заявили, что им нравится процесс обучения [6].

Также 90% обучающихся в школе заявили о желании продолжить образование. Из числа тех участников опроса, которые не учатся, а работают, большинство заявили о том, что у них отсутствует возможность продолжения образования. Причем при наличии такой возможности они выказали желание продолжать образование.

Все опрошиваемые, кроме тех, кто не учится, заявили о том, что образование поможет им в жизни.

Интересно, что родители тех, кто проходит обучение в вузе, также имеют высшее образование. Родители работающих респондентов в большинстве случаев не имеют высшего образования.

Все опрошенные были полностью единодушны в вопросе образования их будущих детей — все участники социологического исследования желают дать своим детям возможность получить хорошее образование. Таким образом, выявление ценности социологического образования в представлениях современной студенческой молодежи поможет современным социологам: уточнить основные теоретические подходы к изучению ценностных ориентаций; разработать методику и технику исследования представлений молодежи о цен-

ности социологического образования; выявить основные направления, предпочтения именно социологического образования; продемонстрировать значимость социологического образования и востребованность на рынке труда.

Подводя итог, можно отметить, что образование является одним из тех факторов, которые помогают обеспечивать развитие нашего современного общества, а также способствуют постоянному совершенствованию человека. А изучение ценностей, ценностных ориентаций и ценности образования в современной России дает возможность определить и выявить направленность дальнейшего развития общества.

Библиографический список

1. Воронина С. А. Образовательное пространство транзитивного общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2016. — С. 144–148.

2. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения (по результатам социологического исследования) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2013. — С. 13–18.

3. Попов Е. А. Современная социология и проблемы образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2012. — С. 33–41.

4. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. — М., 1973. — Т. 2.

5. Равкин З. И., Пряникова В. Г. Национальные ценности образования как ориентиры развития отечественной педагогической аксиологии (идеи и положения к разработке концепции исследования) // Национальные ценности образования: история и современность : материалы XVII сессии науч. совета по проблемам истории образования и пед. науки / под ред. чл.-корр. З. И. Равкина. — М., 1996. — С. 6–7.

6. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. — URL: <http://wciom.ru/>

Раздел II

**ОБРАЗОВАНИЕ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ**

К. А. Великжанина (Барнаул)

ГРАНТОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Во всех индустриальных обществах, в том числе в период глобализации мировой экономики, управленческий аппарат государства делает упор на инновационные процессы в сфере производства, науки и техники. Это обеспечивает прогрессивное и интенсивное развитие подведомственной территории, а также способствует росту благосостояния граждан и укрепления государственных позиций на мировом поприще. В целях обеспечения поддержки данного направления на всех уровнях государственной власти реализуется грантовая политика, которая призвана не только эффективно решить существующие проблемы территории, но и определить «точки роста» в планировании векторов социальной политики.

Существует множество различных подходов к определению и сущности грантовой политики [1, с. 207–208], а также видов грантовой поддержки, но вместе с тем в рамках данной проблематики нас интересуют гранты, находящиеся в государственной юрисдикции. Так, государственные и муниципальные гранты представляют собой выделенные соответственно из государственного и местного бюджета денежные средства, которые безвозмездно передаются неправительственным некоммерческим организациям для реализации разработанных ими социальных программ [2, с. 89].

Как правило, предоставление государственных или муниципальных грантов осуществляется по результатам проведенного уполномоченными органами государственной власти или органами местного самоуправления публичного конкурса. Порядок организации публичных конкурсов установлен ст. 1057–1061 ГК РФ, порядок проведения конкретных публичных конкурсов по выделению государственных или муниципальных грантов в российском законодательстве регулируют соответствующие подзаконные нормативные акты.

На территории Алтайского края реализация грантовой политики в области социально ориентированной деятельности, в том числе и с научным уклоном, регламентирована нормативно-правовыми актами федерального значения, а также законами, принимаемыми на уровне субъекта Российской Федерации. В частности, с целью активного влияния на развитие гражданского общества в Алтайском

крае принят Закон Алтайского края от 11.07.2011 № 78-ЗС «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Алтайском крае» (или сокращенно — «Программа СО НКО»). По состоянию на 1 января 2013 г. на территории Алтайского края зарегистрировано 2220 некоммерческих организаций, из них 42 организации, деятельность которых сопряжена с поддержкой науки, культуры и образования. Финансовая поддержка общественно (или социально) значимых программ и проектов социально ориентированных некоммерческих организаций осуществляется в форме предоставления субсидий и грантов в порядке, определенном администрацией Алтайского края (ныне — Правительством Алтайского края). В статье 4 Закона № 78-ЗС прописаны основные направления общественно полезной деятельности, на реализацию которых органы государственной власти Алтайского края и органы местного самоуправления могут выделить грантовые или субсидируемые формы поддержки. На наш взгляд, наиболее полным и объемным по содержанию, а также соотносимым с приоритетными видами реализации социальной политики является п. 10 ст. 4: это «деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта, патриотического воспитания и содействия указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности».

Также в рамках данного нормативно-правового акта реализуется региональная долгосрочная целевая программа «Государственная поддержка общественных инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Алтайском крае». Основная задача данной программы — совершенствовать конкурентную систему государственной поддержки, выделяемой из краевого бюджета в виде региональных грантов в различных сферах деятельности на реализацию общественно значимых проектов социально ориентированных некоммерческих организаций [3].

Анализируя статистические данные по вопросу реализации грантовой поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в крае в период с 2015-го до 2017 г., мы получили следующие значимые выводы.

Так, по данным Департамента внутренней политики Алтайского края, финансирование данной сферы деятельности за счет средств краевого бюджета увеличилось с 6500 тыс. рублей в 2015 и 2016 гг. до 8000 тыс. рублей в 2017 г.

Динамика количества поданных заявок на соискание грантовой поддержки краевого уровня носит прогрессивный характер, в частности, в 2017 г. было подано 150 заявок от некоммерческих организаций, что на 6% больше, чем за два предыдущих отчетных года.

Говоря о географическом распределении поддержанных проектов, нужно подчеркнуть, что большинство городов и районов края участвуют в данном грантовом конкурсе постоянно. Так, лидерами по реализуемым проектам в области социально ориентированной деятельности в период с 2015-го по 2016 г. на территории Алтайского края стали:

1. Барнаул — 55 поддержанных проектов.
2. Бийск — 7 социально значимых проектов.
3. Рубцовск, Ребрихинский и Кулундинский районы — по 4 проекта.

Вместе с тем количество заявок, объявленных победителями в своих номинациях и удостоенных грантовой поддержки регионального уровня, каждый год находится примерно на одном и том же уровне: в 2015 г. количество поддержанных заявок равнялось 46, в 2016 г. организаций-победителей было 44, а в 2017 г. — 45 некоммерческих организаций края одержали победу в конкурсе.

Исходя из предоставленных данных, основными направлениями реализации социальных проектов, поддержанными в рамках грантового конкурса, в Алтайском крае являются:

- Развитие дополнительного образования, научно-технического и художественного творчества, массового спорта, краеведческой и экологической деятельности детей и молодежи (суммарно за три года было поддержано 45 проектов).
- Социальная адаптация инвалидов и их семей и развитие гражданского общества (по 18 реализованных проектов за отчетные периоды).
- Развитие межнационального сотрудничества (14 поддержанных проектов).

Таким образом, грантовая поддержка государственных органов Алтайского края носит системный, целевой характер. Востребованность данной формы взаимодействия органов власти и граждан с каждым годом растет, расширяется не только география участников конкурса, но и тематика заявленных проектов. Деятельность в области социальной политики региона закреплена на нормативно-правовом уровне, что обеспечивает ее стабильность, эффективность и способствует четкому целеполаганию при формировании стратегии развития региона на долгосрочную перспективу. Все это способствует ока-

занию своевременной поддержки социально незащищенным гражданам региона, качественному мониторингу социально-экономической, политической, культурной обстановки в субъекте Российской Федерации и, исходя из этого, повышению качества жизни населения как приоритетной задачи социальной политики страны.

Библиографический список

1. Великжанина К. А. Основные преимущества использования грантовых технологий в реализации социальной политики органами местного самоуправления // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 /под ред. Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — 206–209 с.

2. Кумаритова А. А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве. — Журнал российского права. — № 7. — 2008. — С. 88–99.

3. Доклад о деятельности Общественной палаты и состоянии гражданского общества в Алтайском крае в 2012 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://mognovse.ru/cix-doklad-o-deyatelenosti-obshchestvennoj-palati-i-sostoyanii-g.html> (дата обращения: 20.01.2017 г.).

З. Э. Воеводина (Барнаул)

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ (на примере студентов Алтайского государственного университета)

Научный руководитель — О. Е. Ноянзина

Музыка как вид искусства открывает человеку возможность познавать мир, ощущать его и осознавать в нем себя. Для многих музыка не просто искусство, а то, от чего зависит настроение, эмоции и чувства человека. Музыкальные жанры постоянно меняются и идут в ногу со временем. Молодежь подстраивает стиль жизни под свои музыкальные вкусы. И трудно уловить эти изменения, так как музыка так же, как и жизнь, постоянно меняется. Музыка воздействует на формирование определенной социокультурной атмосферы. Разнообразие музыкальных стилей влияет на внешний вид человека, его характер и стиль общения (порой позитивно, а иногда и негативно).

Музыкальные предпочтения способствуют социокультурной дифференциации и интеграции индивидов, объединяя их в символические музыкальные субкультуры в рамках российской молодежной субкультуры [1]. Нередко случаются конфликты на почве несовпадения музыкальных вкусов у разных людей. Можно сказать, что музыка является регулятором межличностных отношений.

Стоит осознавать безусловную важность музыкальных предпочтений для современной молодежи. Подавляющее большинство молодых людей в Барнауле не представляют свою жизнь без музыки. Музыка начинает носить не только развлекательный характер, но и способствует осмысленности собственной жизни молодым поколением, за счет музыки молодежь самовыражается и получает вдохновение, а главным следствием этого является формирование у человека качественно новых взглядов на окружающую действительность и построение отношений с другими людьми с новых позиций.

С точки зрения анализа музыкальных предпочтений, предполагается анализ факторов их формирования. Музыкальные вкусы разных социальных групп, в том числе и молодежи, делятся на две группы факторов: субъективные и объективные. Объективные факторы включают в себя возраст, пол, образование, СМИ, референтную группу, наличие музыкального образования. Субъективные факторы в себя включают: хобби, личный опыт (занятие музыкой или прослушивание музыкальных произведений), интерес к тому или иному музыкальному произведению [2].

Среди факторов, оказывающих влияние на музыкальные предпочтения молодежи, исследователи отмечают влияние семьи и рекламы — 20%; территориальный фактор — 15%; социальный статус — 12%; 8% молодежи считают, что именно наличие музыкального образования влияет на их выбор в музыке, но в первую очередь молодые люди отмечают главными факторами возраст — 53%; и влияние друзей, знакомых — 50% [3].

В рамках изучения музыкальных предпочтений и возможностей их удовлетворения среди студенческой молодежи, в период с марта по апрель 2017 г., был проведен анкетный опрос студентов (всего 140 чел.) Алтайского государственного университета; опрос экспертов (компетентные лица, связанные с музыкальной индустрией и молодежью, всего 25 чел.).

В результате социологического исследования были получены следующие результаты. Из респондентов, принявших участие в анкетном опросе, подавляющее большинство — 95% респондентов на вопрос «Каково место музыки в Вашей жизни?» ответили, что музыка

составляет основную часть их жизни, и только 5%, что музыка не играет в их жизни никакой роли. Это подтверждает, что молодежь полностью поглощена миром музыки, независимо от музыкальных предпочтений каждого отдельного молодого человека.

На вопрос «Насколько часто вы слушаете музыку?» 15% опрошенных ответили, что слушают музыку практически всегда и везде, 35% — очень часто, 41,3% — часто, 8,8% — иногда; предлагаемые варианты ответов «очень редко» и «никогда» не выбрал ни один респондент. В данном случае так же с уверенностью можно сказать, что прослушивание музыки у студентов имеет далеко не последнее место.

Стоит упомянуть и возможность ознакомления с музыкальными новинками у молодежи. Почти все опрошенные — 98,8% всегда в курсе музыкальных новинок и следят за ними. Скорее это связано с тем, что в XXI веке нет никакой трудности удовлетворять свои потребности в поиске новой музыки, т. к. доступ к интернету есть почти у всех людей молодого поколения и большинство следит за новомодными музыкальными веяниями. Было выявлено, как наличие хобби влияет на выбор музыкального жанра, оказалось, что 25% молодых людей, у которых отсутствует хобби, не имеют какого-либо одного любимого музыкального жанра, в отличие от 75% респондентов, которые имеют хобби. У них процент приверженности к одному любимому жанру оказался выше, из 75% только 7% не привержены к определенному жанру. Отсюда можно сделать вывод о том, что люди с наличием хобби более увлеченные натуры и более избирательны в выборе музыкальных предпочтений.

Для выявления отношения студентов к 21 музыкальному жанру нужно было определенному музыкальному жанру дать оценку от 1 до 10, оценки распределились следующим образом. Рок и танцевальная музыка получили в основном по 10 баллов, поп — 8–9 баллов, такие жанры, как металл, панк и шансон, в большинстве случаев получили 1, регги, блюз и джаз — 1–3 балла, в классической музыке оценки распределились от 6 до 8 баллов. Также студентам предложили выбрать, на их взгляд, несколько любимых жанров в музыке. Самые высокие оценки получили танцевальная и поп-музыка — по 55%; рок выбрали 45,6%; затем идет реп и хип-хоп — 36,3%; далее классическая музыка — 33,8%. Остальные жанры, такие как альтернативная музыка, металл, легкая музыка, электромузыка, получили около 20% голосов. Блюз, панк, шансон и эстрадная музыка — в среднем около 10%. Остальные жанры набрали незначительное количество голосов.

Также для выяснения отношения студентов к музыкальной индустрии в городе нужно было выявить частоту посещаемости мо-

лодежью музыкальных мероприятий, концертов. Итак, на вопрос «Имеете ли вы возможность посещать концерты любимых вами исполнителей?» «да» ответили 16,3%, «нет» — 83,7%. «Насколько часто вы посещаете концерты?»: «Очень редко (раз в полгода — год)» посещают 50% опрошенных, «редко» (раз в несколько месяцев) — 6,3%, «часто (раз в месяц и чаще)» — 1,2%, «совсем не посещаю» — 42,5%. Как оказалось, огромное количество молодежи, почти половина опрошенных, совсем не посещают концерты. Чтобы выявить причины этого явления, мы задали вопрос «С чем, по вашему мнению, связано отсутствие этой возможности?». Ответы были разнообразными; большинству студентов «не хватает средств» на посещение концертов — 62,5%, «город не входит в гастрольный тур любимого исполнителя» — 52,5%, «не хватает времени на это» — 25%, «город не может предоставить необходимые условия для проведения концерта любимого исполнителя» — 18,8%. Так или иначе, несмотря на то, что мало студентов посещают мероприятия, связанные с музыкальным досугом молодежи, мы попросили их дать оценку индустрии досуга, связанной с музыкой в нашем городе. 52,2% респондентов считают, что музыкальная индустрия в городе работает «достаточно неплохо», 16,2% — «хорошо», очень небольшое количество — 1,2% выбрали вариант ответа «очень хорошо», и 30% ответили, что индустрия досуга, связанная с музыкой в нашем городе, работает «совсем плохо».

Экспертный опрос позволил выяснить то, что музыкальные предпочтения довольно основательно влияют на молодежь и что для молодых людей посещение концертов любимых исполнителей все-таки является проблемой в силу определенных причин. На основании проведенного экспертного опроса были получены мнения о музыкальных предпочтениях молодежи и возможностях их удовлетворения, что позволило подтвердить актуальность проблемы. Также можно сделать вывод о том, что большинство экспертных мнений подтвердило результаты анкетного опроса. Это говорит нам о точности проведения исследования.

Исследование роли музыки, разных ее стилей в процессе социализации, влияние всевозможных факторов на выбор определенного музыкального жанра в молодом возрасте совместно с анализом степени влияния социальных изменений на целостность личности поможет решению этой проблемы. Стоит учитывать и возможности удовлетворения молодыми людьми своих музыкальных предпочтений, то, каким образом они предпочитают слушать музыку, довольны ли организацией музыкальных мероприятий в своем городе, так

как эти аспекты помогают более полно раскрыть все нюансы исследования музыкальных предпочтений, помогают понять, с чем связан выбор того или иного жанра у молодежи. Еще одним выясненным критерием в данном исследовании является многоаспектность факторов, которые могут повлиять на музыкальные предпочтения молодежи. В ходе исследования выяснилось, что современные музыкальные предпочтения обладают массовостью и большей приверженностью к развлекательному аспекту, хотя смысловая нагрузка тоже учитывается молодежью в прослушивании музыкальных произведений, в подтверждение чего мы привели ряд моментов. А в целом мы выяснили и описали музыкальные предпочтения современной молодежи и возможности их удовлетворения.

Библиографический список

1. Адорно Т. В. Избранное: Музыкальная жизнь. — М. ; СПб., 2014. — 445 с.
2. Пантелеев А. Ф. Взаимосвязь музыкальных предпочтений и психологических особенностей слушателей музыки // Известия Саратов. ун-та. — 2012. — № 2. — С. 67–72.
3. Мальцева Н. В. Музыкальные предпочтения современной молодежи на примере города Иркутска // Культура. Духовность. Общество. — 2013. — № 6. — С. 147–151.

М. В. Данилова (Барнаул)

СРЕДНИЙ КЛАСС В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

В настоящий момент на международной арене идет процесс глобализации, охватывающий экономические, политические, социальные и культурные взаимоотношения всего человеческого сообщества и влекущий за собой не только новые возможности развития, но и угрозу устойчивости социальных структур отдельных государств и международной безопасности в целом. Поэтому достижение социальной стабильности становится важнейшей задачей в современном мире.

Одним из основных социальных факторов стабильности общества многие социологи и политологи сегодня называют его социаль-

но-классовую структуру, а именно — преобладание среди населения людей, которых можно отнести к среднему классу.

Средний класс — относительное понятие в социологии, не имеющее единственного верного определения, так как критерии отнесения к нему в разных странах различны, но наиболее часто используемыми являются средний доход, наличие статусного жилья, уровень образования и иные. Однако, в широком смысле, средним классом (или слоем) будет правильно назвать социальную группу, занимающую срединное положение между двумя крайними точками социальной стратификации, которые образованы, с одной стороны, политической и экономической элитой, а с другой — беднотой, «городским дном».

Интерес к изучению среднего класса уходит корнями в глубокую древность.

Одним из первых понятие «средний класс» применил к описанию общества античный философ Аристотель. Ученый обозначил его стабилизирующую функцию. Средний слой — своеобразная граница, не дающая столкнуться интересам богатых (аристократии) и бедных (плебса), то есть не позволяющая им конфликтовать между собой. Эта «прослойка» помогает установить социальное равновесие, но оно возможно лишь при преобладании среднего класса над остальными. Аристотеля можно назвать провидцем, ведь он сумел построить модель, на которой основывается и современное общество.

В Средние века идея существования среднего класса не претерпевает существенных изменений.

В Новое время черты среднего слоя и его место в социальной структуре приобретают определенную ясность.

Уделяет в своих трудах большое внимание развитию теории классов, среди которых выделяет основные (рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, помещики, пролетарии и буржуа) и неосновные, К. Маркс. Ученый придерживался дуальной классовой структуры, но не отрицал существования среднего слоя, хотя и не давал ему четкого определения и идентифицировал с ним «мелкую буржуазию» [1, с. 75], которая хоть и является частью данного слоя, но не исключает других его составляющих.

Для Т. Мальтуса «средний класс» важен как фактор, стабилизирующий общество посредством введения баланса в «перепотребление» и «недопотребление» на социальных полюсах [1, с. 77–80], который является частью теории народонаселения.

Делит общество на классы собственников средств производства и наемных рабочих У. Томпсон. Он же подразделяет его по другому

признаку — по размеру получаемого дохода, на три класса: высший, средний и низший [2, с. 23–24].

Существование «среднего (торгового) класса», то есть промышленной и торговой буржуазии, как прослойки между аристократией и наемными рабочими отмечал Дж. Грей [2, с. 23–24]. Следовательно, средний слой рассматривается именно как социальный класс, имеющий собственные интересы.

Особое внимание так называемому «среднему классу» уделял и М. Вебер, относя к нему тех, кто за счет соответствующей подготовки обладает конкурентоспособностью на трудовом рынке и владеет всеми видами собственности (независимые крестьяне, ремесленники, чиновники, занятые в общественном и частном секторе, лица свободных профессий, а также рабочие, занимающие исключительно монополистическую позицию) [3, с. 62–64].

Формирование и развитие среднего класса основной целью общества, а современную ему цивилизацию — цивилизацией среднего класса называл А. Тойнби [4, с. 24–29]. Но в то же время ученый говорил о немногочисленности среднего слоя в обществе и необходимости оказания ему государственной поддержки.

У ученых нет единого мнения по поводу определения, границ, свойств, функций, признаков и других характеристик среднего класса как в странах Европы, так и в России, о которой стоит говорить отдельно, так как средний класс нашей страны развивается в настоящий момент.

Родоначальником теории социальной стратификации единодушно признается русский философ и социолог П. А. Сорокин. Социальная стратификация — это дифференциация группы населения на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. В обществе всегда существуют три формы неравенства (стратификации): экономическая (по уровню дохода); политическая, что означает разделение населения на правящую элиту и подчиненное большинство; профессиональная, согласно которому профессии стоят в иерархии тем выше, чем более важные функции они выполняют в организации жизни общества и контроля за поддержанием порядка [5, с. 117]. П. Сорокин в своих трудах также разрабатывал и уточнял многозначное понятие класса.

Выделяет средний класс на основе субъективного критерия Г. Г. Дилигенский. Центральным понятием, позволяющим отличить

эту категорию от иных, является понятие идентичности — комплекса представлений индивидов о социальной реальности, а также их места в ней [6, с. 58–64]. А также Герман Германович ставит под сомнение возможность применения «западных» критериев стратификации для оценки российского общества [6, с. 64–85].

При определении границ среднего класса Л. А. Хахулина заостряет своё внимание на самоидентификации индивида [7, с. 279–293].

Также изучением среднего класса в России занимаются М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин, Н. В. Латова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. В. Петухов, Н. Н. Седова, И. О. Тюрина, чьи рассуждения представлены в книге «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований», содержащей результаты исследований Института социологии РАН.

Говорить однозначно о месте среднего класса в современном обществе сложно, потому что нет единства мнений даже о структуре самого явления. Так, на Западе существует деление на следующие подгруппы среднего класса, которые различаются по типам располагаемых ресурсов: 1) предпринимателей (обладание экономическими активами); 2) менеджеров (обладание административными активами); 3) профессионалов (обладание культурными активами). Выделение уровней среднего класса нашло отражение в отечественных исследованиях. Например, выделяют «нижний», «средний» и «верхний» слои среднего класса.

Если обобщить вышесказанное, то представителей среднего класса отличает определенный образ жизни, своя система ценностей, отношение к различным видам социальной активности, обществу и своему месту в нем, то есть особая социальная позиция.

Таким образом, весьма актуальным для анализа и изучения является средний класс, обуславливающий социальный порядок в обществе. В настоящее время проходят его многочисленные исследования в разных странах [8, с. 803–810]. Возникает необходимость в уточнении и сравнении признаков, по которым к нему относят население, а также вызывают интерес исторические пути формирования и развития среднего класса в странах Европы и в России.

Если же говорить о нашей стране, то средний класс здесь находится в процессе становления, поэтому наблюдение за формированием его структуры является одним из перспективнейших направлений социологических исследований.

Библиографический список

1. Баллаев А. Б. Маркс размышляющий. — М., 2015.

2. Аглиуллова А. Х. «Средний класс»: генезис определения в западной и российской социологии. — М., 2010.
3. Митюрин Д. Макс Вебер за 90 минут. — СПб., 2006.
4. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М., 2002.
5. Чеснокова В. Ф. «Уильям Л. Питирим Сорокин»: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. — 2007. — № 1.
6. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. — М., 2002.
7. Хахулина Л. А. Средний класс в России: мифы и реальность // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. — 2000. — № 7. — С. 279–293.
8. Попов Е. А., Коростелева О. Т., Миронова С. В., Меженин Я. Э. Социология и социальное мышление: вызовы и ответы для других наук // Политика и общество. — 2016. — № 6. — С. 803–810.

О. А. Иванова, А. М. Сергиенко (Барнаул)

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И АКТИВНОСТИ³

Постановка проблемы. Современные проблемы и перспективы устойчивого социально-экономического развития и социально-демографического воспроизводства сельского сообщества, решения проблем обеспечения продовольственной безопасности страны тесно связаны с вопросами сокращения массовой миграции сельской молодежи и улучшения ее социального положения.

Сельская местность традиционно уступает городам по уровню социально-экономического развития, отличается более низкими доходами сельских жителей и качеством их жилья, более слабым уровнем развития социальной сферы и рынка труда. Ограниченные возможности трудоустройства, доступа к качественному образованию, медицинскому обслуживанию, к услугам культурных и спортивных объектов, жилищные и другие проблемы ведут к неудовлетворен-

³ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17–13–22007, 2017 г.

ности сельской молодежи своим социальным положением. Кроме того, обращают на себя внимание относительно невысокая мотивация молодежи жить и работать в селе, что, в конечном счете, создает угрозы дальнейшему социально-экономическому развитию сельских территорий. Особое значение данные проблемы приобретают в аграрных регионах с высокой долей сельского населения, к которым относится и Алтайский край [1–2]. С начала 2000-х гг. данный регион покинула четвертая часть современной численности сельской молодежи в регионе, причем основные потери произошли в последние годы.

С начала «нулевых» в регионах России, в том числе и в Алтайском крае, произошло кардинальное изменение в государственной аграрной политике и поддержке социально-экономического развития села. Так, в крае реализуются федеральные и региональные программы устойчивого развития сельских территорий и ряд других программ и проектов, позволяющих решать отдельные социально-экономические проблемы сельской молодежи (по обеспечению жильем, стимулированию рождаемости, содействию занятости, поддержке малого предпринимательства и проч.). Однако это не позволяет качественно изменить ситуацию с миграцией, что является социально значимой проблемой с далеко идущими экономическими последствиями, актуальность которой усиливается при формировании условий восходящей социальной мобильности молодых селян в местах постоянного проживания, поскольку в таких случаях потенциальная миграция значительной части молодежи переходит в реальную, молодежь уезжает [3]. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских сообществ уже в настоящее время затруднено нехваткой молодых квалифицированных кадров. Продолжающийся отток сельской молодежи может привести к кардинальной проблеме социального воспроизводства сельских сообществ, их массовому сокращению и, как следствие, проблеме продовольственной безопасности, к формированию ситуации («точки невозврата»), когда данные процессы уже невозможно будет остановить.

Теоретический фундамент и современные особенности изучения миграции сельской молодежи. Основу системного исследования миграции сельского населения во многом заложили в своих работах представители Новосибирской экономико-социологической школы под руководством Т. И. Заславской. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. под руководством Т. И. Заславской проведено комплексное исследование миграции сельского населения, по результатам кото-

рого выделены движущие силы миграции, ее катализаторы и ингибиторы, описан внутренний механизм процесса миграции, комплекс мотивов к миграции и к стабилизации [4].

В настоящее время в работах П. Великого, З. Калугиной, Т. Морозовой, Т. Нефедовой, О. Нечипопенко, А. Никулина, В. Староверова, О. Фадеевой, А. Хагурова, Т. Шанина и других ученых рассматриваются проблемы сельского социума и его адаптационного потенциала, развития социальной и экономической сфер жизнедеятельности селян, практик их самоорганизации и государственной политики, во многом объясняющие механизмы миграции сельской молодежи, отражены различные аспекты ее социального положения [5–6]. В трудах западных исследователей аграрно-сельской социологии (Z. Bednarikova, M. Vavorova, F. Cartmel, S. Pavis и др. [7–8]) акцентируется внимание на анализе глобальных и региональных процессов в сельских сообществах и миграции сельского населения как их проявления.

При наличии большого количества работ, посвященных отдельным аспектам оценки социального положения и миграции сельской молодежи, особенностью современной ситуации является фрагментарный характер исследований, не учитывающих комплекса происходящих изменений ее социального положения и активности (лишь отдельные характеристики), а также ключевые факторы и механизмы, воздействующие на эти изменения и определяющие в конечном счете миграционные настроения молодых селян.

Цель, методология и информационная база исследования. Целью нашего исследования является выявление тенденций, факторов формирования и механизмов сокращения миграции сельской молодежи в аграрном регионе (Алтайском крае) с начала 2000-х гг. на основе комплексного измерения ее социального положения и активности. Для этого нами проводится дифференцированный (по полу, возрасту и другим характеристикам) и сравнительный анализ изменения социальных различий в положении и миграционной активности сельской молодежи с более старшими сельскими жителями и городской молодежью. Особое внимание уделяется анализу влияния государственной политики и практикам социальной поддержки сельской молодежи со стороны местных властей, сельского бизнеса и семейно-родственных сетей в сельских сообществах как социальных регуляторов миграции и реэмиграции сельской молодежи. На этой основе предполагается оценить последствия и перспективы миграции сельской молодежи и разработать предложения по совершенствованию государственной политики.

Для реализации цели и задач исследования используются следующие методы анализа: систематизации и классификации (для оценки значимости практик сельского бизнеса, местных властей и социальных сетей сельского социума, влияния государственной политики в области улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции); факторный, кластерный и типологический анализ (для формирования типологий сельской молодежи по уровню и динамике социального положения и активности, а также типологий сельских районов, различающихся уровнем и динамикой развития социальной среды жизнедеятельности сельской молодежи); картографирование (для представления результатов типологизации); дифференцированный анализ (уровня и динамики социального положения и активности различных групп сельской молодежи); сравнительный анализ (изменения внутри- и межгрупповых социальных различий между сельской молодежью и сельским населением более старшего трудоспособного возраста, а также городской молодежью); корреляционный и другие методы математико-статистического анализа; традиционные демографические методы прогнозирования численности населения.

Информационной основой исследования является серия проведенных нами в 2017 г. социологических опросов: во-первых, квотный выборочный опрос (в форме полустандартизированного интервью) представителей сельской молодежи и более старшего сельского населения трудоспособного возраста, проживающих в различных по периферийности сельских районах, различных по плотности сельских населенных пунктах Алтайского края, а также городской молодежи; во-вторых, экспертный опрос методом полустандартизированного интервью руководителей муниципальных органов управления и представителей сельского бизнеса. Для анализа изменений в масштабах потенциальной миграции, социальном положении и активности сельской молодежи и более старшего сельского населения с начала 2000-х гг. используется вторичный анализ результатов ранее проведенных нами региональных опросов сельского населения ($n=1100$ в 2002 г.; $n=1103$ в 2008 г., $n=500$ в 2011 г., $n=250$ в 2016 г., а также экспертных опросов представителей региональной и местной власти, сельского бизнеса и руководителей организаций социальной сферы (2002 г., $n=56$; 2008 г., $n=250$; 2011 г., $n=84$; 2013 г., $n=40$; 2014 г., $n=70$). Дополнением к количественным опросам является проведение серии индивидуальных глубинных интервью с сельской молодежью и экспертами (представителями местной власти, сельского бизнеса) и фокус-групповых исследований масштабов и факторов резми-

грации студенческой и работающей молодежи в сельскую местность. Кроме того, используется традиционный анализ федеральных и региональных законов, программ и проектов, реализуемых в Алтайском крае, материалов СМИ.

Апробация данного методологического подхода, по нашему мнению, позволит получить комплексную оценку состояния и прогнозирования миграции сельской молодежи, что может послужить научной базой решения данной проблемы и, следовательно, в конечном счете может способствовать формированию социальных условий устойчивого социально-экономического развития сельских сообществ, решения проблем кадровой обеспеченности села и продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. Троцкий А. Я., Родионова Л. В., Сергиенко А. М. Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А. С. Новоселова. — Новосибирск, 2012. — С. 402–416.
2. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. — Барнаул, 2013. — 330 с.
3. Сергиенко А. М., Иванова О. А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — Ч. 2. — С. 21–26.
4. Заславская Т. И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. — М., 2007. — С. 205–277.
5. Российское село в условиях глобальных вызовов : монография / под общ. ред. В. И. Старовойта. — Уфа, 2014. — 280 с.
6. Сергиенко А. М., Решетникова С. А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.
7. Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E. V. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // Journal of Rural Studies. — 2016. — № 45. — Pp. 99–111.
8. Pavis S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion... — York, 2000. — 50 p.

А. В. Игнатенко (Барнаул)

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время пристальное внимание государственной политики привлекает человеческий капитал. Интенсивные темпы экономического развития страны привели к возрастанию роли человеческого капитала в обеспечении качественных параметров экономического роста. Определяющая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, отводится системе непрерывного образования. В основе современной теории человеческого капитала лежит экономический подход к человеческому поведению, нашедший выражение в следующей логической схеме Г. Беккера:

- способности, знания, профессиональные навыки, мотивация становятся капиталом в момент купли-продажи рабочей силы, найма на работу или получения вознаграждения исполнителем работы;
- рост человеческого капитала должен способствовать росту производительности труда и производства;
- целесообразное использование капитала должно вести к росту доходов работников;
- рост доходов стимулирует работника делать вложения в здоровье, образование для повышения запаса знаний и навыков, чтобы затем эффективно применить их [1].

В Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. отражена тенденция возрастания роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности. Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования, поэтому в качестве стратегической цели заявлено повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина [2].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.05.2013 г. № 792 утверждена государственная программа «Развитие образования в Российской Федерации на 2013–2020 годы». Це-

лью данной программы является обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения, а также его конкурентоспособности на мировом рынке образования. Одной из задач государственной программы выступает формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал и обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации и повышение ее глобальной конкурентоспособности [3].

Таким образом, можно сказать, что нормативно-правовые документы, регламентирующие сферу образования в Российской Федерации, подчеркивают важность подготовки и переподготовки кадров для различных отраслей социально-экономической инфраструктуры.

Образование — средство трансляции культуры, овладевая которым человек не только адаптируется к условиям постоянно меняющегося социума, но и становится способным к неадаптивной активности, позволяющей выходить за пределы заданного, развивать собственную субъектность и приумножать потенциал мировой цивилизации (В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов).

Новый закон об образовании в Российской Федерации (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) внес существенные коррективы в образовательную модель. Согласно этому выстраивается система непрерывного образования в стране — от дошкольного образования до профессионального совершенствования компетентности специалиста. Система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования.

Новой перспективной парадигмой современного образования, как считают многие ученые, является непрерывное образование. Основными чертами его являются: переход от «обучения» к «образованию»; непрерывное и опережающее образование, его фундаментализация, направленность на личностно-ориентированное образование и развитие творческих технологий в образовательном процессе; создание единого интерактивного образовательного информационного пространства и переход к открытому образованию [4, с. 27].

Дополнительное образование занимает важное место в системе непрерывного образования и структуре образования в РФ и включает в себя: дополнительное образование детей и взрослых, дополни-

тельное профессиональное образование. Система дополнительного образования создает условия для успешного саморазвития личности, выстраивает траекторию «образование через всю жизнь».

Все больше внимания уделяется развитию дополнительного профессионального образования, которое призвано мобильно и эффективно реагировать на новые требования отечественной и мировой экономики, возрастающие запросы населения на приобретение дополнительных компетенций. В федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ в статье 76 указано, что дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [5]. Актуальные компетенции формируются через дополнительные профессиональные программы повышения квалификации, которые неразрывно связаны с ростом профессионального уровня. Программы профессиональной переподготовки направлены на приобретение новой квалификации. Получая квалификацию, указанную в дипломе о профессиональной переподготовке, специалист имеет право заниматься определенной профессиональной деятельностью и выполнять конкретные трудовые функции [6, с. 76].

Таким образом, современный рынок труда предъявляет высокие требования к специалистам. Необходимость быть конкурентоспособным обуславливает значимость многократного повышения квалификации в течение жизни.

Библиографический список

1. Зуев А., Мясникова Л. Интеллектуальный капитал // Альманах «Восток». — 2004. — № 2 (14) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_355.htm
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3409>
4. Морозов В. В. Образовательная система России как путь социализации личности : монография. — Красноярск, 2015. — 140 с.
5. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 02.05.2015)

[Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143.

6. Игнатенко А. В, Сиротина Т. В. Реализация инклюзивного образования в Алтайском крае в оценках экспертов // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. — 2015. — Т. 2. — № 12. — С. 76–79.

Е. С. Колесникова (Барнаул)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ ШКОЛ АЛТАЙСКОГО
КРАЯ И ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
КАЗАХСТАНА**

Научный руководитель — Е. А. Попов

На современном этапе становления человечества мир претерпевает большие изменения. В связи с этим экономические, политические, социальные системы многих стран не успевают подстроиться под эти изменения. Разумеется, это накладывает особый отпечаток на престиж и выбор профессии. Все это отражается и на пересмотре требований к профессиональному работнику как активному участнику хозяйственной системы общества.

После завершения обучения в школе большое число юношей и девушек начинают искать применение своим силам и способностям. Выпускники школ вынуждены полагаться на себя, им необходимо быстро ориентироваться в характере любой профессии и определять свою пригодность к профессиям. При этом по статистике большая часть молодых людей сталкивается с проблемами, которые связаны с выбором профессии, профиля дальнейшего образования и последующего трудоустройства.

Специалистами Алтайского краевого центра профессиональной ориентации молодежи и психологической поддержки населения в 2005–2006 учебном году было проведено социологическое исследование профессиональных намерений выпускников 11-х классов по Алтайскому краю. Целью данного исследования было изучение профессиональных ориентаций выпускников общеобразовательных школ и факторов, влияющих на их профессиональное самоопределение.

По итогам исследования выяснилось, что выпускников школ сельских районов, составивших свой профессиональный план, больше (72%), чем количество выпускников школ г. Барнаула (48%). Следовательно, количество городских выпускников, не составивших свой профессиональный план, больше (52%), чем сельских.

Отсюда можно сделать вывод, что «к моменту поступления выпускники, не сформировавшие свой профессиональный план, а их более трети всех обследованных, — выбирают учебное заведение случайно» [1, с. 10].

Также в анкете был сделан акцент на основных и запасных вариантах выбора образовательного уровня. Так, «основным вариантом для большинства опрошенных является поступление в государственный ВУЗ бесплатно — 67% в Барнауле и 56% в других населенных пунктах. В качестве основного варианта поступление на дополнительный набор в государственный вуз среди барнаульцев на втором месте (18%). Что касается ссузов и ПЛ, то они более привлекательны в качестве основного образовательного уровня для выпускников школ малых городов и сельских районов Алтайского края» [1, с. 14].

Некоторые исследователи отмечают, что в основе профессиональных планов лежат группы ценностей, определяющих не просто выбор профессии, но и возможности личного роста, духовного совершенствования. Конечно, в этой ситуации старшеклассникам необходимо консультирование, которое носило бы не просто профориентационный характер, а скорее ценностно-смысловой [2, с. 8–10]. Кроме того, профессиональные планы старшеклассников могут быть связаны с определенным набором компетенций, которые в условиях так называемого компетентного подхода могут частично реализоваться в школах [3, с. 69–70].

У выпускников школ Барнаула, малых городов и сельских районов Алтайского края в качестве запасного образовательного уровня рассматривается поступление на платной основе в государственный вуз. Второе место среди запасных вариантов выпускники малых городов и сел отдали ссузам, которые являются более привлекательными, чем ПЛ и негосударственные вузы.

Таким образом, сохраняется ситуация, когда выпускники стремятся любой ценой получить высшее образование, при этом не все выпускники вузов могут трудоустроиться после получения диплома.

Похожая ситуация прослеживается и в Казахстане. Государственным университетом имени Шакарима г. Семипалатинск было проведено социологическое исследование, которое выявило несколько про-

тиворечий, связанных с трудностями выбора дальнейшего обучения и трудоустройства выпускников школ.

Во-первых, противоречие между динамично изменяющейся ситуацией на рынке труда и навыками самоопределения учащихся.

«С одной стороны, современный рынок труда характеризуется широкой палитрой профессиональной сферы, ежегодно пополняющейся новыми специальностями, активным формированием внутрифирменных стандартов и корпоративных систем качества, появлением новых специализаций.

С другой стороны, только около половины выпускников школ определяются с выбором профессии самостоятельно, а остальные делают выбор с помощью родителей, друзей или нуждаются в помощи специалиста по выбору профессии» [4, с. 303].

Также исследование показало, что «только 42% учащихся самостоятельно выбирает профиль обучения, у 58% старшеклассников отсутствует интерес к профессиональной деятельности, каждый пятый ученик, выбравший профессию, ничего о ней не знает» [4, с. 304].

Во-вторых, противоречие между ориентированностью работодателей и выпускников.

На рынке труда Восточно-Казахстанской области востребованы выпускники начального и среднего профессионального образования, так как велик спрос работодателей на рабочих в промышленной сфере, жилищно-коммунальном секторе экономики города. Однако почти вся молодежь (90%) намерена получить образование в вузах. Это связано с отсутствием интереса либо с негативным отношением большей части старшеклассников и их родителей к начальному и среднему профессиональному образованию.

В результате работодатели получают молодых специалистов, у которых отсутствует профессиональная мотивация, низкий уровень профессиональной подготовки. Для переобучения необходимы значительные финансовые и организационные издержки, а также дополнительная психологическая нагрузка. А выпускники считают, что диплом о высшем образовании является основным и единственно важным условием будущей успешной карьеры.

Библиографический список

1. Самчук Е. А., Матерова Т. А. Организация и планирование профориентации в общеобразовательной школе : метод. пособие. — Барнаул, 2007. — 76 с.

2. Попов Е. А., Кряклина Т. Ф. Методология исследования востребованности выпускников российских вузов на рынке труда (на примере Алтайского края) // Политика и общество. — 2017. — № 1. — С. 7–15.

3. Попов Е. А., Кряклина Т. Ф. Специфика оценивания компетенций в системе профессионального образования // Педагогика и просвещение. — 2017. — № 1. — С. 66–73.

4. Дуйсембекова Ш. Д. Педагогические условия профессионального самоопределения старшеклассников (Казахстан) // Актуальные психолого-педагогические проблемы подготовки специалистов : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Стерлитамак, 2009. — С. 302–309.

Т. Ф. Кряклина (Барнаул), Е. А. Ан (Казахстан)

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современный период развития общества испытывает сильное воздействие компьютерных технологий, которые проникают во все его сферы, обеспечивая распространение в них информационных потоков и образуя глобальное информационное пространство. Неотъемлемой и важной частью этих процессов является компьютеризация образования. Компьютерные технологии призваны стать не просто дополнительным довеском обучения, а неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность.

Проблема широкого применения компьютерных технологий в сфере образования в последнее десятилетие вызывает повышенный интерес не только в отечественной педагогической науке, но и в политике, экономике, социологии. Под информационными технологиями в литературе понимается процесс использования совокупности технологических средств и методов сбора, обработки и передачи данных для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления.

Термин «информационные технологии» часто воспринимается как синоним понятия «компьютерные технологии», так как все информационные технологии, так или иначе, связаны с применением компьютера. Однако термин «информационные технологии» намного шире. Он включает в себя компьютерные технологии в каче-

стве составляющей компоненты. Информационные технологии, основанные на использовании современных компьютерных и сетевых средств, определяются термином «современные информационные технологии». Под их средствами понимаются программные, программно-аппаратные и технические средства, а также современные системы транслирования информации, осуществления информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке информации и возможности доступа к информационным ресурсам компьютерных сетей [1, с. 4]. К ним относятся современные информационные и коммуникационные технологии типа ЭВМ, ПЭВМ, локальные вычислительные сети, устройства ввода-вывода информации, средства ввода и манипулирования текстовой и графической информацией, средства архивного хранения больших объемов информации и другое периферийное оборудование современных ЭВМ; устройства для преобразования данных из графической или звуковой формы представления в цифровую и обратно; средства и устройства манипулирования аудиовизуальной информацией (на базе технологий мультимедиа и «Виртуальная реальность»); системы искусственного интеллекта и машинной графики, программные комплексы и др.; современные средства связи, обеспечивающие информационное взаимодействие пользователей, как на локальном, так и на глобальном уровнях [2, с. 572–574].

Информатизация образования становится фундаментальной и важнейшей глобальной проблемой XXI в. в силу ряда объективных факторов:

- стремительного развития процесса информатизации общества, который представляет собой проявление общей закономерности развития цивилизации. В настоящее время этот процесс приобрел глобальный характер и уже охватывает практически все развитые страны мира, включая Россию. При этом информатизация общества влечет за собой многие радикальные социальные изменения. Она существенным образом изменяет практически все стороны жизни людей;
- функциональных возможностей и технических характеристик средств информатики, информационно-телекоммуникационных технологий, которые в последние годы быстро развиваются, а их стоимость неуклонно снижается, что делает эти средства все более доступными для массового пользователя. Эти возможности уже сегодня значительно опережают тот уровень подготовленности общества, который требуется для их эффективного использования, и это порождает еще одну соци-

альную проблему — проблему развития новой информационной культуры общества, тесно связанную с уровнем развития образования;

- дальнейшего стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и широкого внедрения их достижений в социальную практику, что приводит к формированию совершенно новой информационной среды общества — инфосферы. Именно инфосфера определяет основные черты информационного общества, той новой цивилизации, которая уже сегодня формируется в развитых странах и с исторической неизбежностью распространяется по всему миру.

Активное развитие информационных технологий оказывает существенное и часто непредсказуемое влияние на различные стороны образовательного процесса. Одно из наиболее значительных последствий этого — появление открытых систем обучения на основе использования образовательных платформ, создаваемых ведущими университетами. В числе лидеров этого процесса американские и европейские вузы. Предшествующими этапами обучения с использованием компьютерных технологий были курсы на базе CD-ROM; дистанционное обучение; e-learning, а затем уже MOOC — массовые онлайн-курсы (глобальные и национальные платформы открытого образования) [3, с. 89]. Национальная платформа открытого образования, созданная наиболее продвинутыми вузами России, была официально открыта в 2015 г. В настоящее время на ней размещено 212 онлайн-курсов.

И если до настоящего времени речь шла о создании образовательных платформ образовательными организациями, то сегодня есть примеры их создания одним человеком. Так, основатель Apple Стивен Возняк создал собственный онлайн-университет Woz U. Образовательная платформа онлайн-университета предлагает слушателям курсы по информатике и технологиям. Как отмечает издание Fortune, Возняк планирует открыть 30 университетских кампусов в более чем 30 городах США и других странах. Он считает, что необходимо воспитывать и обучать людей навыкам работы на дому, не вгоняя их в долги [4].

Таким образом, можно говорить о новой форме профессионального образования как прямого канала передачи теоретического знания и опыта использования информационных технологий бизнес-структурой. Убедительность значимости передачи такого опыта сопровождает и устойчивый имидж организации как наиболее успешной. Такая модель обучения сохраняет информационную контакт-

ность обучающего и обучаемого и как бы воспроизводит традиционную модель, основывающуюся на личном контакте. Современные информационные технологии обучения дают возможность обучающимся сочетать разные типы восприятия информации (вербальный, невербальный, зрительный, слуховой и т. д.). И в этом, безусловно, их сильная сторона, как и оперативность передачи информации, остро требующейся сегодня для организации и функционирования производственных и бизнес-структур. Об этом свидетельствует факт признания книги «Семь навыков высокоэффективных людей» Стивена Кови в 2011 г. журналом «Time» наиболее влиятельной книгой по бизнесу [5].

Переход общества к новому (шестому) технологическому укладу, основывающемуся на самоорганизующихся роботизированных комплексах и виртуальных платформах, порождает иные производственно-технологические системы — «умные среды» или инфраструктуры нового поколения — киберфизические системы (CPS) [6, с. 6–8]. Эти среды определяют рост значения подготовки специалистов, которые могут общаться с основным источником их сложности и динамики — технологиями. Работа с большими массами доступных данных на основе их обработки и передачи электронной системой коммуникации потребует формирования аналитической компетенции, развития способности работать с концептуальными моделями и визуализацией, иметь навыки сетевой коммуникации. Основы этих навыков создает использование современных информационных технологий. Причем чем раньше человек осваивает электронную систему коммуникаций, тем быстрее и эффективнее он ориентируется в более сложных схемах виртуальной реальности. Этот процесс по темпам развития можно сравнить с освоением системы вербальной коммуникации. Не обучаясь в школе, ребенок осваивает разговорную речь, не умея читать и писать, умеет работать на компьютере, пользоваться смартфоном. Одним словом, становление информационного общества связано с формированием интернет-поколения людей, рожденных в начале 1980–2000-х гг. Это поколение, скорее всего, будет доминирующим на рынке труда в XXI в.

Современный рынок труда сильно изменился. Согласно последнему рейтингу информационно-делового портала «Промразвитие», список востребованных профессий в России возглавили специалисты it-технологий, сферы строительства, врачи, стажеры по продажам, работники предприятий тяжелой промышленности [7]. Причем в характере труда профессий, казалось бы, далеких от интернет-технологий, все большее место занимают информационные техноло-

гии, визуализация. С их помощью не только получают всестороннюю и оперативную информацию об объекте, но и моделируют процессы принятия решений, создание роботов, их функциональных свойств; контролируют деятельность искусственного интеллекта и электронных систем, заменяющих человека.

Трансформация рынка профессий и труда сопровождается не только изменениями характера трудовой деятельности, но и изменениями ее форм, структуры занятости населения, графика работы, содержания профессионального опыта и его значимости для молодых кадров и работников в возрасте, взаимодействия работодателя и работника, возможности удаленной занятости последнего. Многие из этих трансформаций уже сегодня характерны для новых секторов, связанных с освоением Арктики, космоса, добычей и доставкой полезных ископаемых, созданием новых типов вооружений и т. д.

К 2030 г., по мнению специалистов, четыре из десяти профессий будут потеряны. И многие из оставшихся без работы людей вынуждены будут получать онлайн-образование. Одним из барьеров на их пути к успеху, по мнению молодого американского исследователя Р. Кизильчика, «станут низкие навыки саморегулирования. Стратегии, приводящие к хорошим результатам, — целеполагание, планирование...» [8, с. 5]. Он проанализировал факторы, влияющие на конечный результат онлайн-обучения. По мнению Р. Кизильчика, успешность такого обучения зависит от обеспечения доступа к онлайн-курсам и поддержки. Большая часть онлайн-курсов разрабатывается в США. Для их усвоения необходимо хорошее знание английского языка, а также официальное признание сертификатов об окончании онлайн-курсов в российских образовательных и иных организациях. Крупные зарубежные фирмы уже признают наличие таких сертификатов наряду с документами об образовании. Более того, в США, даже без аттестата об окончании школы, но имея сертификаты об окончании онлайн-курсов, можно пойти учиться дальше [8, с. 5].

Таким образом, развитие образовательных платформ, предоставляющих онлайн-курсы, приводит к перестройке (трансформации) института образования, с одной стороны. А с другой, расширяет возможности оперативного получения наиболее востребованного образования, помогая человеку адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни и найти себя в новой профессиональной деятельности, связанной с использованием современных информационных технологий.

Библиографический список

1. Городов О. А. Правовая охрана и использование единых технологий, созданных за счет или с привлечением бюджетных средств : монография. — М., 2010.
2. Шапиева М. С. Использование информационных технологий при обучении в системе образования вуза // Молодой ученый. — 2014. — № 5.
3. Кряклина Т. Ф., Ретгих С. В. Инновации в образовании: Massive Open Onlain Courses — массовые открытые онлайн-курсы // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2016. — № 1.
4. Стив Возняк создал собственный онлайн-университет [Электронный ресурс]. — URL: <https://theworldnews.net/ua-news/stiv-voznjak-sozdal-sobstvennyj-onlajn-universitet.html>
5. Болюдян Д. Философия эффективности Стивена Кови [Электронный ресурс]. — URL: https://www.brainity.moscow/business/review/filosofiya_effektivnosti_stivena_kovi/
6. Княгинин В. Н. Требования к квалификациям в современной ситуации. — М., 2013.
7. Самые востребованные профессии в России 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://promdevelop.ru/rabota/samye-vostrebovannye-professii-v-rossii-2017/>
8. Булгакова Н. Меняясь и меняя. Как развиваться университетам // Поиск: еженедельная газета научного сообщества. — 2017. — 3 ноября (№ 44–45).

*С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина, Д. А. Омельченко,
О. Е. Ноянзина, И. Н. Молодикова (Барнаул)*

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ГРАЖДАН РОССИИ: ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ МИГРАЦИИ⁴

Введение

В современном обществе миграция приобретает все большие масштабы. В условиях глобализации миграционные потоки оказывают определяющее влияние на социально-экономические и политические процессы, различные показатели развития государств и отдель-

⁴ Статья подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017–2019.

ных регионов. В России миграция рассматривается как важный ресурс развития экономики.

По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень внешней и внутренней миграции в России с 2009 по 2015 г. непрерывно возрастал [1]. В общем объеме перемещений преобладает внутрироссийская миграция: в 2015 г. число сменивших место жительства на территории России составило 87% всех прибывших в населенные пункты страны (4 135 906 человек из 4 734 523) [2]. Одна из примечательных черт внутренней миграции в России — ее неравномерность среди различных федеральных округов и субъектов федерации, связанная с неодинаковой привлекательностью регионов [3]. Проведенные статистические исследования показывают, что уровень миграционной привлекательности большинства регионов России является их устойчивой характеристикой [4], что говорит о значимости проблемы дисбаланса социально-экономических показателей регионов.

Внимания заслуживает и проблема эмиграции из России, объем которой планомерно снижался с 1990 г. по 2009-й, но стремительно возрос за последние годы — с 36 774 человек в 2011 г. до 353 233 человек в 2015-м [1]. При этом доля желающих уехать за границу на постоянное место жительства, согласно всероссийским опросам ВЦИОМ, в пределах указанного периода оставалась неизменной [5].

Существует множество подходов к классификации факторов, влияющих на мощность и направленность миграционных потоков. В рамках одного из них выделяется шесть основных групп факторов миграции: природно-климатические, демографические, этнические, социально-экономические и политические [6, 7]. Группа природно-климатических факторов объединяет климат, ландшафт и состояние экологической системы. Демографические факторы включают численность и плотность населения, его половозрастную и брачно-семейную структуру, уровни рождаемости и смертности. К этническим факторам относятся особенности национальных традиций и обычаев, влияющие на характеристики миграции, а также наличие межэтнической напряженности и конфликтов. Социально-экономические факторы связаны с уровнем жизни на тех или иных территориях, возможностями получения образования, трудоустройства. Политические факторы подразумевают характеристики государственного устройства, политической стабильности и миграционной политики. При анализе причин миграции следует учитывать не только параметры территорий выезда и въезда мигрантов, но и социально-демографические и личностные характе-

ристики самих субъектов миграции [8, 9], а также бытовые факторы, связанные, в частности, с воссоединением семей или возвращением на историческую родину [10].

Перечисленные факторы чаще всего действуют в комплексе, однако некоторые из них могут получать большую или меньшую приоритетность в зависимости от обстоятельств и установок мигрантов. Цель данной статьи — определить причины, оказывающие определяющее влияние на миграцию современных россиян.

Теоретический обзор

Одна из первых попыток вывести закономерности, связанные с миграцией, была предпринята Э. Г. Равенштейном, сформулировавшим ряд «законов миграции» на основе данных переписей Великобритании, США и нескольких других стран [11]. Сформированные утверждения скорее являются не законами, а статистическими обобщениями, однако полезны для получения наиболее общих представлений о миграционных потоках. В краткой формулировке законы Равенштейна выглядят следующим образом:

1. Мигранты перемещаются преимущественно на короткие дистанции; те, кто преодолевает более значительные расстояния, направляются в крупные промышленные и коммерческие центры.

2. Миграция чаще всего происходит из сельскохозяйственных районов в промышленные.

3. Большие города растут в большей степени из-за миграции, чем из-за естественного прироста.

4. Миграция возрастает с развитием промышленности, торговли и транспорта.

5. Каждому миграционному потоку соответствует обратный поток.

6. Женщины подвижнее мужчин в перемещениях на короткие расстояния, мужчины подвижнее женщин в перемещениях на длинные расстояния.

7. Большинство причин миграции экономические [12].

В социологии изучение миграции было начато с 1910–1920-х гг. в рамках теории ассимиляции представителей Чикагской школы. Акцент в данной теории был сделан на особенностях приспособления иммигрантов к господствующей в обществе культуре. Были разработаны теоретические модели, определившие виды, механизмы и этапы ассимиляции [13]. Позднее теория была пересмотрена в связи с обвинениями ее в этноцентризме. Новый виток ее развития начался с конца 1980-х гг. с формулировкой теории сегментной ассимиляции А. Портеса, Р. Румбо и М. Чжоу, в которой утверждается включение мигрантов в относительно изолированные сегменты общества

[14], а также концепции Р. Альбы и В. Ни, в которой признается наличие конвергенции культур наряду с интеграцией в систему ценностей принимающего общества [15].

Другой аспект миграции — факторы ее возникновения — рассматривается в эконометрической модели Э. Ли, разделившего спектр причин миграции на выталкивающие, притягивающие и промежуточные [16]. К выталкивающим факторам относятся экономические, социальные, политические и экологические недостатки предыдущего места жительства, к притягивающим — преимущества, получаемые мигрантом при перемещении на новое место, промежуточные факторы представляют собой потенциальные ограничения мобильности: стоимость переезда, законодательные барьеры, доступность информации о новом месте жительства. Э. Ли в своих работах обращается преимущественно к экономическим предпосылкам миграции [17].

В современных исследованиях, использующих терминологию Э. Ли, среди основных притягивающих факторов перечисляются более высокий уровень жизни, возможности трудоустройства и материальной поддержки семьи [18], обеспечение личной безопасности и доступность образования [19]. В число выталкивающих факторов включаются бедность, отсутствие продовольственной безопасности [20], политическая нестабильность, отсутствие инвестиций в транспорт, сельскохозяйственную и энергетическую инфраструктуру, безработица [21].

Также с точки зрения экономических факторов к миграции подходят неоклассическая теория М. Фридмана и П. Самуэльсона, определяющая миграцию как следствие различий в спросе и предложении труда в разных регионах, теория двойного рынка труда М. Пиоре, в которой миграция объясняется потребностями развитых индустриальных обществ в труде иммигрантов [22], мир-системная теория И. Валлерстайна, согласно которой международная миграция возникает в результате экспансии капитализма [23].

Преимущественно экономическими факторами объясняет миграцию и С. Сассен, связывая ее с воздействием глобализации, провоцирующей рост международных трудовых потоков. Кроме этого, Сассен обращает внимание на роль государств и международных организаций в регулировании миграции, отмечая, что они могут оказывать на миграционные потоки лишь ограниченное влияние [24].

Цель объединить различные предпосылки миграции в единую модель была поставлена Д. Массеем, сформулировавшим синтетическую теорию международной миграции. В данной теории миграция объяс-

няется процессами интеграции политических, социальных и экономических систем, а притягивающие факторы миграции признаются приоритетными над выталкивающими [25].

В современных исследованиях миграции подчеркивается ее связь с уровнем общественного развития. Так, Де Хаас утверждает, что взаимосвязь между миграцией и развитием встроена в социальный, политический и экономический контексты, воздействие которых не может быть по умолчанию однозначно принято за положительное или отрицательное [26]. В докладе Европейской Комиссии заключается, что следствием успешной политики в области развития в развивающихся странах является рост миграционных потоков [27].

Организация и методика исследования

Анализ факторов предрасположенности к миграции был проведен на основе данных социологического исследования адаптивных стратегий россиян, проведенного в 2011 году. Объем выборочной совокупности составил $n=2400$, возраст респондентов — от 15 до 75 лет. В исследовании были задействованы четыре субъекта Российской Федерации: Алтайский край, Кемеровская область, Красноярский край и Саратовская область.

В данной статье представлен вторичный анализ данных исследования.

Для оценки состояния исследуемых явлений были использованы следующие показатели.

Показатели предрасположенности к миграции:

- желание сменить место жительства;
- желаемое направление переезда;
- причины стремления к переезду.

Возможные факторы предрасположенности к миграции:

- социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень благосостояния;
- место проживания;
- семейное положение и состав семьи;
- удовлетворенность поддержкой семьи и взаимоотношениями с родственниками;
- удовлетворенность своим материальным положением;
- сфера профессиональной деятельности и занимаемая должность;
- оценки своего здоровья и работоспособности;
- отношение к своему будущему;
- локус контроля.

Для оценки степени влияния различных факторов на предрасположенность к миграции был проведен регрессионный анализ.

Основные результаты исследования

Согласно данным проведенного исследования, уровень предрасположенности россиян к миграции достаточно высок: сменить свое место жительства хотели бы 40,9% опрошенных. В то же время почти половина из них (18,2% по всей выборке) не считает свой переезд возможным из-за отсутствия денег. Среди тех, кто планирует сменить место жительства, 35,4% хотели бы переехать в пределах своего города, 22,8% — в другой населенный пункт в пределах своего района, 10,4% — в другой регион России, 8,5% — в другую страну. Еще не определились с будущим местом жительства 22,9% из тех, кто намерен переехать (см. табл. 1).

Те, кто хотел бы сменить место жительства в пределах России, чаще всего среди желаемых направлений переезда называли Москву, региональные центры (Екатеринбург, Новосибирск, Кемерово, Омск, Самара, Тамбов), регионы европейской части страны и южные регионы. Чаще всего среди отдельных субъектов федерации, предпочитаемых для переезда, назывался Краснодарский край — регион с наибольшим миграционным приростом в России после Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга [28]. Среди предпочитаемых стран для переезда наиболее популярны были США и страны Европы, среди которых чаще всего называлась Германия.

Наиболее популярными причинами переезда для россиян являются обеспечение будущего детей (всегда готовы переехать ради этого 47,6% опрошенных), улучшение благосостояния (43,1%), улучшение жилищных условий (39,9%). Также для многих мотивом переезда может выступать стремление найти работу (22,6%) и обеспечить карьерный рост (20,6%). Менее популярны причины, связанные с желанием изменить семейное положение (17,3%), опасной криминогенной обстановкой (16,8%), путешествиями (15,8%), а также экологическими и климатическими условиями (15,5%). Доли опрошенных, готовых переехать для повышения своего образовательного уровня, расширения культурных и духовных возможностей, улучшения медицинского обслуживания, оказались еще меньше. Наименее популярный мотив для переезда — напряженные межэтнические отношения (см. табл. 2).

Рассмотрим взаимосвязи предрасположенности к переезду и различных социально-демографических и личностных характеристик россиян. Наблюдается однозначная зависимость желания сменить свое место жительства от возраста: чем младше были респонден-

ты, тем чаще они говорили о таком желании (χ^2 , $p < 0,01$). Так, в возрастной группе от 15 до 29 лет соответствующая доля опрошенных составила 61,0%, в группе от 30 до 49 лет — 43,6%, а в группе от 50 до 75 лет — 23,3%. Наиболее популярная цель переезда для молодежи до 30 лет — улучшение благосостояния, для респондентов более старшего возраста — обеспечение будущего детей. В зависимости от пола доли желающих переехать практически не различаются. Значение для готовности к переезду имеют состав семьи и взаимоотношения с родственниками. Реже стремятся сменить место жительства те, кто поддерживает отношения с родственниками и активно с ними общается, а также те, кто состоит в зарегистрированном браке и имеет детей.

Также прослеживается взаимосвязь с уровнем материального положения: среди тех, кто выше оценивал свое благосостояние, больше была и доля желающих переехать (χ^2 , $p < 0,05$). Заметнее всего с ростом доходов повышается число желающих переехать в другой город. Среди целей переезда у респондентов с высоким уровнем доходов чаще, чем у других, фигурируют карьерный рост, изменение семейного положения, расширение культурных и духовных возможностей. Различаются доли желающих переехать и в зависимости от типа поселения: чаще сменить место жительства стремятся жители городов, чем сел и деревень (χ^2 , $p < 0,05$).

Степень предрасположенности к миграции различается в зависимости от сферы профессиональной деятельности (χ^2 , $p < 0,05$). Больше всего доли желающих переехать среди работающих в сферах юстиции и охраны общественного порядка (60,0%), торговли и общественного питания (49,8%), служащих в армии (48,1%) и занятых в области управления (46,7%). Реже всего о желании сменить место жительства говорили те, кто работает в сферах ЖКХ и бытового обслуживания (37,5%), сельского и лесного хозяйства (27,3%). Взаимосвязь проявляется и с уровнем приоритетности работы в системе ценностей респондента: среди тех, для кого карьера важнее, чем семья, хотят переехать 51,4%, а среди тех, для кого более значима семья — 37,1%. Среди представителей различных должностей больше всего желающих сменить место жительства среди специалистов с высшим образованием (53,7%), меньше всего — среди руководителей высшего звена (25,4%) и рабочих (38,6% среди квалифицированных и 35,2% среди неквалифицированных). Кроме этого, готовность к переезду чаще проявляли те, кто не держится за имеющееся рабочее место, чем те, кто тревожится о его возможной потере.

Определенное влияние на стремление к переезду оказывают представления россиян о своем будущем (χ^2 , $p < 0,01$). Больше всего желающих переехать было среди тех, кто смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом (47,2%), меньше всего — среди тех, кто воспринимает его спокойно, без особенных надежд и тревог (35,2%). Среди видящих свое будущее в негативном свете зафиксированы средние значения предрасположенности к миграции: 40,2% для ответа «с тревогой и неуверенностью» и 44,2% для ответа «со страхом и отчаянием».

Полученные результаты можно связать в целом с желанием перемен в жизни и готовностью к ним, одним из факторов которого является оценка актуальных условий жизни. Так, среди тех, кто в меньшей степени удовлетворен различными сторонами своей жизни, больше желающих сменить место жительства — это касается материального положения и взаимоотношений с родственниками и супругами. Наибольшее влияние среди данных факторов оказывает удовлетворенность отношениями с детьми и внуками. Обратное влияние оказывает удовлетворенность самим собой и своим здоровьем (см. табл. 3).

Готовность к переезду напрямую связана с оценками собственной работоспособности и степенью социальной активности (χ^2 , $p < 0,01$). Доля желающих переехать снижается от 45,3% для тех, кто считает, что проявляет высокую работоспособность, до 31,7% для ответивших «я быстро устаю» и 28,3% для ответа «я настолько устал, что ничего не могу делать».

В проведенном исследовании была определена направленность локуса контроля респондентов. При соотнесении данного показателя с предрасположенностью к миграции среди опрошенных с внутренним локусом контроля доля желающих переехать оказалась несколько больше, чем среди тех, у кого локус контроля внешний, однако эти различия были статистически незначимы.

Для уточнения параметров предрасположенности к миграции был проведен кластерный анализ методом К-средних, в ходе которого респонденты были разделены на 4 группы в зависимости от их отношения к различным причинам переезда (см. табл. 4). Представители первой из выделенных групп, составившей 29,3%, в качестве единственной причины, по которой они всегда готовы переехать, отметили обеспечение будущего детей. Если вынудят обстоятельства, респонденты, вошедшие в данную группу, также готовы переехать для улучшения благосостояния, жилищных условий, и чтобы найти работу. Ради повышения образования и духовных возможностей, карьерно-

го роста, изменения семейного положения переезжать представители данной группы не готовы. Наиболее объемная возрастная категория в этой группе — респонденты от 30 до 49 лет.

Для представителей второй группы (20,4% выборки) значимыми причинами для переезда, помимо обеспечения будущего детей, являются улучшение благосостояния и жилищных условий. Все остальные цели, доступные для выбора, также отмечались ими как возможные причины переезда в случае, если на это вынудят обстоятельства. В данной группе больше, чем в целом по выборке, людей от 15 до 29 лет и меньше людей от 50 до 75 лет. В этой группе больше, чем в других, доля тех, для кого работа важнее, чем семья.

Респонденты, вошедшие в третью группу (14,4% выборки), всегда готовы переехать ради еще большего количества целей. Среди них, как и во второй группе, обеспечение будущего детей, улучшение благосостояния и жилищных условий. Кроме этого, в число первоочередных целей были включены поиск работы и карьерный рост. Единственная из предложенных причин переезда, в которой представители данной группы не видят смысла, — напряженные межэтнические отношения. В этой группе большую часть составляют респонденты от 15 до 29 лет и практически отсутствуют люди старше 50 лет.

В четвертую группу (35,9% выборки) вошли респонденты, не видящие смысла ни в одной из перечисленных причин переезда. Больше половины этой группы составляют люди старше 50 лет. Также в данной группе респонденты ниже всего оценивают уровень своего материального достатка.

Для определения степени влияния различных факторов на предрасположенность к миграции был проведен регрессионный анализ, независимыми переменными при котором выступили возраст, тип поселения, оценка собственного материального положения и работоспособности, удовлетворенность отношениями с родственниками, самим собой и своим здоровьем, сфера профессиональной деятельности. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 5. В целом перечисленные факторы объясняют дисперсию зависимой переменной на 12%. Наибольшее влияние на предрасположенность к миграции в построенной модели оказали возраст ($\beta=0,267$, $p<0,01$) и удовлетворенность супружескими взаимоотношениями ($\beta= -0,112$, $p<0,05$). Определенное влияние оказала также удовлетворенность отношениями с детьми и внуками и поддержкой семьи в целом. Отрицательные значения данных коэффициентов говорят о том, что желание переехать чаще возникает у респондентов, недовольных своей семьей.

Основные выводы исследования

Полученные в ходе эмпирического исследования данные говорят о достаточно высоком уровне предрасположенности к миграции среди россиян, который не реализуется в полной мере из-за недостаточно высокого материального положения, что подтверждает заключение С. М. Гуриева о «ловушках бедности», ограничивающих возможность переезда в более благополучные регионы [29]. Большая часть россиян стремится к переезду на небольшие расстояния — в пределах своего населенного пункта или региона. Основные причины переезда связаны с желанием повысить уровень жизни. Таким образом, природно-климатические, этнические и политические факторы миграции для россиян имеют меньшее значение, чем социально-экономические.

Проведенное исследование позволило выделить несколько групп факторов предрасположенности россиян к миграции:

1. Возраст. Возможность переехать наиболее привлекательна для молодежи, наименее — для старшего поколения.

2. Материальное положение. Чаще стремятся к переезду, с одной стороны, люди с более высоким уровнем доходов, а с другой стороны, те, кто в меньшей степени доволен уровнем своего благосостояния.

3. Состав семьи и взаимоотношения с родственниками. Менее склонны к миграции люди, имеющие детей, поддерживающие хорошие отношения с семьей и довольные ими.

4. Сфера профессиональной деятельности и занимаемая должность. Стремление к переезду чаще встречалось среди работающих в сферах, где смена места жительства не вызывает проблем с поиском работы или сама по себе подразумевает частые командировки. Также предрасположенность к миграции более распространена среди специалистов с высшим образованием, имеющих перспективы карьерного роста, и менее — среди руководителей высшего звена, довольных занимаемой позицией, и низкоквалифицированных рабочих, менее востребованных на рынке труда.

5. Оценки своего здоровья, работоспособности, удовлетворенность самим собой. Хорошее здоровье, высокий уровень активности и уверенность в себе повышают готовность к смене места жительства.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотите сменить свое место жительства, то куда планируете переехать?», % по строкам

Не хочу переезжать, буду жить там, где живу	59,1
Хотелось бы, но нет денег на переезд	18,1
Планирую сменить место жительства в пределах своего города	7,7
Планирую переехать в другой город/село края, области	5,0
Планирую переехать в другой регион России	2,3
Планирую переехать в другую страну	1,9
Еще не знаю, куда именно, но куда-нибудь уеду	5,0
Другое	,8

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «По каким причинам Вы могли бы сменить место жительства?», % по строкам

	Да, всегда готов	Только если вынудят обстоятельства	Нет, не вижу в этом смысла
Для обеспечения будущего детей	47,6	23,9	28,5
Для улучшения благосостояния	43,1	24,4	32,5
Для улучшения жилищных условий	39,9	22,6	37,5
Чтобы найти работу	22,6	29,9	47,5
Для служебного/карьерного роста	20,0	23,4	56,6
Для изменения семейного положения (выйти замуж, жениться и т. д.)	17,3	20,8	61,9
Вследствие опасной криминогенной обстановки	16,8	33,1	50,1
Ради путешествий, чтобы посмотреть другие города, регионы	15,8	17,0	67,2
Из-за экологических, климатических условий	15,5	33,7	50,7
Для повышения своего образовательного уровня	13,4	25,0	61,6
Для расширения культурных, духовных возможностей	10,1	19,8	70,0
Для улучшения медицинского обслуживания	9,8	26,0	64,2
Вследствие напряженных межэтнических отношений	6,2	24,7	69,1

Таблица 3

**Распределение долей респондентов, желающих переехать,
в зависимости от удовлетворенности различными
сторонами жизни, %**

Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены...	Полностью удовлетворены	Частично удовлетворены	Не удовлетворены
Своим материальным положением в настоящее время	35,3	40,4	42,4
Поддержкой семьи	39,8	39,1	49,9
Взаимоотношениями с родителями	42,2	43,1	45,9
Взаимоотношениями с детьми	36,9	37,8	48,8
Взаимоотношениями с внуками	29,7	32,1	47,9
Супружескими взаимоотношениями	36,6	39,3	45,6
Своим здоровьем	44,8	42,6	35,4
Самим собой	43,8	40,6	38,1

Таблица 4

**Конечные центры кластеров, группировка по вопросу
«По каким причинам Вы могли бы сменить место жительства?»
(1 — «да, всегда готов», 2 — «только если вынудят
обстоятельства», 3 — «нет, не вижу в этом смысла»)**

	Номер группы наблюдений			
	1	2	3	4
Для обеспечения будущего детей	1	1	1	3
Для улучшения благосостояния	2	1	1	3
Для улучшения жилищных условий	2	1	1	3
Чтобы найти работу	2	2	1	3
Для служебного/карьерного роста	3	2	1	3
Для изменения семейного положения (выйти замуж, жениться и т.д.)	3	2	2	3
Вследствие опасной криминогенной обстановки	2	2	2	3
Ради путешествий, чтобы посмотреть другие города, регионы	3	2	2	3
Из-за экологических, климатических условий	2	2	2	3
Для повышения своего образовательного уровня	3	2	2	3
Для расширения культурных, духовных возможностей	3	2	2	3
Для улучшения медицинского обслуживания	3	2	2	3
Вследствие напряженных межэтнических отношений	3	2	3	3

Таблица 5

**Регрессионные модели предикции предрасположенности
к миграции**

Предикторы	Стандартизированные коэффициенты (β) финальной модели
Возраст	0,267**
Тип поселения	-0,046
Материальное положение	0,029
Сфера профессиональной деятельности	0,072
Удовлетворенность поддержкой семьи	-0,060
Удовлетворенность взаимоотношениями с родителями	-0,010
Удовлетворенность взаимоотношениями с детьми	-0,054
Удовлетворенность взаимоотношениями с внуками	-0,082
Удовлетворенность супружескими взаимоотношениями	-0,112*
Удовлетворенность самим собой	0,065
Состояние здоровья	0,021
Степень работоспособности	0,001
Итоговый R ² (%)	12,0

*p<0,05, **p<0,01

Библиографический список

1. Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/.

2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm.

3. Зубова Э. Р., Казакбаев Р. Х. Миграционная привлекательность российских регионов как один из факторов социального воспроизводства человеческого капитала // Российское предпринимательство. — 2011. — № 6–1 (185). — С. 44–48.

4. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Внутренняя миграция и российский рынок труда // Миграция и рынок труда. Аналитический доклад. — М., 2014. — С. 21–56.
5. Эмиграционные настроения-2016: против течения // ВЦИОМ, 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115921>.
6. Таскаева С. В. Факторы, определяющие миграцию населения // Вестник ЧитГУ. — 2007. — № 3 (44). — С. 174–179.
7. Piessse M. Factors Influencing Migration and Population Movements // Future Directions, 2014. — URL: <http://www.futuredirections.org.au/publication/factors-influencing-migration-and-population-movements>.
8. Шевчук А. Ю. Миграционные процессы в современном мире: причины, виды и последствия // Scientific researches and their practical application. Modern state and ways of development 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer28/107.pdf>.
9. Omelchenko, D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. — 2015. — Т. 11. — № 6. — С. 27–36.
10. Аракчеева О. А. Факторы миграционной привлекательности Нижегородской области // Вестник ВГУ. Серия: География, геоэкология. — 2008. — № 1. — С. 37–42.
11. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. — Vol. 48. — No. 2. — June, 1885. — Pp. 167–235.
12. King R. Theories and Typologies of Migration: an Overview and a Primer // Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. 3/12. Service Point Holmbergs, 2013. — P. 13.
13. Park R. E. Race and Culture. — Glencoe, 1950.
14. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1993. — Pp. 74–96.
15. Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration, International migration review. — 1997. — 31(4). — Pp. 826–874.
16. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. — 1966. — Vol. 3. — No. 1. — Pp. 47–57.
17. Абыкаликов С. И., Винник М. В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. — 2012. — № 12. — С. 1–19.
18. Migration as a Development Challenge: Analysis of Root Causes and Policy Implications // UNESCO, 2017.

19. Kobzar S., Hellgren T., Hoorens S., Khodyakov D., Yaqub O. *Evolving Patterns and Impacts of Migration // Global Societal Trends to 2030. Thematic Report 4.* — 2015.

20. FAO. *Addressing the root causes of migration and harnessing its potential for development 2016.* — Rome, 2016.

21. UNICEF. *Migration and Youth: Challenges and Opportunities /* edited by J. Cortina, P. Taran & A. Raphael on behalf of the Global Migration Group. — 2014.

22. Piore M. *Birds of passage. Migrant labour and industrial societies.* — New York, 1979.

23. Wallerstein I. *The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's.* — San Diego, 1989.

24. Sassen S. *Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // Annals of the American Academy of Political and Social Science.* — 2000. — № 570. — Pp. 65–77.

25. Massey D. *A Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration.* — 2002. — № 10. — Pp. 143–153.

26. De Haas H., *The migration and development pendulum: a critical view on research and policy // International Migration.* — 2012. — 50(3). — Pp. 8–25.

27. King R., Lulle A. *Research on Migration: Facing Realities and Maximising Opportunities // Policy Review. European Commission, 2016.*

28. *Российский статистический ежегодник. 2016 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс].* — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

29. Гуриев С. М. *Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики.* — М., 2010. — С. 245.

С. В. Миронова, Н. С. Тимченко (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ВЫСШЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЕ

Перед современным российским образованием поставлена задача увеличения количества потенциальных потребителей образовательных услуг — будущих студентов — из дальнего и ближнего зарубежья. В частности, в Послании Президента РФ Федеральному собра-

нию сказано о необходимости «значительно нарастить экспорт качественных образовательных услуг, создать условия для получения образования в российских вузах для иностранных граждан и наших соотечественников, прежде всего из государств СНГ. Это очень серьезный инструмент укрепления культурного, интеллектуального влияния России в мире» [1]. О высокой значимости экспорта образования свидетельствует включение доли иностранных студентов в число индикаторов рейтингов высших учебных заведений. Кроме того, разработана «Концепция экспорта образовательных услуг РФ на период 2011–2020 гг.», на основе которой будет создана стратегия экспорта образовательных услуг в РФ.

Конкуренция российских вузов за иностранных студентов обусловлена многими причинами (экономическими, политическими, социокультурными). Высшая школа поставленную задачу решает двумя путями, каждый из которых имеет свои механизмы реализации. Первый путь — реализация межгосударственных и межправительственных соглашений по подготовке квалифицированных кадров. В этом случае обучение финансируется за счет средств федерального бюджета РФ. Иностранные граждане направляются на учебу и затем трудоустраиваются исходя из приоритетов иностранного партнера.

Второй путь — усиление работы вуза по привлечению иностранных граждан, обучающихся на условиях полной компенсации затрат либо на основе прямых договоров учебного заведения с физическими или юридическими лицами [2].

Высшая медицинская школа, как и все высшее образование в современной России, включена в процесс экспорта образовательных услуг. Традиционная престижность медицинской профессии в мире объясняет востребованность медицинских образовательных программ со стороны иностранных студентов. Усиление этого интереса возрастает в условиях финансового кризиса, делающего медицинское образование в России привлекательным по критерию «стоимость — качество». Национальная высшая медицинская школа имеет устоявшиеся традиции и признанный авторитет в мире, опыт обучения иностранных студентов медицинской профессии в центральных вузах страны (например, РУДН). В настоящее время периферийные медицинские вузы также активно включились в обучение иностранных студентов.

Понятие экспорта образовательных услуг рассматривается только с экономических позиций. На периферии научного и управленческого интереса остаются последствия появления новых субъектов образовательного пространства. Дополнительные источники финанси-

рования, безусловно, важны для развития вузов в современных экономических условиях. Однако не стоит забывать, что понятие «экспорт образовательных услуг» включает в себя не только экономическое, но и социальное содержание, а именно — социокультурную адаптацию иностранных студентов в России.

Необходимо не только приспособление иностранных студентов к процессу обучения в инакультурном вузе, но и создание условий для их широкой социокультурной адаптации. Иностранным студентам кроме адаптации к новым социокультурным реалиям, таким как социальная роль студента, организационные особенности вузовской среды и присущие ей ценностно-нормативные характеристики, социально-психологический климат в учебном коллективе, необходимо войти и освоиться в ином культурном пространстве. Ценности иностранных студентов во многом не совпадают с ценностями российской культуры, в связи с чем возникает необходимость освоения нового социокультурного контекста. Межкультурный барьер связан с нетолерантным отношением некоторой части российского общества к иностранным гражданам.

Другим барьером, препятствующим успешной социокультурной адаптации и освоению образовательной программы иностранными студентами, является недостаточное знание русского языка. Кроме того, отсутствие мотивации к интегрированию в российскую культуру является еще одним барьером. Не все студенты, приехавшие на обучение, рассматривают Россию как привлекательную страну в плане дальнейшего трудоустройства [3].

Проведенный социологический опрос 306 студентов-иностранцев, обучающихся в Алтайском государственном медицинском университете, позволил сформировать представление об их установках и социальных ожиданиях, выявить проблемы процесса адаптации к учебе в инакультурном вузе. На основании результатов проведенного опроса можно говорить о том, что:

- весомым мотивом выбора вуза явилось желание получить качественное образование;
- для студентов из Таджикистана при выборе вуза важно наличие своей диаспоры в городе. Образовательная миграция дополняет трудовую миграцию и связана с успешной инкультурацией ее участников;
- студенты из Казахстана в основной массе не готовы уезжать обратно после окончания вуза. Для этих студентов и их родителей обучение в российском вузе рассматривается как вариант последующего переезда в Россию.

Полученные результаты вновь заставляют осознать, что в медицинскую профессию через несколько лет придут врачи со своей особой культурной идентичностью. Перспективы экспорта образовательных услуг вообще и в высшей медицинской школе в частности зависят от учета того, что адаптацию следует рассматривать не только как приспособление к образовательному процессу, а как вхождение в социокультурное пространство российского общества. Только при таком ее понимании возможно в полной мере сделать экспорт образовательных услуг серьезным инструментом укрепления культурного, интеллектуального влияния России в мире.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.kremlin.ru/news/19825/>.
2. Казарин Б. В., Кобелева Е. Е. Экспорт образовательных услуг и предпочтения иностранных учащихся медицинского вуза // Современные наукоемкие технологии. — 2010. — № 7. — С. 300–304.
3. Варламова Н. В. Проблемы и перспективы развития экспорта образовательных услуг в Дальневосточном регионе // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2011. — № 3. — С. 237–241.

А. В. Мотина (Барнаул)

СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ ПРОФЕССИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере вузов г. Барнаула)

Научный руководитель — Е. А. Попов

Актуальность исследования профессиональных стереотипов на сегодняшний день в социологической науке невероятно высока. Стереотипы являются одним из конституирующих аспектов существования современного социума, под которыми принято понимать создаваемые культурой образы людей из других групп, призванные объяснить их поведение и дать им оценку [1, с. 56]. Профессиональные стереотипы являются лишь одним из множества видов стереотипов социальных. Их основная цель заключается в упрощении образа представителя той или иной профессии, придании свойственных ему черт характера, особенностей поведения, межличностной коммуникации.

Данный упрощенный образ служит определенным маяком, ориентируясь на который человек выстраивает свою линию взаимодействия с представителем той или иной профессии.

Особенностью современного российского общества является сравнительно низкая правовая культура [2, с. 103]. Отсутствие некоторых базовых знаний у населения в данной области дает отличное поле для распространения различного рода социальных стереотипов, в том числе и о представителях профессиональных сообществ, действующих в данной сфере. Особенно актуально в современном трансформирующемся обществе отследить соответствие существующего в обществе профессионального стереотипа и реального его присутствия у представителей данной профессии. Несоответствие двух данных категорий может привести к обострению социальных противоречий, росту напряженности между представителями различных профессиональных сообществ, появлению недоверия и разочарования относительно представителей определенных профессий. В рамках данного исследования нами были изучены и сопоставлены стереотипизированные образы полицейского в восприятии всего студенческого сообщества в целом и студентов, проходящих обучение в БЮИ МВД России и получающих данную профессию.

В глазах студенческой молодежи Барнаула стереотипизированный образ представителя полиции выглядит так: это мужская профессия, связанная преимущественно со зрелым возрастом, скорее высоко оплачиваемая и имеющая средний престиж. Наиболее распространены следующие поведенческие и личностные стереотипы о данной профессии: полицейские уверены в себе, принципиальны, грубы и агрессивны, они берут взятки, всегда окажут помощь окружающим, в полиции распространена схема хороший/плохой полицейский при допросе.

Стереотипизированный образ полицейского в глазах студентов БЮИ МВД России отличается от вышеописанного. По их мнению, эта профессия является мужской, связанной преимущественно с молодым и зрелым возрастом, имеющей скорее высокую оплату труда и скорее высокий престиж. В среде будущих полицейских наиболее распространены следующие личностные и поведенческие стереотипы: представители полиции принципиальны, уверены в себе, смелы и храбры, полицейские всегда окажут помощь окружающим, они часто используют ненормативную лексику, профессия полицейского романтична.

Среди несовпадений наиболее разделяемых личностных и поведенческих стереотипов данных двух групп присутствуют как ней-

тральные, не несущие опасности для общества, так и содержащие в себе угрозу социальной напряженности. К первой группе относятся предубеждения относительно схемы плохой/хороший полицейский, разделяемой студенчеством, и употребление ненормативной лексики, разделяемое студентами БЮИ МВД России. Несовпадение по этим двум стереотипам объясняется спецификой работы полицейского, с которой студенты, получающие данную специальность, более знакомы и соответственно могут дать ей более объективную оценку. Стоит отметить, что стереотип о ненормативной лексике мог бы нести в себе риск для межличностной коммуникации, однако в ходе проведенной в рамках исследования фокус-группы выяснилось, что большинство не видят в ней социальной угрозы. Данная лексика не употребляется полицейскими в ходе общения с гражданским населением во время исполнения должностных обязанностей, а лишь в межличностной коммуникации между сотрудниками силовых служб.

Опасность нарастания социальной напряженности несет распространенный у студенчества стереотип о том, что полицейские берут взятки. Особенностью данного стереотипа является то, что он несет в себе большую долю объективности. Действительно, степень распространения коррупции в данной сфере довольно высока [3, с. 61]. Для преодоления социальной напряженности в данном контексте необходимо не изменять стереотип, а корректировать социальную реальность путем истребления данного феномена в органах внутренних дел.

Стоит отметить распространение стереотипа о храбрости и смелости полицейских среди студентов БЮИ МВД России и его отсутствие в стереотипизированном образе, созданном студенчеством в целом. Отчасти это может быть связано с несколько завышенной оценкой своей профессии представителями полиции. Как отмечает Б. К. Кали, данная тенденция характерна для всех представителей силовых структур [4, с. 52]. Они склонны идеализировать образ своей профессии, наделять его исключительно положительными характеристиками и в целом ставить ее на несколько уровней выше в социальной иерархии. Результаты проведенного исследования подтверждают данную идею, так как стереотипизированный образ полицейского у студентов, получающих данную профессию, в большинстве случаев наполнен положительными стереотипами и степень престижности оценивается выше, нежели у студенчества в целом.

Социальный риск несет в себе стереотип относительно агрессивности и грубости полицейских, поддерживаемый большинством сту-

денчества и не разделяемый будущими полицейскими. Наличие данного стереотипа связано со спецификой работы, в ходе которой временами представителям полиции необходимо использовать данные качества. Однако его активная распространенность среди населения дает почву для напряженности между полицейскими и гражданским населением. По результатам исследований, проведенных А. И. Дубняковой, большинство населения не чувствует себя защищенными в присутствии полицейских, наоборот, у людей возрастает чувство дискомфорта и напряженности [5, с. 20]. В данном контексте распространение этого стереотипа негативно сказывается на ситуации в целом.

Изменить соотношение реальности и стереотипа можно путем коррекции одного из них в сторону объективности. По мнению большинства ученых, разрушить существующий стереотип или создать новый почти невозможно, однако существуют механизмы по их трансформации и дополнению их содержания, которые следует использовать в случае расхождения стереотипа и реальности. Основными источниками информации для изменения содержания предубеждения служат личный опыт индивида, его социальное окружение и средства массовой информации. Проведенное нами исследование показывает, что для современной студенческой молодежи наибольшее влияние на трансформацию стереотипа оказывают первые два источника, эти данные подтверждают и другие исследователи [6, с. 20]. Именно на них стоит опираться при трансформации информационного поля стереотипа. Однако исключать СМИ из данного процесса не стоит, так как, по мнению некоторых ученых, они несут долю манипулятивного компонента, который может оказывать большое влияние, но не осознаваться людьми [7, с. 136].

Таким образом, стереотипизированные образы профессии полицейского в глазах студенческого сообщества в целом и той его части, которая получает данную специальность, имеют некоторые расхождения. Некоторые из них несут в себе угрозу социальной напряженности, которая будет способствовать увеличению дистанции между населением и органами внутренних дел. Для изменения подобных расхождений могут быть использованы различные механизмы трансформации предубеждений, которые основаны на следующих источниках пополнения информационного поля стереотипа: личный опыт, социальное окружение и СМИ. Изменение подобной ситуации может привести к налаживанию социального партнерства между полицией и обществом.

Библиографический список

1. Ядов В. А. К вопросу о теории стереотипизации в социологической науке // *Философские науки*. — 1996. — № 5. — С. 54–69.
2. Завьялов Ю. С. Правовая культура и пути ее изучения // *Государство и Право*. — 2013. — № 10. — С. 103–105.
3. Нисневич Ю. А. Коррупция: инструментальная концептуализация // *Социологические исследования*. — 2016. — № 5. — С. 61–68.
4. Кали Б. К. Психологические особенности имиджа сотрудников полиции МВД России // *Наука и современность*. — 2015. — № 41. — С. 49–53.
5. Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // *Психодиагностика в правоохранительных органах*. — 2013. — № 4 (55). — С. 19–21.
6. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.
7. Воронина С. А. Манипулятивный аспект функционирования средств массовой коммуникации // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей*. — Барнаул, 2013. — Вып. 5. — С. 135–143.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

**КОНФЛИКТЫ ВОДИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО
ТРАНСПОРТА В ГОРОДЕ БАРНАУЛЕ**

Жизнь современного человека, особенно городского, сопровождается многочисленными его перемещениями. Житель мегаполиса постоянно совершает какие-либо поездки — на учебу, по работе, в гости, к местам активного отдыха и т. д. и т. п. За последнее время в крупных городах России произошел значительный рост транспортных потоков, как за счет увеличения общего числа автомобилей граждан и юридических лиц, так и за счет увеличения количества маршрутов общественного транспорта в городах. Нормальное функционирование и развитие любого современного городского социума в немалой степени зависит от стабильной и безопасной работы городского общественного транспорта — особой социотехнической системы, обеспечивающей ежедневную жизнедеятельность его населения [1].

Несмотря на стремительный рост в последние десятилетия количества личного автотранспорта у жителей столицы Алтайского края, по мнению опрошенных нами экспертов, городской общественный транспорт все еще обеспечивает большую долю поездок граждан. Общественный транспорт предоставляет возможность передвигаться по городу гражданам, не имеющим, в силу разных личных и социальных причин, собственных автомобилей. К таким категориям зачастую относятся — студенты, пенсионеры, лица с ограниченными возможностями здоровья и особенностями развития, люди с низким уровнем дохода и многие другие социальные группы городского социума. При отсутствии функционирующей системы городского общественного транспорта многие пожилые люди не смогут посещать учреждения здравоохранения и социального обеспечения, многие рядовые труженики города не смогут добраться до работы. Доступность и качество общественного транспорта во многом определяют качество жизни населения, социальный климат в городском социуме и доверие людей местным органам власти. В долгосрочной перспективе экспертами предлагается именно общественный транспорт сделать главным способом передвижения людей в крупном мегаполисе [2].

Безусловно, сегодня функционирование общественного пассажирского транспорта тесно связано с имеющимися возможностями технической инфраструктуры города. В условиях жесткой рыночной конкуренции в секторе пассажирских перевозок, при создании новых и развитии имеющихся маршрутов общественного транспорта, нужно проводить научную оценку уровня конфликтности транспортных пассажиропотоков в городе на предмет вероятного возникновения конфликтов между водителями автобусов одного или дублирующих маршрутов общественного транспорта на остановочных пунктах; между пассажирами при посадке-высадке в автобусы; между водителями различных транспортных средств и т. п. Конфликты водителей на маршрутах и остановках пагубно сказываются на безопасности перевозки пассажиров, приводят к существенным потерям времени самих перевозчиков, преумножают расходы транспортных компаний по оказанию данных услуг гражданам.

Проблема конфликтов водителей транспортных средств в отечественной социологии конфликта исследована явно недостаточно. Под конфликтами на маршрутах и остановках общественного транспорта города нами понимаются случаи межличностных столкновений водителей автобусов и маршрутных такси между собой (как водителей одной пассажирской компании, так и конкурирующих пере-

возчиков) при движении их транспортных средств по маршруту, напрямую связанных с приоритетным использованием объектов транспортной инфраструктуры города (дорог, участков улично-дорожной сети, остановочных пунктов и др.), пропускная способность которых не допускает их одновременного использования. Поводами для конфликтных ситуаций на маршрутах также являются случаи взаимных обгонов и опережений транспортными средствами друг друга, образования очередей из одновременно прибывающего пассажирского транспорта к остановочным пунктам. Другими словами, появление конфликтов обусловлено эффектом синхронного движения маршрутного пассажирского транспорта по совмещенным участкам и их прибытием на совмещенные остановочные пункты. Например, 2 марта 2017 г. в 17.45 на остановке «Площадь Октября» Барнаула возник конфликт между водителями маршрута № 35 из-за якобы имевшего место нарушения интервала в движении их автобусов одним из них. очевидцы сняли данный инцидент на видео и выложили в сеть Internet. На поселке Докучаево осенью 2017 года перепалка между водителями автобусов закончилась стрельбой из пневматического пистолета. Настоящая драка возникла в результате конфликта между водителями автобуса и джипа на поселке Южном после создания последним аварийной ситуации на дороге.

Количественный рост пассажирского транспорта и числа маршрутов в Барнауле привели к значительной перегрузке маршрутных сетей пассажирского транспорта и, как следствие, к снижению наполняемости автобусов и доходов перевозчиков, к многочисленным пробкам и заторам на дорогах города, снижению скорости движения общественного транспорта и всего транспортного потока, к возникновению многочисленных конфликтных ситуаций на остановках между водителями общественного транспорта дублирующих маршрутов (образование на остановках настоящих очередей из автобусов, остановка и парковка общественного транспорта с нарушениями элементарных требований правил дорожного движения, правил перевозки пассажиров, создание некомфортных условий для нормальной посадки-высадки пассажиров и др.). Необходимо отметить, что такие проблемы являются для Барнаула системными и в настоящее время пока отсутствуют реальные механизмы их решения.

Снижение конфликтных ситуаций на дорогах может быть обеспечено с помощью согласования параметров маршрутов городского пассажирского транспорта с учетом реальной пропускной способности остановочных пунктов Барнаула. Необходимо исследовать социально-психологические факторы, влияющие на возникновение кон-

фликтных ситуаций на маршрутах городского общественного транспорта. Основной предпосылкой возникновения конфликтных ситуаций на остановочных пунктах транспорта Барнаула является, на наш взгляд, запредельная конкуренция между различными перевозчиками, работающими на параллельных маршрутах, появление которых вызвано недостатками в управлении городским пассажирским транспортом. При открытии новых маршрутов муниципальными властями не осуществляется оценка пропускных возможностей города.

На городских маршрутах общественного транспорта нами выявлены две основные формы конкуренции водителей: на общем маршруте и на различных (альтернативных и дублирующих) маршрутах. Появление значительного количества заменяющихся маршрутов пассажирского транспорта в городе произошло в условиях свободной, а по сути, практически неконтролируемой конкуренции, когда для удовлетворения растущего спроса населения на передвижение открывалось большое количество маршрутов разной формы. В период с 2000 г. по 2017 г. количество перевозчиков в сфере общественного транспорта возросло в 5 раз, а общее количество транспорта — в 3 раза. Вдобавок новые перевозчики начали свою работу на уже существующих, то есть фактически дублирующих маршрутах.

Конфликты на остановочных пунктах маршрутных сетей общественного транспорта города чаще возникают при существовании дублирующих маршрутов, наличие которых вызвано непродуктивной конкуренцией перевозчиков и слабым контролем за их деятельностью муниципальных властей. Количество конфликтных ситуаций имеет обратную зависимость от количества интервалов движения маршрутного транспорта через остановочные пункты и от пропускной способности остановочных пунктов [3, с. 25].

Разработанные в современной конфликтологии методы управления конфликтностью социальных субъектов носят прикладной характер и могут быть использованы транспортными компаниями и администрацией города Барнаула при совершенствовании маршрутов городского общественного транспорта [4]. Цель совместных действий ученых и практиков должна заключаться в увеличении эффективности и надежности деятельности общественного транспорта в городском социуме за счет сокращения конфликтных ситуаций водителей в процессе движения транспорта.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование,

творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 224–228.

2. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2012. — С. 101–105.

3. Кажаяев А. А. Вопросы моделирования движения общественного транспорта в муниципальных образованиях // Транспорт. — 2011. — № 3 (30). — С. 24–27.

4. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2014. — С. 130–136.

Е. А. Попов (Барнаул), Л. А. Мукова (София, Болгария)

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ

Сегодня необходимо учитывать тот факт, что граница между социологией права и философией права является очень зыбкой, а поэтому зачастую «исследователи и сами не отдают себе отчета в том, когда они заостряют внимание на проблематике социологии права, а когда погружаются в стихию философского осмысления правовой реальности» [1, с. 776]. Такое положение дел объясняется тем обстоятельством, что и социология права, и философия права отталкиваются от интерпретаций форм правовой реальности, основанных на ценностях. Если в теории права преобладает нормативное осмысление права, то в упомянутых отраслях науки — ценностно-смысловое. Поэтому не представляется возможным провести дифференциацию философии и социологии права по этому основанию — и та, и другая научные дисциплины исследуют широкий круг ценностей, но все же предпочтение отдают именно правовым ценностям. По-видимому, когда речь, к примеру, заходит о доброй совести, то с позиции философии права ее можно, действительно, рассматривать как нравственную основу частноправовых отношений [2, с. 13–18], а в аспекте социологии права — как одно из важнейших условий консолидации общества (добросовестность). Становится очевидным, что междисциплинарность, с одной стороны, способствует стиранию границ ме-

жду науками, с другой стороны, обостряет борьбу между ними за то, чтобы не утратить свой научный статус и полностью не раствориться в другой научной отрасли.

Между философией права и социологией права существует несколько важных аспектов взаимодействия, которые нередко приводят к тому, что одна сфера научного познания замещает другую. Прежде всего это касается объекта исследования: и если право, как известно, остается в зоне пристального внимания юридических наук, то вот правовая реальность, правовая жизнь человека и общества, а также правовые ценности активно исследуются в рамках и философии права, и социологии права. Кроме того, в научном анализе правовой жизни человека о своих приоритетах заявляет антропология права, а правовые ценности рассматриваются и аксиологией права. Как видим, указанным наукам необходимо сохранять свой статус, и в то же время им приходится тесно сотрудничать в пространстве интеграции наук. При этом вопрос о том, какие из указанных научных отраслей ближе всего юриспруденции, а какие отдалены от нее, не стоит так остро, хотя в современном научном дискурсе именно указанной проблеме отводится большое количество статей [3, с. 111–120; 4, с. 43–57]. Но почему же философия права в большей степени привлекательна для социологов?

Философия права — это, по сути, дескрипция правовых учений, концепций, мировоззрения; цель философии права — установить ведущие тенденции и закономерности изменения правовой реальности, оказавшейся под воздействием самых разнообразных факторов бытия: экономики, политики, науки, искусства и других. Сложность «ситуации» философии права состоит в том, что она ближе всего к социальной философии и даже к политической, а следовательно, ее интересы простираются преимущественно в сферу общественных отношений, а вот человек и его правовая жизнь занимают ее в меньшей степени. Это обстоятельство не позволяет философии права в полной мере и открытыми глазами взглянуть на человека и показать метаморфозы правовой реальности не через социальные проблемы, а через проблемы личности, гражданина, человека. Конечно, философия права не должна отдаляться от человека, но, чтобы понять все хитросплетения правовой реальности, она должна подняться над ним и взглянуть далеко за его пределы. Что же касается социологии права, то именно она имеет тот необходимый потенциал, который компенсирует социоцентризм философии права. Несмотря на то, что социология права рассматривает тот или иной предмет исследования в социальном масштабе, она

все же идет по пути от правовых ценностей к нормам и не обходит стороной человека как носителя этих ценностей. И когда, например, философ права рассуждает о правосознании как «разуме» правовой реальности, социолог готов продемонстрировать, как правосознание влияет на формирование законопослушного поведения человека, основанного на правовых ценностях, или, напротив, преступного поведения, когда доминируют антиценности.

На самом деле, философия права дает богатую пищу для других наук, создавая, таким образом, научные приоритеты и для социологии права. Между тем социологи заявляют о необходимости не поддаваться на философские акценты в социальных исследованиях, поскольку это может сказаться на утрате социологией своих позиций. Так, например, отмечается, что исследователь может оказаться в своего рода ловушке — «это не замечаемый самим ученым уход из дисциплинарного поля социологии чаще всего в социальную философию» [5, с. 97]. Социальная философия, действительно, подпитывает социологию идеями и ракурсами осмысления проблем общества. Но если, с точки зрения Г. Д. Гурвича, «философия права предлагает правоведу критерий правовых ценностей, помогая ему достигать конкретные цели через отдельные проявления этих ценностей» [6, с. 574], то для социолога, изучающего право, она служит источником ценностных реконструкций. Социолог должен показать, в каких случаях, допустим, происходит кризис ценностей и к каким возможным последствиям он приводит. Но единство правоведов, философов и социологов в изучении тех или иных явлений правовой реальности можно проиллюстрировать следующим ярким примером: «В Конституции 1993 г. положение о правовом государстве оказалось декларативным. Институционализировавшись конституционно, правовое государство подпало под негативный процесс «окаменения», обусловленный формализованностью» [7, с. 16]. Все в этой фразе совпало так, что соответствует идее междисциплинарного взаимодействия наук, и взгляды юристов, философов и социологов сфокусировались на основном законе государства: конституция — нормативно-правовой акт, правовое государство как ценностно-смысловая система и одновременно социальный и правовой институт.

Итак, в условиях междисциплинарного взаимодействия наук ни одна из областей знаний, изучающих правовую реальность, не может оказаться в изолированном состоянии, так как сам предмет исследования из-за своей сложности и противоречивости нуждается во внимании со стороны различных научных дисциплин. Конечно, философия права здесь выступает как центр формирования научно-

го дискурса, однако сегодня только в тандеме с социологией права возможно более продуктивно анализировать правовую реальность и рассуждать о ней не как об абстракции, а как о форме взаимодействия общества, человека, культуры и государства.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Преимущества социологии права в междисциплинарном исследовании правовой жизни человека и общества // Право и политика. — 2016. — № 6. — С. 774–780.
2. Маштаков К. М. Добрая совесть как нравственная основа частноправовых отношений // Философия права. — 2016. — № 1 (74). — С. 13–18.
3. Бирюков С. В. О структуре социологии права (направления исследований в отечественной науке) // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 111–120.
4. Жуков В. Н. Социология истории государства и права: диалектика антиномий // Государство и право. — 2013. — № 9. — С. 43–57.
5. Романовский Н. В. Еще раз о роли теоретической социологии // Социологические исследования. — 2014. — № 7. — С. 93–101.
6. Гурвич Г. Д. Социология права // Философия и социология права : избр. соч. — СПб., 2004. — С. 565–802.
7. Зеленко Б. И. О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопросы философии. — 2013. — № 10. — С. 13–21.

Н. А. Стерлядева (Барнаул)

КОНФЛИКТЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современных условиях миграция представляет собой сложный многоплановый процесс, который охватывает самые разные области общественной жизни. Миграция оказывает существенное влияние как на жизнь самих мигрантов, так и на демографические, экономические и политические процессы в обществе. Миграционный процесс включает: формирование факторов мобильности (причин миграции); процесс перемещения индивидов; адаптацию мигрантов на новом месте жительства.

Основным мотивом переезда современных мигрантов является желание улучшить свое положение, что непосредственно связано с желанием найти работу. Также в качестве причин переезда можно

рассматривать желание воссоединиться с родственниками, притеснения в своей стране.

Перемещение через границы Российской Федерации соотечественников и граждан стран ближнего и дальнего зарубежья создает существенные трудности для страны, обостряет ситуацию на рынке труда, требует дополнительных расходов на социальные нужды, ведет к потере части научно-технического и интеллектуального потенциала. В этой связи формирование эффективной миграционной политики становится одной из актуальных задач для нашей страны.

Как отмечают О. Д. Воробьева и Л. Л. Рыбаковский, для жизнедеятельности страны важно проведение миграционной политики не только в сфере увеличения численности ее населения, но и в сфере наполнения рынка труда временными, своего рода «заемными» трудовыми ресурсами и т. д. Но в любом случае основа миграционной политики — это целенаправленная деятельность государства для осуществления добровольного переселения населения с одной территории на другую и разработка при этом определенного набора административных и экономических механизмов и инструментов, призванных добиваться поставленных целей. Государственная политика, исходя из роли или места миграционных процессов в демографическом развитии, прежде всего должна быть осознана и сформулирована исходя из национальных интересов страны, на территории которой она реализуется [1, с. 59–60].

Анализ миграционных процессов показывает, что трудовая миграция обеспечивает несомненные преимущества как принимающим рабочую силу странам, так и поставляющим ее. Но при этом она порождает и острые социально-экономические проблемы. Например, миграция трудоспособного населения непосредственно влияет на рынок рабочей силы, сокращая или, наоборот, увеличивая ее предложение. При этом зачастую обостряется конкуренция на рынке труда.

Для Алтайского края важной чертой современных процессов внешней трудовой миграции является преобладание в структуре рабочей силы массовых специальностей. Значительная часть трудовых мигрантов занята на строительных работах, в сельском хозяйстве, транспорте, торговле, то есть на тех рабочих местах, которые отличаются малопривлекательными условиями труда.

Подавляющее большинство трудовых мигрантов в Алтайском крае, в том числе в Барнауле — мужчины. Подобная тенденция наблюдается и в России в целом. Это естественно, так как именно мужчины должны обеспечить достойное существование собственной семьи, что является побуждающим стимулом миграции. Поэтому у ми-

грантов возникают напряженные отношения с местным мужским населением, так как женского общества они ищут у русских женщин.

Конфликт возникает тогда, когда есть разногласия сторон по вопросу предмета конфликта [2, с. 159]. Среди конфликтов трудовых мигрантов можно выделить конфликты со структурами власти, основной причиной которых является правовая безграмотность приезжающих в страну: незнание своих прав и вообще законодательства РФ, плохое знание русского языка. Трудовые конфликты гастарбайтеров чаще всего решают работодатели, сотрудники УВД в меньшей степени сталкиваются с конфликтами трудовых мигрантов. Зачастую иностранным рабочим несвоевременно выплачивается заработная плата или не выплачивается вовсе, существует практика неофициального трудоустройства мигрантов, когда с ними не заключается трудовой договор, иногда работодатели забирают паспорта гастарбайтеров, тем самым загоняя трудовых мигрантов в безвыходное положение. Сотрудники УВД сталкиваются с проявлениями конфликтности мигрантов в тех случаях, когда противоречия проявляются в более острой форме (драки, разборки и т. п.). Как правило, такие столкновения происходят с местными жителями, с коллегами по работе.

Незаконное положение мигрантов делает их реальными конкурентами российских граждан на современном рынке труда. Возникает и обратная связь. Зачастую работодатели пользуются шатким положением трудовых мигрантов, гастарбайтеры проживают в нечеловеческих условиях. Именно отторжение мигрантов принимающим обществом обуславливает рост незаконной миграции. В отношении к ним отсутствует аспект сочувствия, зато в гораздо большей степени им вменяются в вину разного рода социальные и экономические проблемы, от которых страдает местное население. Как правило, местные жители видят в приезде мигрантов что-то отрицательное. Например, в их восприятии присутствует образ мигранта-преступника. Также местные жители недовольны качеством продаваемых мигрантами товаров. Действительно, страна наводнена фальсификатами и просроченными продуктами, но, как и в случае с преступностью, ответственность за это в необоснованно большой мере перекладывается на мигрантов. Принимающее население видит угрозу здоровью со стороны мигрантов, так как большинство мигрантов не проходят медосмотров, имеют минимальный доступ к медицинским услугам, их здоровье подвергается серьезным испытаниям из-за антисанитарных условий проживания и чрезмерной трудовой эксплуатации. Многие из них приезжают из стран с неблагополучной санитарно-эпидемиологической обстановкой. Но эти угрозы несут в большей степе-

ни потенциальный характер. Заслуживает внимания обвинение мигрантов в том, что «они развращают наше население». Это может указывать на источник антикавказских настроений, связанный с поведением самих кавказцев в России, которое часто выглядит вызывающим, нарушает нормы, принятые в российском обществе [3].

Для изменения описанных стереотипов необходимо внедрять программы и проекты по социальной интеграции, устанавливающие доброжелательные взаимоотношения между мигрантами и принимающим сообществом. С этой точки зрения представляет интерес опыт московских ученых по апробации интеграционных практик, призванных способствовать интеграции мигрантов, в частности ослаблению негативных стереотипов [4].

Следует отметить специфические причины конфликтов, связанные с этнической принадлежностью мигрантов. Например, существующие узбекские и таджикские диаспоры (общины) служат действенным фактором адаптации для выходцев из этих стран. Тем не менее общины действуют не во всех городах. Кроме того, даже при их наличии далеко не все мигранты знают об их существовании, особенно в крупных городах. Поэтому вторым значимым фактором адаптации приезжающих в РФ являются мигрантские сети. Явление трудовой миграции настолько широко распространено, что практически в любом селении имеются люди, работающие в настоящий момент или ранее в России. При принятии решения о выезде мигранты опираются на советы и рекомендации людей, имеющих опыт работы в нашей стране, а также родственников и знакомых. Данные неформальные сети играют важную роль в жизни мигрантов в стране пребывания. При их помощи мигранты находят работу, жилье. Тем самым этнические общины, выполняющие роль буфера между приезжими и местным населением, и мигрантские сети, помогающие решать ряд проблем, встающих перед мигрантами, позволяют минимизировать возникновение конфликтных ситуаций.

Таким образом, в целях минимизации конфликтов гастарбайтеров с работодателями необходимо пересматривать существующее законодательство, а также ужесточить наказание работодателей за нарушение действующего. Для снятия остроты конфликтов мигрантов с местным населением необходимо поменять существующие стереотипы в отношении к приезжим. В целом разработка способов минимизации конфликтов и налаживания эффективной адаптации трудовых мигрантов в принимающем обществе заслуживает детального изучения.

Библиографический список

1. Воробьева Л. Л., Рыбаковский Л. Л. Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. — 2017. — № 8. — С. 59–64.
2. Нагайцев В. В. Основные элементы социального конфликта подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2014. — С. 156–160.
3. Мошняга В. Ф. Молдавские строители в России: проблемы интеграции в принимающий социум // Демоскоп. — 2007. — № 7. — С. 98–99.
4. Варшава Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. — 2017. — № 5. — С. 110–117.

О. Л. Сытых, Л. К. Синцова (Барнаул)

МЕСТО И РОЛЬ КУРСА «ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК» В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СОЦИОЛОГОВ

Дисциплину «Философия и методология социальных наук» изучают магистранты первого курса направления «Социология». Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 39.04.01 — Социология, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.03.2015 г. (№ 326) ориентирует на подготовку магистранта к следующим видам деятельности: научно-исследовательской и педагогической профессиональной деятельности; производственно-технологической, практико-ориентированной и прикладной деятельности [1].

Выпускник магистратуры, занимающейся научно-исследовательской деятельностью, должен уметь решать ряд профессиональных задач, подготовка к которым происходит при освоении курса «Философия и методология социальных наук»: освоение и совершенствование теоретических и методологических подходов и исследовательских методов, в том числе методов сбора и анализа социологической информации; самостоятельный выбор, обоснование цели, задач и методов исследования по актуальной проблематике в профессиональной области и их реализация (проведение исследования); прогнозирование изменений объектов профессиональной деятельности на ос-

нове результатов исследований; изучение и критический анализ теории и практики в сфере социологии и иных гуманитарных наук [1].

К решению этих задач магистранта готовят на протяжении всего обучения в магистратуре и при прохождении практик. И дисциплина учебного плана магистрантов «Философия и методология социальных наук» имеет большие возможности для этой подготовки. Программа курса состоит из 2-х частей: 1-я часть — «Философия науки» и 2-я часть — собственно «Методология социальных наук». 1-я часть включает общие вопросы философии науки, такие как специфика научного знания, его структура, особенности современной науки, методология научного исследования (познания). Изучение этих вопросов формирует у магистрантов представление о науке в целом, тенденциях ее развития, о традиционных и современных методах и методологии научного познания.

И здесь важно помнить о первой задаче — освоение и совершенствование теоретических и методологических подходов и исследовательских методов. Магистрант должен на более высоком уровне, чем в бакалавриате, усвоить понятие методологии.

Наиболее важным и сложным вопросом для магистрантов является вопрос о методологии научного исследования. При его изучении, которое целесообразно проводить на лекциях, а закреплять на семинарских занятиях, важно, чтобы магистранты как усвоили теоретические аспекты проблемы, так и получили навыки выбора и формирования методологии собственного исследования. Для этого на лекциях акцентируется внимание на понятии методологии, ее уровнях, на связи методологии, теории и предмета исследования, а также на классификации методов.

Степень овладения этим материалом, его понимание хорошо просматривается на практических (семинарских) занятиях, когда магистранты должны продемонстрировать собственное понимание методологии, проведя четкую линию и связав воедино на этой линии свой предмет исследования, теории, на которые опирается, и методологию. Этот процесс оказывается трудным для магистрантов первого года обучения. Многие из них при выборе методологии опираются на общенаучную методологию, заявляя, что для них самым важным является системный метод и структурно-функциональный подход. Перечисление имен социологов и их теорий часто носит необдуманный характер и никак не увязывается с методологией. Подробный анализ методологии магистерских исследований на двух-трех примерах помогает магистрантам овладеть темой на глубоком уровне — уровне понимания.

Для обучения всегда важно, чтобы обучающийся (в данном случае магистрант) опирался на предшествующие знания. И такие возможности предоставляются при изучении ряда тем как 1-й, так и 2-й части курса «Философия и методология социальных наук». В частности, большие возможности для этого дают темы «Наука как форма духовного производства и социальный институт» (из первой части) и фактически все темы второй части курса («Социальные науки и социальное познание», «Формирование методологии социальных наук», «Диалогичность социального познания» и др.).

Рассмотрим подробнее изучение темы «Наука как форма духовного производства и социальный институт». Магистранты, большинство из которых поступило после бакалавриата, а некоторые из них имеют диплом специалиста, изучали «Философию», многие — «Культурологию», и подавляющее большинство — «Социологию». Таким образом, они имеют знания о духовной и материальной культуре, о духовном производстве и усвоили понятие социального института. При раскрытии этого вопроса следует опираться на все вышеперечисленные знания. Акцент должен быть сделан на специфике данного социального института, на цели и задачах его функционирования. Это позволит как закрепить ранее известный материал, так и усвоить новые знания. Важно показать магистрантам, многие из которых видят свое будущее в науке, как существует этот социальный институт, какова сущность реформ, проводимых сегодня в его структурах (в Академии наук и ее многочисленных подразделениях).

Значимым для решения ряда профессиональных задач и формирования профессиональных компетенций социологов является изучение темы «Общие закономерности развития науки», включающей в себя ряд важных проблем, которые необходимо освоить будущим ученым-социологам. Это проблема интеграции и дифференциации знания. Акцентировать внимание в этом вопросе следует на причинах этих явлений в науке, на открытиях, которые делаются на стыках наук и имеют большие последствия для развития научного знания. Дифференциация знания магистрантам часто представляется как обычный процесс «отпочкования» от единого знания отдельных его областей (сфер) в результате и по причине увеличения его объема. Истинные причины дифференциации знания, лежащие в выделении новой предметной области, требующей и новой методологии, остаются обычно незамеченными и требуют подробного рассмотрения на семинарских занятиях.

В рамках темы «Общие закономерности развития науки» актуальным является и вопрос информатизации и создания научного се-

тевого сообщества, что меняет сегодня облик всех наук, в том числе и социологии. Представление итогов познания, результатов экспериментов, обоснований выдвинутых гипотез, создание электронных баз данных происходит открыто и становится доступным для всех интересующихся в очень короткие сроки. Но при этом не следует преувеличивать возможности информатизации для развития науки. Не ушла в прошлое необходимость и значимость реального общения, требующая «присутствия» ученых рядом, передачи того, что М. Полани назвал «неявным знанием». «...Чтобы обладать искусством познания и действия, — писал он, — недостаточно одних лишь предписаний и указаний, недостаточно также научиться исполнению каких-либо их отдельных фрагментов — необходимо еще приобрести специальный навык эффективной их координации. Последнее связано с тем, что словесно невыразимым может быть и знание отношений между отдельными конкретными деталями, образующими в совокупности целое, даже если все они порознь могут быть эксплицитно определены» [2, с. 130]. Это один момент. Но есть и другой: научные открытия по-прежнему могут носить длительный многоэтапный характер, идя от отрицания идеи, наблюдаемого факта до утверждения и признания в науке. И информатизация здесь мало что может поменить.

Вторая часть курса закрепляет, расширяет и в то же время конкретизирует знания студентов, полученные в 1-й части курса. Вопросы собственно методологии социального познания дают им понимание единства научного знания и специфики предмета, методов и закономерностей и тенденций развития социального познания и социальных наук.

Начало знакомство магистрантов с проблемами второй части курса начинается с выяснения специфики знания в социальных науках. Магистранты должны понять, что длительное время социально-гуманитарным наукам «отказывали в праве на существование», потому что они, как считали ученые XVII–XIX вв., не могли достигнуть ни уровня объективности, ни уровня точности и проверяемости, необходимого для результатов научного познания. Постепенно ситуация изменилась. С одной стороны, в социально-гуманитарных науках стали применяться методы, используемые в точных науках (например, математические в социологии). С другой стороны, в самой методологии социального познания и в науке в целом начинает господствовать точка зрения, согласно которой социально-гуманитарные науки — науки особенные, имеющие свою специфику, и их нельзя сравнивать с естественными науками по принципу «худшие-лучшие», а целесообразно выяснить — в чем именно особенности этих наук.

И вслед за учеными это должны уяснить магистранты. Достижение этой цели связано с формированием четких представлений об объекте социально-гуманитарных наук, включающем в себя общество, его различные сферы и результаты (продукты) духовной деятельности человека (прежде всего тексты, представляющие систему знаков, имеющие определенный смысл).

На практических (семинарских занятиях) у социологов по данной теме следует особо подчеркнуть роль В. Дильтея, М. Вебера, О. Конта и Г. Спенсера в разработке методологии социальных наук, в определении ее специфики. Их подходы ко многим вопросам методологии социальных наук не потеряли своей актуальности. Стоит напомнить магистрантам слова М. Вебера, ярко характеризующие особенности социальных наук, о том, что «Для естественных наук важность и ценность законов прямо пропорциональна степени их общезначимости; для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность» [3, с. 570].

В то же время следует обратить внимание на то, что в современном научном мире часто преувеличивается роль субъективности социально-гуманитарного знания. И в качестве доказательства этой позиции ее «абсолютизаторы» ссылаются на допустимость множественности интерпретаций. Изучение тем «Проблема истинности и правдоподобия в социальных науках», «Диалогичность социального познания» направлено на то, чтобы магистранты разобрались в ряде сложных вопросов, в том числе и в вопросе интерпретации и понимания в социальных науках. Это очень важно, особенно на современном этапе развития социологического знания.

Магистранты, опираясь на полученные в бакалавриате социологические знания, должны вспомнить сущность теоретических проектов П. Рикёра и Хабермаса, обосновавших «необходимость интерпретативных процедур в социологии» [4, с. 42]. Задача для преподавателя магистратуры — показать, в чем различие методов понимания и объяснения в естествознании и социально-гуманитарных науках, как происходит процесс интерпретации полученных в социологии данных, влияющей на понимание и объяснение в науке. Важно, чтобы магистранты осознали, что интерпретация в науке имеет границы и существуют различные виды интерпретации и их определенные правила. Семинарские занятия, на которых можно использовать ролевые игры (предложив магистрантам дать интерпретацию любым социологическим данным), закрепляют понимание места и роли интерпретации в научном познании ученого-гуманитария.

Социолог должен уметь решать ряд профессиональных задач, в том числе уметь проводить интерпретацию «данных социологических исследований, другой эмпирической информации...»

Анализ возможностей курса «Философия и методология социальных наук» для подготовки социологов к научно-исследовательской деятельности можно продолжить, обращаясь практически к каждому вопросу курса. Все они имеют значение для будущего социолога-исследователя, для его работы. Главное, что дает освоение этого курса, — это формирование необходимых для будущей деятельности компетенций. И в их числе можно назвать следующие.

Выпускник, освоившей программу магистратуры, должен обладать:

- 1) «способностью к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1)»,
- 2) способностью и умением самостоятельно использовать знания и навыки по философии социальных наук... (ПК-1).

Движение к профессионализму начинается с качественного образования, являющегося необходимой составляющей постиндустриального общества. А качественное высшее образование предполагает овладение теоретико-методологической основой собственного предмета и, конечно же, знание того, что такое методология социальных наук. На это и направлено изучение курса «Философия и методология социальных наук».

Библиографический список

1. Приказ Министерства науки и образования Российской Федерации № 326 об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 39.04.01 — Социология (уровень магистратуры) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.msses.ru/sveden/document/39.04.01_Sociologiya.pdf].

2. Полани М. Личностное знание. — М., 1985. — 344 с.

3. Вебер М. Объективность в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: Антология. — М., 1995. — С. 557–603.

4. Борисенкова А. Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера) // Социологическое обозрение. — 2007. — Т. 6. — № 2. — С. 39–49.

*М. И. Черепанова, А. А. Горбунова, Д. А. Глухверова,
С. А. Сарыглар (Барнаул)*

МАКРОФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНЗИТНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН СНГ⁵

Транзитная миграция — одно из характерных социальных явлений современного мира. Согласно представлениям З. Баумана, мобильность населения, стала самым мощным индикатором расслоения в мире: это тот фактор, благодаря которому формируются новые глобальные социально-экономические и социокультурные иерархии [1, с. 48–53].

Экономическая комиссия ООН констатирует, что территориальная подвижность в большей степени характеризует потоки мигрирующего населения из стран третьего мира. При этом акцентируется нарушение законов в достижении средств и методов мигрантами своих целей. Таким образом, сущностными характеристиками данного явления часто выступают незаконность и преступность, формирование криминальных способов и практик взаимодействия с социальными институтами.

Согласно данным результатов Европейского социального исследования, еще в 2006 г. подавляющее большинство россиян неоднозначно оценивали роль миграционных процессов в контексте их влияния на национальную безопасность. К главным угрозам эксперты отнесли рост безработицы на местных региональных рынках труда; положительную динамику преступности и противоправного поведения, межнациональную напряженность [2, с. 266–270].

Транзитный характер миграции усиливает факторы риска безопасности на макро- и микро- уровнях; дифференцирует противоречивость отношений стран-доноров и стран-реципиентов. Приводит к значительным структурным трансформациям по возрастному, этническому, религиозному признаку, включая рост теневой экономики. При этом растет напряженность социальной инфраструктуры принимающего общества, усиливая проблемы межэтнических отношений, дифференциацию уровня жизни мигрантов, недостаточную включенность их в местное сообщество и пр.

⁵ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/4.6 (2017–2019)

При анализе данного конгломерата социальных проблем, инициируемых транзитной миграцией, одной из главных задач является исследование базового социального механизма, который бы генерировал и объяснял тенденции данного социального явления.

Концептуальная модель транзитной миграции должна быть ориентирована на управление данного процесса, а значит, на прогнозирование. Модель является механизмом изучаемого социального процесса. По мнению современных исследователей, анализ социальных механизмов позволяет глубоко и системно проанализировать детерминанты, закономерности, результаты и последствия трансформации российского общества [3, с. 32–56; 4, с. 3348–3349].

В данном случае модель должна показывать структуру и содержание миграционного процесса, который, в свою очередь, обуславливает специфическое поведение мигрантов из стран СНГ.

При этом подразумевается, что модель будет описывать специфику взаимодействия дифференциальных факторов, генерируя как качественные, так и количественные показатели транзитной миграции.

С другой стороны, модель социального механизма должна описывать причинно-следственные связи данного явления. Однако важно, что для полного и системного объяснения миграционных трендов недостаточно анализа абстрактных факторов и переменных, сопровождающих данное явление. Необходимо выявить, каким образом описываемые каузальные связи обуславливают миграционные установки, ценности, убеждения, верования. Таким образом, модель миграционного процесса должна быть непосредственно связана с анализом специфики поведения, в частности, мигрантов из стран СНГ.

Представленная нами модель транзитной миграции состоит из двух уровней. Первый, макроуровень, включает анализ причинно-следственных связей возникновения транзитной миграции. Второй — микроуровень анализа будет направлен на изучение когнитивных и эмоциональных, ценностных компонентов миграционного поведения. При этом важно выяснить характер взаимообусловленности первого и второго уровней предложенной нами модели, специфику взаимодействия макро- и микропроцессов миграции.

Необходимым требованием исследования миграционных процессов является констатация ее многоуровневости и многоаспектности. Следовательно, необходима неоклассическая многомерная исследовательская модель такого социального явления, как транзитная миграция.

Базовой целью моделирования миграционных процессов в нашем случае будет являться не только констатация современного состоя-

ния проблемы, но и определение вектора, потенциала направленности наиболее острых социальных моментов, требующих коррекции в контексте национальной безопасности российского общества.

Методология анализа содержательной модели основана на системном концепте совокупности объективных (глобальных) и субъективных (поведенческих) компонентов миграционных трендов, специфики миграционной политики, структур и содержания национальной безопасности страны.

Одним из специфических трендов транзита в Россию по праву считается **географический фактор**, стимулирующий рост территориальной подвижности населения из Азии в Европу.

Данное явление провоцирует рост национальной напряженности за счет невозможности оценить потенциальное число мигрантов. По данным экспертов, численность мигрантов достигает от 50 тыс. человек до нескольких миллионов в год.

Значимым фактором транзитного движения продолжает оставаться **высокий уровень репатриации на историческую родину выходцев из стран СНГ**. По данным экспертов, максимальный прирост составил за 1991–2007 гг. 5,8 млн человек. Характеристика этнического состава свидетельствует в основном о возвратной миграции.

Кризисность социально-экономического положения, рост этнополитических и религиозных конфликтов, этнократии в странах СНГ стимулировали массовый поток мигрантов в РФ. Кроме того, это привело к локализации диаспорного расселения мигрантов.

Другими важными макрофакторами, связанными с миграцией и формированием миграционного поведения, являются **концептуальные особенности региональной миграционной политики** принимающей страны, механизмы ее реальной деятельности.

Все более детерминирующим транзитную миграцию является **функционирование этнических диаспор и других форм их национально-культурных объединений** принимающей страны и принимающего общества.

Особый интерес в последние годы связан с исследованием роли классической и трансформирующейся современной диаспоры в эффективности процессов адаптации и социализации мигрирующего населения, анализом трансформации **социокультурных особенностей**.

Одним из базовых является феномен **территориальной подвижности населения**, его стремительный рост во всем мире. По мнению отечественных исследователей, она включает совокупные характеристики межпоселенного перемещения любого вида,

совокупность различных форм миграции, их взаимосвязанность и взаимозаменяемость.

В исследовании миграционной мобильности населения актуализируется система политических, экономических, социальных детерминант, которые определяют специфику миграционной политики.

С другой стороны, инициируется появление новых вызовов и угроз, которые повышают уязвимость социальной безопасности в современном российском обществе.

Анализ **экономической составляющей** транзитной миграции связан с прогнозом изменения численности населения, дифференциацией его качества, социального капитала.

Политический фактор миграции включает характер пересечения границ, стимулируя внутреннюю миграцию, а также пересечение границ, характерное для транзитной, международной миграции. Кроме того, к данному фактору можно отнести деятельность государства в области миграции. Например, стратегию, контроль, критерии территориальных движений мигрантов. Специфика получения гражданства, эффективность политических инструментов в миграции.

Кроме того, политический фактор рассматривает включенность институтов гражданского общества в данный процесс, таких как партии, негосударственные, общественные объединения, группы.

Правовой фактор связан с определением статусов, законностью миграции. В современных реалиях является одним из решающих, определяя маршруты и специфику транзитной миграции, которая в то же время характеризуется исторически обусловленными подходами.

Правовая нормативность определяется спецификой целей государственной политики, действенностью норм в реализации международного и российского правообеспечения. Вместе с тем решающую роль играют особенности политических отношений стран миграции.

Финансовый фактор определяется объемом денежных переводов, совершенных мигрантами.

Согласно официальным данным, финансовый поток, инициируемый мигрантами с постсоветского пространства, в последнее десятилетие вырос более чем в 3 раза (со 132 млрд долл. США в 2000 г. до 440 в 2010 г.). В связи с этим финансовое положение многих стран не в последнюю очередь зависит от денежных переводов, отправленных трудовыми мигрантами (в 2012 г. объем переводов эмигрантов из Таджикистана на родину равнялся 47% ВВП, Либерии — 31, Киргизии — 29, Лесото — 26, Молдовы — 23%).

Библиографический список

1. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2015. — 462 с.
2. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2015. — 462 с.
3. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов Междун. науч. конф. — Барнаул, 2015. — 274 с.
4. Черепанова М. И., Сарыглар С. А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае-2015 : сборник материалов Междун. научно-практ. конф. — Барнаул, 2015. — С. 3348–3349.

Раздел III

**ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ
СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ**

*И. В. Антонович, К. А. Великжанина, Ю. А. Калинина,
О. Н. Колесникова, Т. А. Мазайлова, Т. В. Сиротина, С. Г. Чудова,
Т. В. Чуканова (Барнаул)*

ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В связи с социально-экономическими изменениями в современном обществе возникла потребность в инициативных, социально зрелых, деятельных людях, обладающих активной мыслительной деятельностью, критичностью мышления, которые могли бы быстро приспосабливаться к меняющимся трудовым условиям, выполнять работу с оптимальными энергозатратами. В этой связи на образование возлагается функция, которая бы способствовала развитию качеств личности, позволяющих самостоятельно не только увидеть проблему, но и сформулировать задачу и решить ее, была бы ориентирована на саморазвитие, самообразование, самореализацию.

В XXI в. пассивные методы обучения, когда преподаватель дает знания, а обучающийся их воспринимает, становятся менее актуальными. Существуют проблемы, связанные с инертностью системы образования и ее неспособностью трансформироваться в соответствии с быстро меняющимися технологиями. Наряду с этим часто присутствует низкая мотивация обучающегося при усвоении знаний, неспособность к практической деятельности. Объем учебного материала постоянно возрастает и обновляется, что требует применения новых интерактивных и инновационных методов обучения. Студент должен приобрести навыки самостоятельного получения и усвоения знаний, чтобы иметь в течение всей жизни возможность повышения профессиональной компетенции [1, с. 77–78].

Для реализации этой задачи необходимо внедрение в учебный процесс новых образовательных технологий и методов. Одной из таких технологий, раскрывающей творческие, конструкторские умения студента, является проектное обучение. Проектное обучение помогает сформировать так называемый проектировочный стиль мышления, который соединяет в единую систему теоретические и практические составляющие деятельности человека, позволяет раскрыть, развить, реализовать творческий потенциал личности. Цель проектно-

го обучения состоит в том, чтобы создать условия, при которых учащиеся: самостоятельно и охотно приобретают недостающие знания из разных источников; учатся пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач; приобретают коммуникативные умения, работая в различных группах; развивают у себя исследовательские умения (умения выявления проблем, сбора информации, наблюдения, проведения эксперимента, анализа, построения гипотез, обобщения); развивают системное мышление [2, с. 22–25].

Технология проектного обучения рассматривается как компонент системы продуктивного образования, который включает в себя совокупность приемов, позволяющих стимулировать интерес обучающихся к различным проблемам, и через проектную деятельность, предусматривающую решение одной или целого ряда проблем, обеспечивать получение конкретного результата. Метод проектов позволяет гибко организовать учебный процесс и найти индивидуальный подход к каждому, способствует развитию личности студента, дает возможность выбрать более удобный способ усвоения знания и темп выполнения работы. При этом студент становится активным участником процесса познания, а преподаватель выступает в роли организатора общей работы, консультанта, создает условия для проявления инициативы студентов.

Проектное обучение представляет собой целостную педагогическую систему, отличающуюся от традиционной особым типом содержания — проектным содержанием, особым типом активности обучающихся — проектной деятельностью, особым результатом обучения — формированием проектных способностей. Приступая к организации проектного обучения, педагог должен отчетливо представлять как принципы этого обучения в целом, так и его важнейшие особенности на разных этапах профессионально-педагогической деятельности [2, с. 101–105].

Рассмотрим опыт использования проектноориентированного обучения по направлению «социальная работа» в АлтГУ, которое ориентировано на формирование у бакалавров и магистров компетенций в сфере социально-проектной деятельности в соответствии с принятыми ФГОС. Так, у бакалавров должна быть сформирована компетенция *«Способность к осуществлению прогнозирования, проектирования и моделирования социальных процессов и явлений в области социальной работы, экспертной оценке социальных проектов»*, а у магистров, обучающихся по программе «Организация и управление в социальной работе», — *«Способность к разработке и реализации соци-*

альных программ и проектов, направленных на решение актуальных проблем жизнедеятельности индивида, группы и общества», «Способность к экспертно-аналитической деятельности в области социального проектирования».

Формирование данных компетенций происходит permanently в процессе освоения основной образовательной программы. Так, учебными планами предусмотрены следующие дисциплины: «Социальное проектирование и прогнозирование», «Разработка и оценка социальных программ» (уровень бакалавриата); «Моделирование процессов в организации на основе современных информационных технологий», «Фандрейзинг» (уровень магистратуры).

Важно отметить, что метод проектов гармонично интегрирован и в другие дисциплины профессионального цикла. На развитие проектных навыков и умений ориентированы и все виды практик (учебная, производственная, преддипломная), на защите выпускных квалификационных работ (далее — ВКР) презентуются реализованные проекты.

За период с 2015 по 2017 г. более 10 выпускных квалификационных работ были защищены студентами, обучающимися по направлению «Социальная работа», по результатам реализации социальных проектов с их непосредственным участием на всех этапах проекта (обоснование актуальности, формулирование целей, задач, планируемых результатов, подбор оптимальных ресурсов). Это такие работы, как: «Больничная клоунада как инновационная технология психосоциальной работы с часто и длительно болеющими детьми», «Социальная адаптация людей с особыми потребностями в рамках деятельности клуба интегрированного общения», «Досудебное сопровождение как инновационная технология социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями в сельской местности», «Программно-целевое управление арт-терапевтической деятельностью воспитанников детского дома», «Организация социальной работы с молодежью в процессе проектной деятельности», «Организация добровольческой деятельности при формировании толерантности школьников», «Организация межведомственного взаимодействия по развитию медиационных практик в сфере социальной работы» и т. п.

Опыт применения проектного обучения по направлению подготовки «Социальная работа» позволяет утверждать, что необходимо продуманное включение проектного обучения в систему высшего образования. Нельзя превращать проектную деятельность в самоцель, навязывая ее студентам, ее необходимо использовать для совершенствования образовательного процесса, для лучшего усвоения зна-

ний, умений и навыков, развития мотивации в учении, для успешного формирования общей культуры каждого участника. При этом умение адекватно использовать технологию проектного обучения — показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения. В связи с этим проблема формирования проектной деятельности педагогов как новой грани педагогического профессионализма, определяющей качество и эффективность профессионально-педагогической деятельности в условиях системных изменений, является одной из актуальных.

Библиографический список

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие / под ред. Е. С. Полат. — М., 2003. — 272 с.

2. Васильева А. М. Проектное обучение как инновационная педагогическая технология // Современные тенденции развития науки и технологий. — Белгород, 2016. — № 2–7. — С. 22–25.

3. Васильева А. М. Современные подходы в теории и практике проектного обучения // Концепт: научно-метод. электр. журнал. — 2016. — Т. 2. — С. 101–105.

*И. В. Антонович, К. А. Великжанина, Ю. А. Калинина,
О. Н. Колесникова, Т. А. Мазайлова, Т. В. Сиротина,
С. Г. Чудова, Т. В. Чуканова (Барнаул)*

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (по результатам исследования в 2016 г.)

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования в области качества разного рода объектов, в том числе и услуг. Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан» [1], вступившим в силу с 2015 г., предусмотрено проведение независимой оценки качества социальных услуг, оказываемых организациями социального обслуживания населения. Учитывая, что в России социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека, на принципах гуманизма, уважения достоинства личности,

гражданин, получающий социальную услугу, должен быть уверен в ее законности и эффективности. В этой связи независимая оценка качества не только позволяет осуществлять общественный контроль, а также способствует повышению качества социального обслуживания, реализует право гражданина на выбор поставщика социальных услуг.

Инструментом доступности и открытости информации о деятельности государственных организаций социального обслуживания и результатах проведенных независимых оценок качества их деятельности стало создание специального портала — официального сайта bus.gov.ru. Результаты независимой оценки на портале bus.gov.ru формируются по итогам комплексной оценки деятельности организаций социального обслуживания по следующим основным направлениям:

- открытость и доступность информации об организации (исследования о полноте и форме подачи информации на официальных сайтах в сети Интернет, обращения по телефону и в различных сервисах сети Интернет, в организациях на информационных стендах и т. п.);
- комфортность условий и доступность получения социальных услуг, где оценивается, в первую очередь, доступность услуг для маломобильных групп населения (экспертные и потребительские оценки);
- время ожидания в очереди при получении социальной услуги (только для полустационарных типов учреждений социального обслуживания);
- доброжелательность, вежливость и компетентность работников организации (экспертные и потребительские оценки);
- удовлетворенность качеством обслуживания в организации (потребительские оценки, изучение книги отзывов и предложений).

Также могут применяться другие критерии, разработанные непосредственно на уровне экспертов, занимающихся в данном регионе вопросом проведения независимой оценки [2].

Нормативными документами определена периодичность проведения независимой оценки качества деятельности организаций социального обслуживания — не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года.

Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.08.2013 № 391а утверждены Методические рекомендации по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания [3].

Под независимой оценкой в Методических рекомендациях понимается оценка деятельности организаций социального обслуживания в соответствии с критериями и показателями оценки, определенными общественным советом в установленном порядке, а также составление рейтингов качества работы организаций социального обслуживания.

В целом необходимо отметить, что проведение независимой оценки качества социальных услуг — это комплексное, масштабное мероприятие, которое включает в себя создание методологической базы исследования на основе ключевых нормативных документов, тщательную разработку инструментария, подготовку интервьюеров, существенные временные затраты на проведение исследования, на анализ полученных данных и представление результатов. Только комплексная работа в данной форме общественного контроля может быть результативной.

В Алтайском крае организацией процесса независимой оценки занимается Общественный совет, созданный при Министерстве труда и социальной защиты Алтайского края. По решению Общественного совета в 2016 г. оператором по проведению независимой оценки качества деятельности организаций социального обслуживания была определена кафедра социальной работы факультета социологии Алтайского государственного университета.

Независимая оценка качества осуществлялась в три этапа: организационно-подготовительный; сбор первичной информации; анализ и оценка качества работы организаций социального обслуживания.

На организационно-подготовительном этапе:

- осуществлен анализ: нормативно-правовой базы в сфере социального обслуживания, мнений экспертов, представителей получателей социальных услуг, открытых источников информации с целью составления предварительного перечня проблем для изучения;
- проведен анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность организаций социального обслуживания, с целью учета динамики нормативно устанавливаемых значений оцениваемых параметров и уточнения показателей качества работы организаций социального обслуживания;
- разработана и согласована методика проведения исследования (определены методы, осуществлен расчет и обоснование выборочной совокупности, разработан инструментарий сбора первичной информации);
- разработан и согласован график проведения работ.

На этапе сбора первичной информации сформированы итоговые массивы данных, заполнены отчетные формы предоставления информации.

На этапе анализа и оценки качества работы организаций социального обслуживания:

- обработана информация согласно Методическим рекомендациям Министерства труда и социальной защиты РФ;
- сформирован аналитический отчет.

Независимая оценка качества социального обслуживания была проведена в 38 государственных организациях социального обслуживания населения края, из них 19 стационарных учреждений и 19 полустационарных учреждений.

Оценка проводилась в форме:

- экспертной оценки информационного обеспечения организации на портале bus.gov.ru и официальном сайте организации;
- экспертной оценки условий обслуживания и доступности среды непосредственно в самой организации;
- контрольных звонков и контрольных электронных писем в организацию;
- опроса получателей социальных услуг.

Экспертами выступили 59 человек, в опросе приняло участие 329 получателей услуг.

Рассмотрим результаты проведенной оценки качества социального обслуживания по показателям.

Показатели, характеризующие открытость и доступность информации об организации социального обслуживания.

Одной из основных сложностей при оценке показателей, характеризующих открытость и доступность информации об организациях социального обслуживания, стало отсутствие прямого соответствия интернет-страниц организаций социального обслуживания требованиям Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ, Приказа Минфина России от 16.06.2016 № 86н «О внесении изменений в приложения № 1–3 к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 143н «Об утверждении форм отчетов о расходах и численности работников федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, избирательных комиссий муниципальных образований, а также Инструкции о порядке их составления и представления». Экспертам приходилось осуществлять

контекстный поиск, в том числе искать «глубоко» внутри приложенных документов.

При оценке соответствия информации об организации социального обслуживания на ее официальном сайте требованиям Федерального закона № 442-ФЗ выяснилось, что у трети — 31,6% организаций присутствует полное соответствие требованиям федерального закона; 60,5% сайтов организаций продемонстрировали практически полное соответствие; у 5,3% организаций выполнено более половины требований; у 2,6% организаций имеется значительное несоответствие официальных сайтов требованиям федерального закона. 73,7% официальных сайтов организаций социального обслуживания имеют альтернативные версии для слабовидящих людей, 26,3% сайтов — не имеют.

При оценке информации на стендах в организациях социального обслуживания выяснилось, что это слабое место некоторых стационарных организаций: на стендах отсутствует информация о перечне, порядке оказания услуг и особенно о тарифах на услуги. Например, информация о порядке и условиях предоставления услуг, тарифах на услуги находится в отделе кадров, который не является общедоступным местом для размещения такой информации для потребителей услуг.

Получатели услуг высоко оценили доступность информации о работе всех организаций социального обслуживания. В то же время большое число потребителей услуг не смогли оценить такие способы взаимодействия, как телефон и Интернет.

Контрольные звонки и письма в организации социального обслуживания как инструмент исследования доступности социальных услуг осуществлялись в течение месяца. Две организации из 38 не ответили на телефонные звонки. 4 организации из 38 не ответили на электронные письма. В остальных случаях ответы были большей частью результативные.

Показатели, характеризующие комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их получения.

С помощью данной группы показателей оценивались комфортность условий предоставления и доступность получения социальных услуг, в том числе для людей с инвалидностью и других маломобильных групп населения (далее — МГН).

Одно из слабых мест всех организаций социального обслуживания в крае — это доступность для МГН. Среди основных трудностей — недостаток финансовых средств для обеспечения условий беспрепятственного доступа к объектам и услугам для людей с инвалидностью и других групп МГН.

Вместе с тем важно осознание того факта, что обеспечение беспрепятственного доступа — это правовая норма, в связи с чем ссылки на то, что МГН не являются потребителями услуг учреждения, что всегда есть те, кто могут заменить собой условия беспрепятственного доступа (родные, персонал организации), не являются состоятельными.

Оценка соответствия вывески организации требованиям обеспечения доступности для МГН, наличие работающей кнопки вызова персонала для инвалидов и других МГН в случае несоответствия входа в организацию требованиям доступности, покрытий пешеходных дорожек на территории организации выявило преимущественное соответствие требованиям у 60,5% организаций социального обслуживания; соответствие половины критериев у 31,6% организаций; полное несоответствие у 7,9% организаций.

Оценка соответствия входных зон организаций социального обслуживания требованиям беспрепятственного доступа к объектам и услугам выявила, что у 28,9% организаций условия соблюдены, у 50% организаций выполнена половина требований и у 21,1% организаций входные зоны не соответствуют требованиям доступности получения социальных услуг.

Таким образом, очевидно позитивное изменение ситуации в области обеспечения беспрепятственного доступа к объектам и услугам для МГН в организациях социального обслуживания края. В то же время остается нерешенным большое количество проблем.

Так, важно, чтобы антискользящие покрытия для лестниц, входных площадок, пандусов в том случае, если покрытия выносные, при соответствующих погодных условиях были на улице, а не в помещении.

В меньшей степени оказались выполненными условия обеспечения беспрепятственного доступа для МГН в санитарно-гигиенических помещениях.

Только в 13,2% организаций преимущественно соблюдены условия, в половине 52,6%, в трети организаций 34,2% — преимущественно не выполнены условия беспрепятственного доступа для МГН в санитарно-гигиенических помещениях.

Выполнение условий беспрепятственного доступа к объектам и услугам организаций социального обслуживания для МГН позволило бы обеспечить большую степень самообслуживания потребителей услуг с ограниченными возможностями здоровья, в т. ч. детей, а также уменьшить нагрузку на обслуживающий персонал.

В отличие от экспертов получатели социальных услуг высоко оценили комфортность и доступность получения социальных услуг.

На вопрос «Доступны ли условия оказания услуг в учреждении? (Удобно ли расположены различные помещения на территории Центра, удобно ли до них добираться, в т. ч. на костылях, ходунках, колясках, людям с ослабленным зрением, слухом и пр.?)» 95,7% клиентов стационарных учреждений социального обслуживания ответили, что «Да», и только 4,3% — «Нет».

На вопрос «Доступны ли условия оказания услуг в учреждении? (Удобно ли расположены различные помещения на территории Центра, удобно ли до них добираться, в т. ч. на костылях, ходунках, колясках, людям с ослабленным зрением, слухом и пр.?)» 93,3% клиентов полустационарных учреждений социального обслуживания ответили «Да», 6,7% — «Нет».

На вопрос «Можно ли оценить как хорошее благоустройство и содержание помещения организации социального обслуживания, территории, на которой она расположена? (Можно ли считать помещение и территорию интерната хорошими, удобными?)» 98,6% клиентов стационарных учреждений социального обслуживания ответили, что «Да», и только 1,4% — «Нет».

На вопрос «Можно ли оценить как хорошее благоустройство и содержание помещения организации социального обслуживания, территории, на которой она расположена? (Можно ли считать помещение и территорию интерната хорошими, удобными?)» 95,6% клиентов полустационарных учреждений социального обслуживания ответили, что «Да», и только 4,4% — «Нет».

Показатели, характеризующие время ожидания предоставления социальной услуги.

Время ожидания предоставления услуги оценивалось только в полустационарных организациях, так, 97,8% респондентов ожидают в очереди менее 15 минут.

Показатели, характеризующие доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания.

Оценивая доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания, получили следующие результаты. На вопрос «Согласны ли Вы, что сотрудники Центра вежливы и доброжелательны?» 97,1% получателей услуг ответили, что «Да», 2,9% — «Нет».

Оценивая компетентность специалистов домов-интернатов, 98,8% респондентов ответили, что специалисты компетентны, 1,2% — «Нет». Получатели социальных услуг всех типов учреждений отмечают высокий уровень компетентности сотрудников, их вежливость и доброжелательность.

Показатели, характеризующие удовлетворенность качеством оказания услуг.

Этот показатель включал в себя анализ жалоб и удовлетворенность качеством социальных услуг.

В ходе исследования было выявлено, что в ряде организаций на информационном стендах отсутствует информация о порядке подачи жалобы по вопросам качества оказания социальных услуг и социального обслуживания: в 21,1% организаций данная информация отсутствует; в 15,8% организаций информация представлена не в полном объеме; в 63,2% организаций информация представлена полностью.

В 4 организациях отсутствует книга жалоб, в одной из этих организаций есть альтернативный вариант — ящики для жалоб. Так, руководитель одного из психоневрологических интернатов прокомментировал, что «В связи со спецификой учреждения в корпусах находятся ящики для жалоб. Жалобы рассматриваются в срочном порядке». Вероятно, наличие таких ящиков может являться средством рассмотрения и решения жалоб клиентов внутри учреждения, но не может замещать наличие книги жалоб, а также информации о порядке подачи жалобы по вопросам качества оказания социальных услуг, об органе обращения и сроках рассмотрения жалоб в общедоступных местах на информационном стендах в организации социального обслуживания.

Получатели высоко оценивают удовлетворенность качеством оказания услуг (по 12 критериям) как в стационарных, так и в полустационарных организациях социального обслуживания.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы наличием оборудования для предоставления социальных услуг?» 95,6% клиентов организаций стационарного социального обслуживания ответили, что «Да», 4,4% — «Нет».

Были высказаны пожелания о необходимости спортивного зала в одном из психоневрологических интернатов.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы предоставленным (жилым) помещением?» 98,1% респондентов ответили, что «Да», 1,9% — «Нет».

На вопрос «Устраивает ли Вас предоставляемое питание?» 92,8% получателей услуг в организациях социального обслуживания края ответили, что «Да», 7,2% — «Нет».

Были высказаны мнения о необходимости предоставлять питание при полустационарной форме обслуживания в одном из реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы условиями хранения личных вещей (в гардеробе)?» 88,4% получателей услуг в организациях социального обслуживания края ответили, что «Да», 11,6% — «Нет».

В некоторых стационарных учреждениях социального обслуживания клиенты говорили о нехватке места для хранения личных вещей; в некоторых полустационарных организациях выражали пожелание улучшить условия хранения личных вещей, сделать индивидуальные секции.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы наличием оборудования для предоставления социальных услуг?» 87,9% клиентов организаций полустационарного социального обслуживания ответили, что «Да», 12,1% — «Нет».

Были высказаны пожелания о наличии отдельного зала для занятий ЛФК, об улучшении качества тренажеров в одном из реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями.

На вопрос «Устраивает ли Вас мебель, мягкий инвентарь?» 92,2% клиентов организаций полустационарного социального обслуживания ответили, что «Да», 7,8% — «Нет».

В целом интегративная оценка качества социальных услуг позволила получить итоговые баллы и сформировать рейтинг государственных учреждений социального обслуживания Алтайского края в 2016 году. Максимальный балл, который могли получить стационарные организации социального обслуживания, — 31, полустационарные организации социального обслуживания — 32.

Необходимо отметить, что в целом все организации получили достаточно высокие оценки, которые представлены в таблице.

Рейтинг учреждений по итогам независимой оценки качества деятельности организаций социального обслуживания Алтайского края в 2016 г.

№	Наименование организации социального обслуживания	Рейтинг (в баллах) Для стационарных max — 31 Для полустационарных max — 32
<i>Стационарные организации социального обслуживания</i>		
Дома-интернаты малой вместимости для престарелых и инвалидов		
1	Михайловский	23,86
2	Гришенский	24,83
3	Алтайский	25,07
4	Новичихинский	27,14
5	Алейский	27,36
6	Усть-Калманский	27,83

Продолжение таблицы

№	Наименование организации социального обслуживания	Рейтинг (в баллах) Для стационарных тах — 31 Для полустационарных тах — 32
7	Кытмановский	28,9
<i>Дома-интернаты для престарелых и инвалидов общего типа</i>		
1	Бийский	23,4
2	Рубцовский специальный	24,31
3	Центральный	24,69
4	Ребрихинский	25,13
5	Шипуновский	25,77
<i>Детские дома-интернаты для умственно отсталых детей</i>		
1	Тюменцевский	22,24
2	Егорьевский	25,67
<i>Психоневрологические интернаты</i>		
1	Бобровский	23,19
2	Пещерский	24
3	Первомайский	24,48
4	Троицкий	25,03
5	Озерский	27,09
<i>Полустационарные организации социального обслуживания</i>		
<i>Комплексные центры социального обслуживания</i>		
1	Смоленского района	23,28
2	Краснощековского района	25,5
3	Советского района	26,53
4	Шипуновского района	27,25
5	Родинского района	27,27
6	г. Бийска	27,36
7	г. Рубцовска	28,04
<i>Центр социальной реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий</i>		
1	Центр социальной реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий	28,29
<i>Кризисные центры</i>		
2	Кризисный центр для мужчин	26,29
3	Кризисный центр для женщин	28,69

Окончание таблицы

№	Наименование организации социального обслуживания	Рейтинг (в баллах) Для стационарных max — 31 Для полустационарных max — 32
Центры социальной адаптации для лиц без определенного места жительства		
1	Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства	24,42
2	Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства г. Бийска	26,84
Реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями		
1	Радуга	26,13
2	Журавлики	26,52
3	Добродея	27,3
4	Родник	29,32
Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних		
1	Дружба	25,69
2	Надежда	27,22
3	Солнышко	28,94

Результаты независимой оценки качества организаций социального обслуживания населения Алтайского края за 2016 г. представлены на сайте bus.gov.ru.

Помимо основных инструментов независимой оценки качества, получатели социальных услуг могут заполнить отзыв о работе организации на сайте bus.gov.ru. Такая же возможность есть у получателя (или его представителя) на официальном сайте учредителя организаций социального обслуживания в Алтайском крае. Так, на сайте www.aksp.ru в разделе «Независимая оценка качества» есть возможность заполнить анкету, адресованную получателям социальных услуг.

Проведенное исследование актуализировало ряд проблем и трудностей как организационного, так и содержательного характера. Так, методика, предложенная Министерством труда и социальной защиты РФ, потребовала адаптации под уникальные условия отдельно взятого учреждения социального обслуживания, разработанный инструментарий (бланк интервью получателей услуг) был адаптирован под специализированные типы учреждений (психоневрологические интернаты и детские-дома интернаты для умственно отсталых детей).

В целом можно заключить, что при проведении независимой оценки важны и экспертные заключения, и результаты опросов

получателей, и корректность самих критериев. Можно полагать, что этот инструмент общественного контроля еще будет совершенствоваться в зависимости от практического опыта его проведения на разных уровнях и в различных организационно-правовых формах учреждений.

Библиографический список

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 05.05.2017 г.)

2. Калинина Ю. А. Основные направления стандартизации социального обслуживания в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под общ. ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 270–275.

3. О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 августа 2013 г. № 391а [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/120> (дата обращения 05.05.2017 г.)

Т. В. Вишник (Барнаул)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научный руководитель — Ю. А. Калинина

Связующим звеном в интеграции глухих в общество слышащих является государство. Оно оказывает различные меры поддержки глухих граждан. Для того чтобы эта помощь была эффективной и действенной, Всероссийское общество глухих (ВОГ) тесно сотрудничает с органами государственной власти по вопросам социальной защиты глухих. Существует много различных социальных программ на федеральном и региональном уровнях, направленных на трудоустройство инвалидов, в том числе и глухих.

Систематизированная и закреплённая законодательством поддержка глухих и слабослышащих граждан в нашей стране берет свое

начало с 90-х гг. XX столетия. Основным нормативно-правовым документом, регламентирующим поддержку инвалидов в нашей стране, является Федеральный закон № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. Этот закон отражает действующую государственную политику в сфере обеспечения инвалидам наряду с другими членами общества равных возможностей в области экономических, политических и гражданских прав и свобод, отраженных в Конституции РФ и в международных документах, касающихся прав инвалидов. В рамках законодательства глухие, как инвалиды 3-й группы, получают пенсию по инвалидности, обеспечены социальным пакетом, в который входят бесплатный проезд на пригородном электротранспорте, скидки на оплату коммунальных услуг, льготные лекарства и санаторно-курортное лечение.

Одна из статей данного ФЗ отражает поддержку лиц с нарушением слуха в виде: системы субтитрирования (текстовое сопровождение видеоряда) /сурдоперевода телевизионных программ, кинофильмов, предоставления сурдотехники для лиц с нарушениями слуха, а также организации помощи органами социальной защиты в получении услуг по сурдопереводу. В момент принятия закона язык жестов признавался средством межличностного общения, что не предполагало государственной поддержки.

30 декабря 2012 г. президент Российской Федерации Владимир Путин подписал поправки к Закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», касающиеся статуса языка жестов. Он приобрел в нашей стране статус официального. Теперь язык жестов получает государственную поддержку. Это выражается в том, что государство отныне обеспечивает подготовку специалистов, владеющих жестовым языком, таким образом, сурдопереводом будут заниматься квалифицированные специалисты, что гарантирует получение качественного перевода для неслышащих граждан. Также по закону при получении образования глухой студент бесплатно обеспечивается необходимой учебной литературой. Сюда входят и услуги сурдопереводчиков, за которые также не будет взиматься плата. А образовательные учреждения должны обеспечить беспрепятственный доступ для студента с нарушением слуха к получению образования. На сегодняшний день, несмотря на принятие поправок к закону, в России ощущается нехватка квалифицированных специалистов-сурдопереводчиков. Это связано с низкой заработной платой и отсутствием государственной системы подготовки специалистов данного профиля, но услуги сурдоперевода очень востребованы. Сурдопереводчики помогают инвалидам во взаимодействии в различных обстоятель-

ствах: сопровождают при посещении учреждений социальной, банковской и других сфер. По данным Минтруда, ежегодно в РФ за получением услуг по переводу русского жестового языка обращаются около 28 тысяч инвалидов. Услуги по сурдопереводу, согласно закону, предоставляются инвалиду за счет средств федерального бюджета в ограниченном количестве (до 40 часов в год). Данный вид услуги указывается в ИПРА (индивидуальной программе реабилитации или абилитации). Оплачивает эту услугу фонд социального страхования. Но не все так просто: для получения услуги инвалид обязательно должен иметь индивидуальную программу реабилитации. Не все люди с нарушениями слуха охотно проходят необходимые обследования, чтобы получить ИПР. Также в соответствии с ИПР инвалиды по слуху получают пенсии и доплаты, обеспечиваются техническими средствами реабилитации (ТСР).

В законе также указано, что телеканалы должны быть обеспечены субтитрованием. Но эта мера до сих пор воспроизводится не в полном объеме: на многих каналах нет системы субтитрования, эта опция доступна в основном для центральных каналов (Первый, Россия 1, НТВ и др.), но субтитры доступны только в рамках некоторых программ. Работа по увеличению объемов передач с субтитрами продолжается. Еще одним минусом можно считать то, что субтитры низкого качества (с задержкой либо опережающие), мелкие, плохо читаемые. В январе 2017 г. незлышащие телезрители составили и подписали петицию с просьбами в адрес Правительства РФ, Минкомсвязи и Россвязькомнадзора обратить внимание на работу скрытых субтитров в Москве и в регионах. Таким образом, внесение поправок в закон способствует повышению качества жизни глухих, содействует полноценному участию глухих и слабослышащих в жизни общества, обеспечивает им широкий доступ к образованию [1].

Еще одним положительным моментом для инвалидов стала реализация Государственной программы «Доступная среда на 2011–2020 годы». На базе госпрограммы многое делается для глухих в отношении доступности объектов медицинской, транспортной, социальной и культурной инфраструктур. Совершенствуются существующие стандарты доступности объектов. Государство оказывает различную, в том числе финансовую, помощь общественным организациям инвалидов. Это позволяет проводить различные социально значимые мероприятия в сфере культуры, например, общероссийские конкурсы и фестивали художественной самодеятельности, форумы глухой молодежи и слеты ветеранов, образовательные семинары и научно-практические конференции по инвалидной тематике [2, 3, с. 270].

В области субтитрирования произошел еще один положительный момент, который начнет действовать в ближайшее время. 28 марта 2017 г. Президент России Владимир Путин подписал закон, расширяющий возможности инвалидов по слуху в просмотре сеансов в кинотеатрах. Согласно закону, те производители российских фильмов и мультфильмов, которым была оказана государственная поддержка, будут обязаны вставлять субтитры в киноленту. Этот закон вступает в силу с 1 июня 2017 г., а это значит, что теперь российские кинопроизводители будут принимать во внимание, что зрителями их картины могут быть неслышащие люди. Также в законе указано, что с 1 января 2018 г. российские кинотеатры должны предоставлять доступную среду зала для людей с ОВЗ. Данный законопроект позволит включить инвалидов по слуху в массовую общественную жизнь [4].

Следовательно, перемены в законодательстве стали толчком к положительным изменениям, в которых глухие так давно нуждались: это программы с субтитрами на телевидении, «бегущая строка» в транспорте, социальных учреждениях, оснащение транспорта световым сигнализатором остановки и начала движения и т. д. Одним из главных достижений стало признание русского жестового языка официальным, что увеличило возможности включения лиц с нарушением слуха в современное общество. Теперь доступ к образованию, трудоустройству, получению качественных услуг здравоохранения облегчен, но все же существуют рамки, которые следует раздвигать. Необходимо повышать осведомленность слышащих граждан о проблемах глухих, тем самым снижая уровень пренебрежительного, настроенного отношения с их стороны, освещать вопросы взаимодействия с лицами, имеющими нарушения слуха, в СМИ. Также важно развеять миф, что лица с нарушением слуха не могут быть достаточно квалифицированными работниками из-за своего дефекта, существующий в сознании многих работодателей. В целом можно прийти к выводу, что российское законодательство, особенно на примере крупных городов, сделало многое, чтобы неслышащие граждане чувствовали себя полноценными членами общества. Но, к сожалению, о небольших городах, таких как Барнаул, этого не скажешь: только существования нормативно-правовой базы для поддержки лиц с нарушением слуха недостаточно; необходимо, чтобы эта база реализовывалась и соответствовала требованиям.

Библиографический список

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) //

Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 48. — ст. 4563.

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы : Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2015 г. № 1297 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_189921/

3. Калинина Ю. А. Основные направления стандартизации социального обслуживания в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 270–275.

4. Гапоненко Ю. Путин подписал закон о снабжении национальных фильмов субтитрами и тифлокомментариями // Сайт газеты «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kp.ru/online/news/2697653/>

Ю. В. Голубицких (Барнаул)

РОЛЬ КОНФЛИКТОГЕНОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Научный руководитель — Е. В. Пустовалова

Современное общество — динамично развивающийся феномен. В нем активно формируются новые социальные связи и отношения, происходит эволюция уже существующих. Значительное место в социальной сфере занимает система профессиональных отношений.

Отдельные виды профессиональных отношений можно отнести к группе конфликтологического риска, которую мы будем понимать как подверженную возникновению большого количества конфликтных взаимодействий. В эту группу входит и профессиональная деятельность работников силовых структур, прежде всего сотрудников полиции. Сама сфера их деятельности предполагает наличие конфликтных ситуаций, которые они призваны выявлять и предотвращать.

В силовых структурах проблема конфликтов всегда занимала центральное место, так как объект их рода деятельности — это то, что приводит к конфликту, например: конфликты в организации, которые возникают из-за разногласий, социального неравенства, соперничества; конфликтные ситуации, с которыми работают силовые структуры. «Силовыми данные структуры называются потому,

что в качестве основного метода убеждения и доказательства своей правоты они используют силу в различных ее проявлениях. Это может быть как физическое, так и моральное воздействие, основанное на страхе. Чаще всего в качестве «страшилки» выступает вероятность лишения свободы» [1, с. 327].

Правоохранительные органы, представляя собой одну из существенных структурных составляющих государственного аппарата, во все времена и при различных политических режимах испытывали разностороннее воздействие. Их деятельность основана на системе «человек — человек» и поэтому конфликтогенна по своей природе, там идет интенсивное взаимодействие людей в сочетании с решением сложных задач, поэтому возникают конфликты [2, с. 342]. Вместе с тем в любой социально-политической обстановке сотрудникам правоохранительных органов приходится нередко действовать в особых условиях и, наряду с обычными гражданами, переживать материальные и моральные последствия экономического кризиса, разрушения привычной системы духовно-нравственных ценностей. Особая деятельность правоохранительных органов определяет ее повышенную социально-психологическую напряженность, получающую отражение во множестве конфликтов у личного состава. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на профессиональные отношения между сотрудниками.

Значительную роль в этих отношениях играет наличие конфликтогенов, связанных со спецификой деятельности. Следует отметить, что они способны спровоцировать конфликт как в рамках их профессиональной деятельности, так и в межличностных взаимодействиях.

Дословный перевод слова «конфликтоген» — «рождающий конфликты». Л. Н. Цой определяет конфликтоген как провокативный фактор. «Конфликтоген — это любое слово или действие, могущие привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в конфликт. Конфликтогены — очень распространенное явление, возникают они, чаще всего, в организациях. Конфликтогеном может являться любой предмет, вещь, идея, взгляд, выявляющие разность чувств, отношения, оценок конфликтующих субъектов. Конфликтоген может быть основанием конфликта, более того, один конфликтоген может породить несколько оснований конфликта, по которым может развиваться несколько конфликтов. Провоцирующим моментом в организации является наличие множества конфликтогенов!» [3, с. 86].

Итак, конфликтогеном может являться любое явление, действие, предмет или поступок, выявляющие различия, отношения, слова,

действия (или бездействие), могущие организовать конфликтную ситуацию и спровоцировать конфликт. Слово «могущие» является здесь ключевым, т. к. оно раскрывает причину опасности конфликтотгена и обеспечивает наше отношение к нему. Конфликтные ситуации, как уже отмечалось, лежат в основе деятельности силовых структур. Конфликтотгены встречаются во время хулиганства, грабежа, унижения личности. Со временем конфликтотгеном может стать и сам сотрудник полиции или других силовых структур, так как постоянно находится в эмоциональном напряжении.

Кроме того, одним из ключевых современных факторов, провоцирующих возникновение конфликтотгенов, является постоянное снижение авторитета сотрудников полиции среди населения. На сегодняшний день в представлении многих граждан полиция остается только органом принуждения, а ситуации, в которых реализуются полномочия сотрудников полиции, нередко характеризуются наличием конфликта сторон, тем сам проявляясь в качестве конфликтотгенов.

Падению престижа полицейской профессии также способствует необходимость выполнения сотрудниками не свойственных полиции функций: применение мер к нарушителям парковки, проверка документов на право торговли у мелких розничных торговцев и др. Все это приводит к усложнению условий деятельности полиции, когда даже абсолютно законные действия сотрудников встречают недоверие и протесты у значительной части населения.

Очевидно, что конфликтотгены в деятельности сотрудников силовых структур необходимо выявлять. Это способствует не только распознаванию причины, из-за которой возникло недопонимание, но и предотвращению конфликтов, которые могут быть ею спровоцированы. Таким образом, выявление конфликтотгенных факторов и конфликтотгенов является важной задачей для оптимизации деятельности силовых ведомств.

Библиографический список

1. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. — М., 2003. — 704 с.
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник. — М., 2000. — 551 с.
3. Цой Л. Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. — М., 2001. — 233 с.

С. С. Кирпу (Барнаул)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МИГРАНТАМИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

Острота миграционных процессов в сегодняшнем мире, а также значимость социальных изменений, происходящих вследствие данных процессов, вызывает к себе пристальный интерес многих ученых, политиков, журналистов и в целом всех общественных групп. В связи с последними внешнеполитическими событиями, следствием которых выступило повышение уровня миграционных потоков на территорию Российской Федерации, от государственных органов власти требуется усиленное внимание к вопросам регулирования миграционной политики.

Миграционное законодательство в Российской Федерации постоянно совершенствуется. Для формирования и развития миграционного законодательства как в Российской Федерации, так и за рубежом необходимо создание соответствующего понятийного аппарата. Отсутствие законодательно закрепленного понятия, а также единого стандартного разделения категорий мигрантов вызывает определенные трудности в правовом регулировании статуса мигрантов.

На сегодняшний день понятие «мигрант» четко не определено не только в законодательстве Российской Федерации, но и на уровне международного права. В большинстве формулировок, данных для определения настоящего понятия, лежит понимание миграции как определенного вида перемещения, движения населения, а мигранта — как лица, совершающего это перемещение. Стоит отметить, что в специализированных законодательных актах выделяются отдельные категории мигрантов и раскрывается их правовой статус.

Согласно ст. 1 Закона РФ от 19.02.1993 № 4530–1 (ред. от 30.12.2015) «О вынужденных переселенцах» вынужденный переселенец — это гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по различным признакам [1].

В ст. 1 Федерального закона от 19.02.1993 № 4528–1 (ред. от 22.12.2014) «О беженцах» определен следующий статус лиц, вы-

нужденно покинувших свое прежнее место проживания: «Беженец — это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по различным признакам расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений». При анализе вышеперечисленных определений видна разница между понятиями: вынужденный переселенец обладает всеми правами гражданина РФ, в то время как беженец не имеет таковых прав [2].

География миграционных потоков Алтайского края характеризуется преобладанием приезжих из стран ближнего зарубежья — более 9 тысяч человек (Казахстан, Таджикистан, Украина), что составляет 93% от числа прибывших граждан из иностранных государств (Китай, Германия, Греция).

В крае продолжается реализация государственной программы «Оказание содействия добровольному переселению в Алтайский край соотечественников, проживающих за рубежом» на 2016–2020 гг. (далее — Государственная программа).

В 2016 г. на территории Алтайского края зарегистрированы 1763 прибывших соотечественников: 857 участников Государственной программы и 906 членов их семей (плановая численность — 1050 человек). Большинство участников Государственной программы были из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Украины [3].

В марте 2017 г. нами было проведено социологическое исследование. Целью данного исследования явилось изучение мнения российских граждан по вопросам миграционного права в Российской Федерации. Методом анкетирования были опрошены жители Барнаула — граждане РФ в количестве 40 человек. Из них — 48% лиц женского пола и 52% лиц мужского пола, постоянно проживающих на территории РФ, в возрасте от 18 до 55 лет.

В ходе опроса было выявлено, что в окружении более половины опрошенных присутствуют иммигранты. Респондентам задавался следующий вопрос: «Есть ли среди Ваших родственников, друзей или знакомых люди, переехавшие из одного региона РФ в другой или иммигрировавшие на постоянное место жительства в РФ?»

Ответы респондентов распределились следующим образом: 35% респондентов не имеют в своем окружении иммигрантов, 40% опрошенных указали, что таковые присутствуют, но в небольшом количестве, 15% дали ответ, что таковых достаточно много в их окружении, мнение оставшихся 5% разделилось поровну: часть из них указала, что сами являются мигрантами, иные затруднились дать ответ.

Особым образом выделяется проблема интеграции и адаптации мигрантов. Взаимоотношения мигрантов и представителей местного населения нередко можно охарактеризовать как недоброжелательные. Социально-экономический кризис Российской Федерации, бытовые, поведенческие, культурные особенности переселенцев иногда становятся причинами недружелюбного отношения к ним со стороны местного населения. В процессе исследования было выявлено: большинство респондентов считают, что отношение местного населения к мигрантам — нормальное. Такого мнения придерживаются 42,5% от общего числа опрошенных. Однако нельзя не отметить, что четверть респондентов (25%) считают, что отношения довольно напряженные, а 5% опрошенных назвали их и вовсе взрывоопасными, при этом 15% указали, что считают сложившиеся отношения доброжелательными. Оставшиеся респонденты затруднились дать ответ на данный вопрос. В целом анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что жители Алтайского края довольно терпимо относятся к лицам, иммигрировавшим в Российскую Федерацию, однако не исключены столкновения между представителями отдельных национальностей.

Респондентам был также задан вопрос: «Какие меры поддержки в отношении мигрантов должна предпринимать власть?» Согласно полученным данным жители Алтайского края считают наиболее актуальным такой вид помощи, как упрощение получения вида на жительство и гражданство (25%). Немаловажной поддержкой, которую могут оказать власти для беженцев и вынужденных переселенцев, стало бы содействие трудоустройству, это отметили 22,5% респондентов.

В 2016 г. 65,1% от числа трудоспособных участников Государственной программы и членов их семей занимались трудовой, предпринимательской или иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельностью (в том числе обучались в образовательных организациях края) [3]. Данные, полученные в ходе анкетирования мигрантов в 2015 г., показывают, что мигрировавшие в Россию лица испытывали трудности при устройстве на работу в нашем регионе. Адаптация и обустройство вынужденных переселенцев в первую очередь зависят от получения постоянного места работы. Зачастую ми-

гранты вынуждены были трудоустроиваться лишь на временную работу, которая не соответствует не только прежнему статусу переселенца, но и его профессии [4].

10% из числа всех опрошенных считают, что в первую очередь власти должны содействовать решению жилищного вопроса мигрантов. Решение данной проблемы у мигрантов осуществляется самостоятельно в следующих направлениях: часть из них размещены у родственников, прочие вынуждены снимать квартиры. Также стоит отметить, что вынужденные переселенцы акцентируют свое внимание на выборе места жительства и работы в городах или крупных населенных пунктах с развитой инфраструктурой, где они зачастую проживали до переезда в Россию, а государственные программы направлены на освоение тех регионов, в которых наблюдается дефицит трудовых ресурсов, вследствие чего новым местом проживания мигрантов, как правило, становится сельская местность.

Необходимо обозначить тот факт, что 15% опрошенных считают — власть не должна предпринимать каких-либо мер в отношении мигрантов. Пункты «получение бесплатной медицинской помощи» (7,5%), «устройство детей в детские сады, школы» (5%) и «содействие в переезде в другие регионы» (5%) стали самыми непопулярными среди респондентов. 10% — затруднились ответить.

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Миграционное законодательство Российской Федерации требует значительной доработки, в частности, в формировании понятийного аппарата. Большая часть населения считает политику, проводимую государством, неэффективной или не симпатизирует ей. При этом отношение к мигрантам у местного населения в большинстве случаев не является негативным.

Библиографический список

1. О вынужденных переселенцах : Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4339/

2. О беженцах : Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528–1 (ред. от 22.12.2014) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/

3. Итоги реализации региональной программы переселения соотечественников в 2016 году // Министерство труда и социальной защиты Алтайского края [Электронный ресурс]. — URL: http://www.aksp.ru/news/news/20418/?sphrase_id=88773

4. Бендрикова А. Ю., Кирпу С. С. Проблемы украинских беженцев и вынужденных переселенцев в Алтайском крае [Электронный ресурс]. — URL: http://edu.secna.ru/media/f/sociology_tez_2016.pdf

О. Н. Колесникова, С. Г. Чудова (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ИННОВАЦИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Новой чертой современного этапа развития общества является подчинение экономической функции государства социальным целям, в связи с чем возникает интерес к организации инновационной деятельности, связанной с социальным предпринимательством. Социальное предпринимательство занимает промежуточное положение между традиционным предпринимательством и благотворительностью. От предпринимательства оно отличается своими целями, ориентацией на социальные изменения и решение социальных проблем общества; от благотворительности — предпринимательским характером деятельности.

Социальное предпринимательство возникло сравнительно недавно. За рубежом оно существует около 30 лет, в России — меньше десятилетия [1]. Несмотря на такой юный возраст, многие исследователи называют социальное предпринимательство полноправным «четвертым сектором». Отдельные примеры предпринимательского подхода к решению социальных проблем известны в истории разных стран начиная с XIX в. На глобальную арену социальное предпринимательство вышло только в 1980 г., когда У. Дрейтон создал некоммерческую организацию «Ашока: новаторы для общества» и сделал поддержку социальных предпринимателей во всем мире своей главной задачей. В Россию социальное предпринимательство пришло с Фондом региональных социальных программ «Наше будущее». С 2007 г. фонд стал первой отечественной организацией, специализирующейся на поддержке социального предпринимательства. Фонд выявляет социальных предпринимателей и наиболее успешные практики; поддерживает социальных предпринимателей, выдавая им беспроцентные кредиты; популяризирует идеи социального предпринимательства. Он является учредителем трех конкурсов: Всероссийского конкурса проектов «Социальный предприниматель»; конкурса прямых инвестиций в социальное предпринимательство; конкурса «Больше, чем покупка».

В последние годы поддержка социального предпринимательства в России существует не только в качестве инициативы снизу: инновационные начинания все чаще находят отклик в отечественных государственных структурах и бизнесе. Как отмечает Президент РФ В. В. Путин, «сегодня все больше людей стремятся участвовать в жизни своей страны, города или небольшого поселка, браться за социально значимые проекты... Вижу в этом мощнейший ресурс развития России, консолидации общества, обеспечения социальной и межнациональной гармонии» [2, с. 5].

В настоящее время нет общепринятого определения понятия «социальное предпринимательство». Фонд «Наше будущее», основываясь на изучении научной литературы и собственный опыт, дает такое определение — это предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем, характеризующаяся следующими основными признаками: социальное воздействие; предпринимательский подход; инновации; самоокупаемость и финансовая устойчивость; масштабируемость и тиражируемость [1].

Социальное предпринимательство, гармонично сочетающее в себе элементы персональной выгоды и стремление к позитивным социальным изменениям в обществе, повышает социальное благополучие населения путем создания новой продукции и услуг, рынков, новых рабочих мест, новых социальных технологий и способов привлечения широких кругов участников проектов. Существуют разные формы деятельности по решению социальных проблем общества: благотворительность; социальное предпринимательство; социально ответственный бизнес (меценатство, корпоративная социальная ответственность, социально-маркетинговые программы, спонсорство, филантропия и др.); социальное инвестирование; социальный активизм, добровольчество, волонтерство.

Следует отметить, что основной целью создания социального предприятия является решение социальной проблемы, а не получение прибыли. Выбор же сферы деятельности социального предпринимателя может быть продиктован уже имеющимися знаниями, навыками, профессией. Хорошим стартом в подготовке будущих социальных предпринимателей может стать подготовка по направлению «социальная работа», ведь именно эта профессия связана с помощью и поддержкой людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Это обусловлено спецификой подготовки студентов, обучающихся по направлению «социальная работа». Перманентно, начиная с 1 курса, у них формируется эмоциональный интеллект, социальная

ответственность, осознанный гуманизм, инновационная активность. Именно эти качества должны составлять основы мировоззренческой позиции социального предпринимателя.

Так, на факультете социологии АлтГУ студенты изучают много предметов по социальной проблематике для непосредственной деятельности по выбранной ими профессии социального работника. Такие, как, например, благотворительность и добровольчество; теория социальной работы; социальная работа в кризисных ситуациях с различными категориями населения; социальная работа в сфере некоммерческих организаций; менеджмент в социальной сфере; социальное проектирование и прогнозирование и др. Они ориентированы на формирование у студентов профессиональных способностей актуализировать социальную проблематику, формировать модель оценки социального воздействия, развивают общечеловеческие устремления и толерантные качества.

Однако сегодня необходимо иметь знания по основам законодательства в сфере социального предпринимательства, технологиям разработки бизнес-плана; студенты должны знать о целевых группах социального предпринимательства; особенностях создания новой продукции на основе принципов социального предпринимательства; перспективы социального предпринимательства как приоритетного направления развития регионов России и др. Большую роль должны сыграть предметы, дающие дополнительные знания для подготовки нового специалиста социального работника, будущего социального предпринимателя.

Итак, социальное предпринимательство в России в настоящее время начинает развиваться, расширяя круг участников, растет значимость социальных проектов по решению актуальных социальных проблем. Однако у нас нет пока хорошо подготовленных в образовательном плане социальных предпринимателей. Существенная роль в их подготовке должна принадлежать вузам и требует серьезной дополнительной работы, такой как, например, разработка федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по этому направлению подготовки. Важен и вопрос об информировании общества: нужно преодолеть информационный вакуум, который мешает составить положительное мнение о социальном предпринимательстве, не хватает законодательной базы для развития этого явления и многого другого, что всегда характерно для инновационного направления развития. И это только часть задач, которые необходимо решить для успешной организации и развития социального предпринимательства в нашей стране.

Библиографический список

1. Зверева Н. И. Создание успешного социального предприятия. — М., 2017.
2. Зверева Н. И., Сурова Н. Ю., Феоктистова Е. Н. Социальное предпринимательство : учеб. пособие. — М., 2017.

Д. В. Лапин (Новосибирск)

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЛЬТИФОРМАТНЫХ ПЛОЩАДОК ПО РАЗВИТИЮ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Развитие социальной сферы в Российской Федерации невозможно представить без мероприятиивного подхода. Данный подход имеет позитивные особенности для развития социальных технологий. С одной стороны, он позволяет концентрированно презентовать инновационные социальные практики перед широкой общественностью, а с другой, способствует процессу развития межсекторного социального партнерства (государственные и муниципальные органы, общественные организации и структуры бизнеса). Как правило, на данных мероприятиях — форумах, конгрессах, митапах, конференциях — обсуждаются комплексные проблемы социальной сферы (доступная городская среда; инклюзивное образование; универсальный дизайн; социальные технологии реабилитации, ориентированные на инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; беженцев; людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации; социальное волонтерство и иные направления). В данной работе мы будем использовать определение М. И. Григорьевой, которая считает, что «социальная работа как деятельность сегодня представляет собой систему инновационных и традиционных методов, средств, приемов и форм деятельности, воспроизводимых в логической последовательности, основанной на научной методологии и данных современных социальных исследований, применяемых ее субъектами с целью решения социальных проблем индивидов и общества в целом» [1, с. 117].

В настоящее время на территории Российской Федерации проходят следующие крупнейшие мультимедийные мероприятия: общегородской Форум «Новосибирск — город безграничных возможностей» (г. Новосибирск), всемирный конгресс людей с ограниченными возможностями здоровья «Увидеть ценность каждого» (г. Екатеринбург), форум «За равные права и возможности» (г. Москва), «Все-

российский образовательный молодежный форум ВОС» (г. Санкт-Петербург), международная научно-практическая конференция «Учиться и жить вместе: современные стратегии образования лиц с ограниченными возможностями здоровья» (г. Казань) и многие другие мероприятия. Как отмечает Л. А. Осьмук, «усилившийся интерес и стремление к преодолению эксклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья связаны, с одной стороны, с оздоровлением морально-нравственного климата, а с другой — с ростом инвалидизации общества» [2, с. 138]. Представленные мероприятия связывает общая направленность на развитие социальных технологий. Вместе с тем различается общий контекст, который может быть представлен направлениями: социально-правовым, просветительским, образовательным, информационно-методическим, досуговым.

Рассмотрим общегородской форум «Новосибирск — город безграничных возможностей» (г. Новосибирск) как крупнейшую в стране мультiformатную площадку по развитию социальных технологий. Генеральной тематикой форума 2017 г. стали направления: социальное предпринимательство, партнерство, доступная среда. Необходимо отметить, что мероприятия форума обозначили на повестке обсуждения новосибирского городского сообщества проблематику формирования целостностной доступной среды для различных категорий горожан (круглые столы, лектории, хакатоны, тич-ины, дискуссионные площадки, про боно марафоны, выставка, мастер-классы и многое другое).

Наряду с этим разноплановая социокультурная программа форума позволила через разнообразные творческие мероприятия донести духовно-нравственные аспекты жизни людей с инвалидностью и маломобильных групп горожан (фестиваль социальных театров, серия мастер-классов по направлениям в учреждения культуры и социальной политики, уроки по пониманию инвалидности в школах и многое другое). Активная и содержательная дискуссия представителей органов власти, общественных организаций и бизнес-структур позволила разработать оптимальные проекты дорожных карт (планов):

- по созданию многофункционального центра развития адаптивной физкультуры и спорта,
- по совершенствованию деятельности сферы социального предпринимательства.

Кроме того, по итогам форума стартовали долгосрочные проекты: «Школа социального волонтера», «Школа грантового проектирования», «Открытая школа русского жестового языка», «Дорожная карта по развитию социального предпринимательства», «Инклюзивные городские экскурсии», «Городской ресурсный центр по развитию со-

циальных театров», ориентированные на системную поддержку нуждающихся категорий граждан.

Перед широкой общественностью были продемонстрированы проекты для развития доступной среды от новосибирских инноваторов. Часть проектов получила поддержку по итогам форума.

Важно учесть позицию Е. А. Авериной: «интеграция это процесс, в ходе которого не только индивид стремится максимально адаптироваться к жизни в обществе, «встроиться» в его структуру, но и оно, в свою очередь, предпринимает необходимые шаги для того, чтобы приспособиться к особенностям конкретного индивида на основе принципов толерантности, объективности, социальной справедливости» [3, с. 10]. Таким образом, проведение обозначенного мероприятия создает условия для повышения качества реализации социальных технологий на территории Новосибирска. Адаптивность обозначенных социальных технологий позволяет тиражировать их на крупнейшие города и города-миллионники страны.

Библиографический список

1. Григорьева М. И. Технологический подход к социальной работе как деятельности // Вестник Перм. ун-та. Серия: Философия. Психология. Социология. — 2011. — № 1. — С. 111–117.

2. Осьмук Л. А. Образовательные потребности учащихся с ограниченными возможностями здоровья // Высшее образование в России. — 2010. — № 12. — С. 137–143.

3. Аверина Е. А. Интеграция инвалидов в общество: теоретическое осмысление проблемы // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 1 (13). — С. 5–11.

А. О. Макеева (Барнаул)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

С развитием общества приходит понимание того, что мы живем в многообразном мире среди различных по своим способностям и возможностям людей. Стремление к гуманности и демократично-

сти ведет к созданию условий, комфортных для всех категорий населения. Это подтверждается тем, что существует понятие доступной среды, а также — инклюзии. Данный вопрос очень важен как для людей в целом, так и для маломобильных граждан в частности.

Так, согласно своду правил «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» [1]:

Маломобильная группа населения — люди, испытывающие затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуги, необходимой информации или при ориентировании в пространстве. К маломобильным группам населения отнесены: инвалиды, люди с временным нарушением здоровья, беременные женщины, люди старших возрастов, люди с детскими колясками, дети младшего возраста и т. п.

Таким образом, говоря о МГН, мы подразумеваем не только инвалидов, но и лиц, которые в данный период имеют какое-либо ограничение в передвижении, что делает эту категорию довольно широкой.

Доступность получения социальных услуг является для МГН одним из ключевых моментов качественного социального обслуживания. При пользовании объектами инфраструктуры человеку важно, чтобы оснащение учреждения необходимыми средствами, повышающими комфортность и доступность получения услуги, соответствовала его потребностям. Это различные технические средства, пандусы, специальные знаки на входе, перила на лестницах и т. п. [2, с. 215; 3, с. 195].

Для доступности также нужны и организационные мероприятия (обеспечение сопровождения маломобильного гражданина до места предоставления услуги с оказанием помощи на объекте либо «доставка» услуги к месту пребывания гражданина, в том числе с оказанием ее на дому или предоставлением дистанционно). Обязательно должна быть обеспечена информационная доступность — то есть предоставление информации с учетом имеющихся особенностей восприятия и о доступности объекта, и об организации предоставления услуги [4].

Однако, говоря о доступности, необходимо понимать, что это не только сугубо архитектурные, строительные, проектировочные категории. Существует также понятие инклюзии.

Инклюзивный дизайн — это способ достижения полного участия граждан в жизни общества, это гарантия безопасности и доступности архитектурной среды, транспорта, коммунального обслуживания, товаров и услуг, информации и образования. Он гарантирует равные и демократические права всем людям независимо от возраста, особенностей их физического состояния или социокультурного развития [5].

Но в целом для инклюзии гораздо большее значение имеет ее социальный характер, т. е. не просто удобство окружающих объектов, но и осознание обществом разнообразия культур, жизненных ситуаций, различий в умственных и физических возможностях у людей.

Построение инклюзивной культуры требует, чтобы не только отдельная организация, но и более широкий социум, и публичная сфера в целом восприняли определенные нормы и ценности: уважение прав человека, принципы открытости разнообразию, участия и взаимного обучения на основе межкультурного диалога.

При обеспечении доступности получения социальных услуг гражданами происходит взаимодействие учреждения социального обслуживания, работников, специалистов и клиентов различных категорий и возможностей (как моральных, психологических, так и финансовых). Таким образом, для более полного включения получателей услуги в работу необходимо понимание и принятие их особенностей специалистами.

Библиографический список

1. Свод правил СП 59.13330.2012 «СНиП 35–01–2001. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения». Актуализированная редакция СНиП 35–01–2001 (утв. Приказом Министерства регионального развития РФ от 27.12.2011 г. № 605) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/70158682>

2. Калинина Ю. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г. Методика независимой оценки качества работы организаций социального обслуживания населения в Алтайском крае в 2016 г. // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 9 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2017. — Ч. 1. — С. 212–217.

3. Макеева А. О., Сиротина Т. В. Доступность условий предоставления социальных услуг для маломобильных групп населения в Алтайском крае // Социально-экономическая политика страны и Сибирского региона при переходе на инновационный путь развития : материалы IX Междун. науч. конф. — Барнаул, 2017. — С. 194–197.

4. Методическое пособие по обеспечению доступности для инвалидов объектов и услуг. Ч. 1. Организация обеспечения доступности для инвалидов объектов и услуг в учреждениях социального обслуживания населения / авт.-сост. Т. Н. Шеломанова, Л. В. Корякова. — СПб., 2016. — 60 с.

5. Наберушкина Э. К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. — М., 2012. — 344 с.

А. Ю. Нагих (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

Танцевальная терапия, по мнению Натали Роджерс, — это терапия на основе танца, обеспечивающая поддержку человека с целью стимулирования его личностного роста, развития и исцеления [1]. Корни танцевальной терапии восходят к древнейшим цивилизациям. Тысячелетия назад в культурах разных народов ритуальные танцы использовались для празднования победы, отведения бед, для лечения больных. Считается, что душа человека неразрывно связана с его телом и движениями.

В 1950–1960-е гг. танец начали использовать как способ лечения эмоциональных расстройств посредством движения, преследуя такие терапевтические цели, как: обретение внутренней цельности, выражение чувств и эмоций, хранящихся в воспоминаниях в подсознании человека [2, с. 304].

С помощью танцевальной терапии ребенок получает возможность самовыражения через движение, обретение своей индивидуальности во взаимодействии с другими. Изначально танцевальная терапия использовалась в работе с людьми с тяжелыми нарушениями. Сегодня она больше ориентирована на работу с людьми, имеющими психологические затруднения, способствуя большему самопринятию, самоактуализации, обучению конструктивному взаимодействию в группе. Поэтому все больший интерес вызывают социально-педагогические аспекты танцевальной терапии.

К целям танцевальной терапии с детьми также относятся: активизация тела с целью получения телесного опыта, чувства телесной интеграции и координации, развитие возможностей ребенка, полное устранение напряжения и конфликтов, опыт действия мышц как быстрый путь познания, что способствует повышению самооценки.

В процессе социализации индивида окружение принуждает его подавлять и прятать свои эмоции, тогда эмоции и чувства начинают выражаться в телесных симптомах, психосоматических заболеваниях. Именно поэтому танцевальная терапия очень глубоко связана с выражением и преобразованием эмоций. Американский психолог Пол Экман, специалист в области психологии эмоций, утвер-

ждает, что каждая эмоция имеет свое духовное измерение, подавленные эмоции могут исказить тело, выражаясь в каких-либо заболеваниях и расстройствах. Именно посредством движения можно выразить сильные эмоции. В результате танцевальной терапии большинство танцующих через движения выражают свои чувства, переживая глубокий и богатый опыт общения.

Занимаясь танцевальной терапией, можно получить навык позитивной организации времени, сформировать навыки организационной работы, развить эмоциональную сферу, отработать личностные качества человека посредством тщательного выполнения поставленных задач тренером по танцам.

Сейчас танцевальное направление переживает подъем, о чем в том числе свидетельствуют новые телевизионные шоу, развитие новых танцевальных направлений, таких как: дабстеп, анимэйшн, вог, вакинг. Еще одной важной особенностью танцевальной терапии является то, что она не требует больших денежных средств.

Мир, окружающий ребенка, загадочен, интересен, непредсказуем. Иногда он бывает к нему несправедлив и даже жесток, особенно к ребенку с ограниченными возможностями здоровья или оказавшемуся в тяжелой жизненной ситуации. Огромным коррекционно-развивающим потенциалом в обучении и воспитании детей обладает искусство. Танец — это средство выражения прекрасного, один из видов искусства, поэтому он дает возможность приобщить ребенка к культуре, научить видеть и понимать прекрасное в обычном [3, с. 161].

В результате практической работы автора, наблюдения за детьми из благополучных семей, участвовавших в танцевальных группах, можно сделать вывод о том, что танцевальная терапия влияет на них следующим образом: танец их затягивает, позволяет выразить свои мысли, чувства, эмоции, выплеснуть все то, что тревожит, посредством движений. Немаловажное значение имеет и то, что на протяжении занятий танцами дети учатся общаться со своими ровесниками, заводить новых друзей. В школе далеко не всегда у детей есть возможность свободно общаться и строить отношения в разных ситуациях, здесь же детей связывают общие интересы — танец, на основе которого они с удовольствием коммуницируют, учатся правильно вести себя во время конфликтов. Танцы отвлекают их от той негативной атмосферы, что окружает их дома или в школе.

Занятия танцами помогают ребенку применять все свои творческие способности, креативное мышление, воплощать разные идеи в жизнь, не бояться проявлять себя. Танец требует определенногокрепощения, уверенности в себе, что очень важно для любого чело-

века. Ведь во время выступлений ребенку придется танцевать перед зрителями, другими детьми, преподавателями. Это помогает преодолеть стеснение, учит любить свое тело, избавляет от многих комплексов. Именно дети-танцоры, как правило, в подростковом возрасте не испытывают проблем с заниженной самооценкой и комплексами. Ребенок с малых лет учится дисциплине и ответственности, придерживается определенного распорядка дня, становится ответственным, собранным и самостоятельным. Эти качества важны в любом возрасте и в любой сфере.

Библиографический список

1. Роджерс Н. Путь к целостности: Человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств [Электронный ресурс]. — URL: <http://dialog.ru/library/scipubl/951132.htm>

2. Миллер С. М., Сиротина Т. В. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 299–306.

3. Киселева Т. Ю., Беловодов В. А. Социально-педагогический потенциал программы педагогической арт-терапии «Арт-гармония» // Сибирский педагогический журнал. — 2009. — № 9. — С. 156–164.

Н. В. Подгорная (Барнаул)

ФАНДРАЙЗИНГ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научный руководитель — К. А. Великжанина

Экономические отношения в последние несколько лет носят достаточно быстрый и динамичный характер, изменяются, преобразуются в новые формы. Для некоммерческого сектора характерна оперативность реагирования на потребности различных социально-демографических слоев и появляющиеся социальные проблемы и вызовы [1, с. 58]. Как правило, ни одно социальное мероприятие или проект не обходится без материальной и финансовой поддержки. Для того чтобы организовать мероприятия высокого уровня, нужно достаточное количество материальных ресурсов, привлекаемых из различных источников: гранты, спонсорство и др. Технологию привлечения

средств из различных источников для реализации проектов принято называть фандрайзингом [2, с. 3].

Активное развитие фандрайзинга пришлось на вторую половину XX в. в США. Это было связано с возрастанием роли третьего сектора. Новый толчок развития фандрайзинг получил в 1980-е гг. в США во времена правления Р. Рейгана, когда некоммерческая сфера переживала финансовый кризис в связи с сокращением бюджетного финансирования на социальные цели. Такая же ситуация складывалась в Великобритании в 1980-е гг., во времена правления М. Тэтчер [3, с. 102]. В России использование термина «фандрайзинг» началось с переходом на рыночные условия. Говоря о нашей стране, целесообразно отметить, что фандрайзинг использовался преимущественно государственными некоммерческими организациями для покрытия дефицита финансовых средств. Несмотря на то, что фандрайзинг в США ориентирован преимущественно на поддержку негосударственных некоммерческих организаций, в России, где третий сектор находится только в процессе становления, фандрайзинг нашел новые сферы применения. Так, 51% некоммерческих организаций РФ функционирует в форме государственных и муниципальных учреждений. Это привело к тому, что фандрайзинг используется для диверсификации структуры финансирования государственных некоммерческих организаций и создания альтернативы бюджетным источникам финансирования [4].

Фандрайзинг обычно практикуется среди некоммерческих организаций. Подобная организация не имеет цели извлечения прибыли, а значит, направлена на достижение общественных благ в социальной, культурной, спортивной и других сферах. Привлекая источники финансирования некоммерческих организаций, нужен план и контроль за данной деятельностью, поэтому вскоре ввели такое понятие, как фандрайзинговая компания (FR-компания).

Фандрайзинговая компания — комплекс управленческих мероприятий по планированию, организации, проведению и контролю процесса привлечения средств в некоммерческую организацию. Отсюда появляется новая профессия — фандрайзер. Он непосредственно анализирует рынок доноров, организывает фандрайзинговые компании, определяет методы привлечения средств и многое другое. Фандрайзинговая компания для достижения поставленной цели должна пройти четыре основных этапа.

1. Первый этап заключается в планировании FR-компании [3, с. 108]:

- Разработка содержания программы привлечения средств

-
-
- Составление перечня расходов некоммерческой организации на предстоящий период
 - Определение источников покрытия расходов некоммерческой организации
 - Выбор видов фандрайзинга
2. Второй этап — реализация:
- Выбор методов проведения фандрайзинга
 - Определение ответственности за проведение FR-кампании
 - Выделение средств на реализацию FR-кампании
3. Третий этап включает в себя контроль за реализацией фандрайзинга:
- Осуществление контроля за ходом реализации FR-кампании
 - Корректировка планов с учетом произошедших изменений
4. Четвертый этап отвечает за оценку проведенной кампании:
- Определение эффективности этапа планирования
 - Анализ эффективности этапа реализации
 - Оценка эффективности конечных результатов.

В направлении фандрайзинга выделяют два основных вида, для которых сотрудники некоммерческих организаций изыскивают те или иные ресурсы: проектный и оперативный фандрайзинг [1, с. 61].

Первый вид фандрайзинга: если цель фандрайзинга сводится к приобретению средств на определенный проект, то такой вид будет носить название проектного фандрайзинга. Такой вид является более эффективным. Также это очень удобная форма получения средств для некоммерческой организации [2, 7].

Второй вид фандрайзинга направлен на покрытие текущих расходов некоммерческой организации [2, 7]. Такой вид называется оперативным фандрайзингом. Выделенные средства могут идти на заработную плату, коммунальные услуги. Заинтересованность доноров в данном виде снижается. Некоммерческие организации пользуются оперативным видом фандрайзинга тогда, когда находятся в критическом финансовом положении.

Применительно к практической деятельности социальной работы фандрайзинг выступает в качестве инновационной технологии реализации благотворительной траектории развития общества. В частности, данная форма работы активно применяется в организации благотворительной деятельности кафедры социальной работы Алтайского государственного университета.

Так, с 19 по 25 июня 2017 г. студенты-волонтеры кафедры посетили детей, находящихся в Егорьевском детском доме-интернате для умственно отсталых детей и Тюменцевском детском доме-ин-

тернате для умственно отсталых детей. Целью данной деятельности стало создание культурно-досугового пространства для повышения уровня интеграции детей в социум. В рамках данного выездного мероприятия была организована передача деткам подарков — авторских игрушек от студентов. Для обеспечения необходимыми ресурсами процесса создания подарков инициативной группой студентов была организована и реализована фандрайзинговая кампания. Итогом данной работы стало привлечение к реализации социального мероприятия представителей бизнес-структуры: сотрудники Алтайской компании ООО «Клен» выступили донорами, предоставив все необходимые материалы для пошива подарков воспитанникам интернатов.

Таким образом, фандрайзинг является одной из технологий реализации социальной работы, социального предпринимательства, позволяющей некоммерческим организациям сделать свою работу более открытой и доступной как для непосредственных потребителей их услуг, так и для коммерческого сектора в частности и всего государства в целом.

Библиографический список

1. Великжанина К. А. Фандрайзинг как технология социальной работы: история становления и направления развития в Российской Федерации // Теория и практика социальной работы: история и современность : сборник науч. трудов. — Барнаул, 2016. — С. 58–61.

2. Артемьева Т. В., Тульчинский Г. Л. Фандрайзинг: привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования. — СПб., 2010. — 286 с.

3. Шекова Е. Л. Развитие фандрайзинга в России: вопросы методологии // Вестник СПбГУ. — 2005. — № 8. — С. 101–122.

4. Фандрайзинг [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.financialguide.ru/encyclopedia/fundraising> (дата обращения: 17.11.2017).

К. В. Поневин (Барнаул)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РФ: ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

Пенсионная система России представляет собой совокупность создаваемых в Российской Федерации правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление

гражданам материального обеспечения в виде пенсии. Пенсия по государственному пенсионному обеспечению — это ежемесячная государственная денежная выплата, право на получение которой определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [1].

В Российской Федерации уже много лет идет реформирование пенсионной системы. Очевидно, насколько важны реформы для государства, для его развития и процветания, но каждая реформа — это что-то новое и порою трудно воспринимаемое. Гражданам нелегко разобраться со всеми нововведениями. Часто людям сложно пользоваться новыми услугами, которые возникли в результате реформирования. Поэтому многие реформы не принимаются и не поддерживаются населением. Для того, чтобы реформирование проходило удачно и не наносило вреда обществу, нужно изучать отношение населения к этим реформам [2].

Нами было проведено исследование мнения молодежи об изменениях в пенсионной системе, которые произошли в результате пенсионной реформы 2013–2015 гг. Пенсионная реформа 2013–2015 гг. заключалась в принятии указов и постановлений правительства, разработанных в этот период. Основные изменения в пенсионной системе в результате этой реформы заключаются в следующих положениях. С 1 января 2015 г. трудовая пенсия по старости разделилась на две: накопительную и страховую. Страховая пенсия формируется в рамках солидарной системы, т. е. страховые взносы в Пенсионный фонд идут на выплату пенсий нынешним пенсионерам. Накопительная пенсия не имеет солидарного характера и на выплаты текущих пенсий пенсионерам не идет. Взносы, направляемые на формирование накопительной пенсии, можно передать в негосударственные пенсионные фонды и в управляющие компании (частные или государственную), которые инвестируют эти средства в разрешенные законодательством инструменты финансового рынка и тем самым увеличивают суммы пенсионных накоплений с течением времени. С 1 января 2015 г. введен новый порядок формирования и расчета страховой пенсии. Страховая пенсия теперь рассчитывается не в рублях, как раньше, а в так называемых пенсионных коэффициентах или баллах [1].

До конца 2015 г. граждане, у которых накопительная часть трудовой пенсии (теперь накопительная пенсия) формировалась не в негосударственных пенсионных фондах или управляющих компаниях, а в государственном Пенсионном фонде, должны были определиться и выбрать вариант своего пенсионного обеспечения: сохранить

и накопительную пенсию, и страховую пенсию или полностью перейти только на страховую пенсию, а от накопительной отказаться [3].

В исследовании нам хотелось узнать, задумывались ли молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет над размером своей будущей пенсией и знают ли, что нужно делать в данный момент, чтобы обеспечить себе достойную пенсию.

Анкетный опрос показал, что 65% опрошенных задумывались о размере своей будущей пенсии, а 45% опрошенных даже знают, что нужно делать в данный момент, чтобы получать достойную пенсию. Также нужно отметить, что на вопрос: «Понимаете ли Вы на данный момент, что Вам необходимо делать для того, чтобы получить достойную пенсию?» — всего лишь 20% респондентов ответили «нет», а 35% — затруднились ответить.

На этапе продумывания исследования мы предполагали, что большая часть респондентов не знает о пенсионной реформе 2013–2015 гг. Полученные данные анкетного опроса опровергли эту гипотезу. 70% опрошенных слышали о данной реформе и даже знают, какие изменения произошли в результате этой реформы. Но к нововведениям данной реформы большинство респондентов отнеслись с безразличием, только 25% опрошенных полностью поддержали нововведения. На вопрос: «Согласно реформе пенсия будет рассчитываться только по «белой» официальной зарплате. Поддерживаете ли Вы данный пункт?» — 60% респондентов ответили утвердительно.

Одним из новшеств этой реформы стало то, что гражданам 1967 года рождения и моложе государство предоставило возможность выбрать пенсионную стратегию: либо оставить тариф взноса на накопительную часть трудовой пенсии — 6% либо снизить его до 2%, но увеличить размер страховой части пенсии. Для того, чтобы размер взноса остался 6%, до конца 2015 г. необходимо было перевести накопительную часть пенсии в негосударственный пенсионный фонд. В этой связи респондентам задавался вопрос о том, воспользовались ли они этой опцией. Большинство респондентов выбрали свою пенсионную стратегию. Не слышала об этом лишь малая часть опрашиваемых. Следовательно, информированность опрошенных молодых людей о пенсионной реформе довольно высока.

Таким образом, респонденты, которыми стали представители молодежи, проживающие в Барнауле, хорошо информированы о пенсионной реформе 2013–2015 гг., что очень важно для развития и улучшения функционирования пенсионной системы Российской Федерации. Также важно, что молодежь понимает и знает, что нужно делать для формирования пенсии, ведь если человек задумывается об этом

с молодости, то есть большая вероятность, что в старости он будет жить достойно.

Библиографический список

1. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 01.07.2017) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/

2. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Проблемы и перспективы жизнедеятельности населения постсоветского приграничного пространства // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — 2016. — № 8–2. — С. 10–16.

3. Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139981/8863458d8eb7847d11cfe2e5f3ae2d438a8ca3fc/

А. С. Решетова (Барнаул)

ЛИШЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ В ГОРОДЕ БАРНАУЛЕ: СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Научный руководитель — К. А. Великжанина

Рождение ребенка с необходимостью влечет за собой установление прав и обязанностей родителей. Согласно ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации «права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». Но в случае, если родители при осуществлении своих родительских прав злоупотребляют ими либо осуществляют в форме, унижающей честь, достоинство ребенка или нарушают принцип физической неприкосновенности детей, равно как игнорируют выполнение своих обязанностей иным образом, — такие родители несут ответственность, установленную законом. В таком случае во главу угла встают два вида родительской ответственности: ограничение и лишение родительских прав [1, с 46].

Ограничение родительских прав — временное отобрание ребенка у родителей (одного из них) по основаниям, предусмотренным в п.

2 ст. 73 СК РФ, без лишения их родительских прав. Это, как правило, временная мера (более мягкая по сравнению с лишением родительских прав), которая влечет утрату права родителей на личное воспитание ребенка, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (п. 1 ст. 74 СК РФ). Но, несмотря на это, ограничение родительских прав не освобождает родителей от обязанности по содержанию ребенка [2].

Ограничение родительских прав (отобрание ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав) проводится по следующим основаниям в соответствии со статьей 77 СК РФ [2]:

- если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие);
- если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

Вторая мера наказания родителей, пренебрегающих своими прямыми обязанностями по отношению к своему ребенку, — лишение прав. Лишение родительских прав — мера семейно-правовой ответственности, которая применяется судом в случае совершения родителями (одним из них) семейного правонарушения либо умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей [3].

В зависимости от конкретной обстановки в семье лишению родительских прав могут предшествовать превентивные меры воздействия на родителей (беседы, предупреждения со стороны органов опеки и попечительства, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних, оказание семье необходимой помощи и т. п.), ограничение родительских прав. Иск о лишении родительских прав должен быть предъявлен незамедлительно с осуществлением мер по защите прав и интересов ребенка вплоть до немедленного его отобрания у родителей (ст. 77 СК) [4, с. 297].

Лишение родительских прав производится только судом в порядке гражданского судопроизводства.

Родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Однако лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности содержать своего ребенка [5, с. 6]. Стоит также отметить, что лишение родительских прав не является абсолютным, т. е. на всю жизнь. Родительские пра-

ва могут быть восстановлены в судебном порядке, если родители существенно изменили свое поведение в положительную сторону [3].

Процедура лишения и ограничения родительских прав является давно созданной и действующей. Чаще всего такие дела являются закрытыми и не доступны для обсуждения в обществе. Вследствие этого образуется некий информационный вакуум, из-за которого случаи лишения и ограничения могут возрасти.

Для подтверждения или опровержения существующего мнения о низком уровне информативности граждан города Барнаула о процедуре лишения и ограничения в родительских правах, в марте нами было проведено исследование на тему «Лишение и ограничение в родительских правах в оценках общественности» в Барнауле. Данное исследование было проведено с помощью интернет-рассылки, с применением случайной выборки. В опросе приняло участие 42 человека, являющиеся жителями Барнаула. Половозрастная структура респондентов была представлена следующим образом: из общего числа участников в опросе приняли участие 54,8% мужчин и 45,2% женщин, возраст которых находился в диапазоне от 18 до 48 лет.

Респондентам был задан вопрос, знают ли они о процедурах лишения и ограничения в родительских правах. Мнения респондентов распределились так: большинство опрошенных знают о процедурах лишения и ограничения в родительских правах либо имеют представления об одной из процедур (50% и 21,4% ответов соответственно). Вместе с тем следует также отметить, что большой процент опрошенных вообще не знают и не имеют представления о данной процедуре (23,8% респондентов).

Следующим вопросом, заданным жителям города, был: «Сталкивались ли Вы с процедурами лишения и ограничения в родительских правах (лично, узнали от знакомых/друзей, СМИ)?» Исходя из ответов, большинство опрошенных людей (59,5%) совсем не сталкивались с процедурами лишения и ограничения в родительских правах, а 38,1% опрошенных имели дело с данными процедурами.

На вопрос: «Считаете ли Вы правовые акты, которые касаются лишения и ограничения в родительских прав, продуманными и действительными?» — 42,9% опрошенных по различным причинам затруднились однозначно дать ответ. Несмотря на то, что 26,2% считают правовые акты в данном вопросе эффективными и всеобъемлющими, примечательным остается тот факт, что 40,5% респондентов уверены — что процедура лишения и ограничения в родительских правах нуждается в изменениях.

Вместе с тем 76,2% ответивших знают и могут назвать органы, которые занимаются процедурой лишения и ограничения в родительских правах в Алтайском крае и Барнауле. Тогда как 23,8% респондентов не осведомлены о существующей системе социальной профилактики.

В заключительном вопросе респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале процедуру лишения и ограничения в родительских правах на сегодняшний день. При ответе на данный вопрос большинство опрошенных оценили данную процедуру на 3 балла, что по разработанной нами оценочной шкале является средним показателем.

Таким образом, в исследовании опровергается утверждение о том, что информированность населения города Барнаула о процедуре лишения и ограничения в родительских правах находится на низком уровне. Многие опрошенные знают или слышали о данной процедуре. Делая выводы из опроса, можно сказать о том, что жители города считают данную процедуру непродуманной и нуждающейся в изменениях. Следует отметить то, что люди хорошо осведомлены, какой орган в вашем регионе занимается процедурой ограничения и лишения родительских прав. Вместе с тем, на наш взгляд, в целях повышения эффективности реализации процедур лишения и ограничения в родительских правах следует подробнее рассмотреть их и, возможно, принять некие изменения и дополнения.

Библиографический список

1. Амирова Д. К. Семейное право : учебно-метод. пособие. — Казань, 2013. — 46 с.
2. Семейный кодекс РФ (СК РФ) от 28.03.2017 № 223-ФЗ // НЭБ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 28.03.2017)
3. Гребенкин В. В. Права детей на должный уровень защиты // Семейное право. — 2014. — № 1. — С. 11–12.
4. Смирновская С. И. Основания ограничения родительских прав по семейному законодательству России и Германии // Известия Оренбург. гос. аграрного ун-та. — 2012. — Т. 4. — № 28–1. — С. 295–298.
5. Краснова К. В. Лишение и ограничение родительских прав. Вопросы и ответы // Семья. — 2014. — № 15. — С. 5–7.

Т. В. Сиротина (Барнаул)

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОПРОВОЖДАЕМОГО ПРОЖИВАНИЯ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тема независимой, или самостоятельной жизни людей с инвалидностью начала озвучиваться после Второй мировой войны. Философия независимой жизни инвалидов, в т. ч. лиц с ментальной инвалидностью, развивается на основе признания права и возможности людей с разными формами и видами инвалидности выбирать самим, как жить; жить так же, как и другие, иметь возможность самим решать, что делать, с кем встречаться, куда пойти, быть ограниченным лишь в той степени, в которой ограничены другие люди, не имеющие инвалидности [1].

Сегодня в разных странах мира существует большое количество организаций независимой жизни лиц с инвалидностью, деятельность которых направлена на помощь человеку с тяжелой физической или ментальной инвалидностью в выборе наиболее подходящего для него способа проживания и доступа к необходимым услугам.

Сопровождаемое (поддерживаемое) проживание в России существует не так давно, но уже в разных субъектах РФ имеется свой опыт продвижения разнообразных форм сопровождаемого проживания [2–5 и др.]. В нашей стране на фоне отсутствия правового определения основных понятий по данному вопросу чаще используется термин сопровождаемое, или поддерживаемое проживание.

Сопровождаемое (поддерживаемое) проживание можно определить как комплекс услуг, обеспечивающих максимально возможную самостоятельность лиц с инвалидностью в организации своего быта, досуга, взаимодействия и общения с другими людьми, а также обеспечение необходимого ухода в условиях проживания вне стационарного учреждения [2].

Под ментальной инвалидностью мы, вслед за РООИ «Перспектива», понимаем обобщающий термин по отношению к интеллектуальным и психическим нарушениям, хотя они и имеют различную природу и причины возникновения [6].

Необходимо отметить, что до сих пор в отечественном законодательстве отсутствуют такие правовые категории, как независимое (самостоятельное) проживание, сопровождаемое (поддерживаемое) проживание людей с инвалидностью. Косвенно данные категории в РФ регулируются Конвенцией о правах инвалидов от 13.12.2006; Фе-

деральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»; Гражданским кодексом РФ; Федеральным законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 в ст. 19 «Самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество» закрепляет право на независимую жизнь людей, имеющих различные формы и виды инвалидности. В ст. 19 Конвенции о правах инвалидов постулируется равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания, иметь равные с другими людьми варианты выбора. Государства-участники принимают на себя обязательство реализовывать эффективные и надлежащие меры для того, чтобы содействовать полной реализации инвалидами этого права и их полному включению и вовлечению в местное сообщество, в том числе обеспечивая, чтобы: инвалиды имели возможность выбирать наравне с другими людьми свое место жительства и то, где и с кем проживать, и не были обязаны проживать в каких-то определенных жилищных условиях; инвалиды имели доступ к разного рода вспомогательным услугам, оказываемым на дому, по месту жительства и на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества. Услуги и объекты коллективного пользования, предназначенные для населения в целом, должны быть в равной степени доступны для инвалидов и отвечать их needs [7].

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» в ст. 4 «Принципы социального обслуживания» закрепляет следующие основные принципы организации и предоставления социальных услуг, чрезвычайно важные для реализации сопровождаемого (поддерживаемого) проживания лиц с инвалидностью. Это такие принципы, как: соблюдение прав человека и уважение достоинства личности; недопущение унижения чести и достоинства человека; сохранение пребывания гражданина в привычной благоприятной среде; добровольность социального обслуживания; приближенность поставщиков социальных услуг к месту жительства получателей социальных услуг и пр. [8].

Важные поправки в Гражданский кодекс РФ, впервые введенные со 2 марта 2015 г., предусматривают ограниченную дееспособность для лиц с психическими расстройствами (ст. 30) и, как следствие, расширяют возможности самостоятельного проживания для данной категории граждан [9].

Также в Федеральном законе РФ от 02.07.1992 № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в ст. 5 «Права лиц, страдающих психическими расстройствами» закреплено право пациентов на психиатрическую помощь в наименее ограничительных условиях, по возможности по месту жительства [10].

Введение вышеперечисленных правовых норм в последние годы в отечественном законодательстве расширяет возможности реализации права лиц с инвалидностью на сопровождаемое (поддерживаемое) проживание. В то же время отсутствие в правовом поле определения ключевых понятий и механизмов реализации сопровождаемого проживания наряду с активным внедрением в отечественную практику различных форм поддерживаемого проживания убедительно свидетельствует о необходимости дальнейшего реформирования отечественного законодательства с целью приведения его в соответствие с нормами международного права и дальнейшего закрепления правовых норм, направленных на улучшение положения лиц с инвалидностью в РФ.

Библиографический список

1. Философия независимой жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://perspektiva-inva.ru/philosophy-of-living>
2. Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ» [Электронный ресурс]. — URL: <http://gaoordi.ru/>
3. Сопровождаемое проживание: Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения Псковской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://clp.pskov.ru/soprovozhdhaemoe-prozhivanie>
4. Обучение самостоятельному (поддерживаемому) проживанию молодых людей с серьезными умственными и психофизическими нарушениями в «учебных квартирах»: ВООО АРДИ «Свет» [Электронный ресурс]. — URL: <http://svet33.ru/index.php?id=27>
5. Деревня «Светлана» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.camphillsvetlana.ru/>
6. Права граждан с ментальными особенностями в вопросах и ответах. Юридическое пособие. — М., 2012. — 100 с.
7. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

8. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2–13 № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

9. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

10. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Федеральный закон РФ от 02.07.1992 № 3185–1 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/

Н. А. Стерляева (Барнаул)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Одной из проблем, характеризующих неблагополучие современного российского общества, является распространение девиантного поведения среди несовершеннолетних. Растет число молодых людей, принимающих наркотики, алкоголь, остро стоит проблема суицидов в подростковой среде. Все больше несовершеннолетних вовлекаются в преступную деятельность. Причем появляются новые формы отклоняющегося поведения: подростки участвуют в экстремистских организациях, в рэке, совершают экономические преступления, занимаются проституцией и сутенерством. В 2015 г. преступность среди несовершеннолетних увеличилась на 3,8% (с 59 тыс. до 61 тыс. по сравнению с 2014 г.) [1]. Распространение девиантного поведения в подростковой среде в конечном итоге создает угрозу социальной безопасности как определенному состоянию, характеризующемуся гармонизацией отношений между государством, обществом и человеком [2, с. 183].

Для профилактики отклоняющегося поведения подростков специалисты используют следующий перечень услуг, регламентируемый национальными стандартами в области социального обслуживания:

- социально-медицинские услуги (выявление заболеваний, организация лечебно-оздоровительных мероприятий и т. д.);
- социально-психологические услуги (социально-психологическое и психологическое консультирование, психодиагностика,

- психокоррекция, психотерапевтическая помощь, социально-психологический патронаж, психологические тренинги, экстренная психологическая помощь и др.);
- социально-педагогические услуги (социально-педагогическое консультирование, социально-педагогическая диагностика, педагогическая коррекция, организация профессиональной ориентации и др.);
 - социально-правовые услуги (содействие органам опеки и попечительства в устройстве несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, содействие в привлечении к уголовной ответственности виновных в физическом и психическом насилии над детьми и др.).

Под государственной политикой предупреждения преступности несовершеннолетних понимают основанную на определенных идеях деятельность государственных и негосударственных институтов по формированию и реализации основных задач, принципов, направлений и средств предупреждения явления преступности несовершеннолетних с целью защиты человека, общества и государства от преступных посягательств [3].

Для разработки комплекса мер, воздействующих на преступность несовершеннолетних, необходимо дифференцирование их с учетом таких факторов, как возраст, место жительства, демографические особенности, социально-экономическая и криминологическая ситуация в регионе. А также необходимо ясно и четко выделить действующие причины и условия, порождающие преступность в подростковой среде.

Одним из основополагающих нормативных документов в области предупреждения преступности подростков является Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который определяет профилактику как систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении [3]. Этот правовой акт устанавливает систему органов, призванных решать задачи по профилактике детской безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, помощи детям, оказавшимся в социально опасном положении, регулирует внесудебные процедуры, связанные с участием детей и подростков, защитой их прав и интересов, а также определяет судебные про-

цедуры: направление в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, на принудительное медицинское освидетельствование и др.

Основными направлениями реализации политики предупреждения преступности несовершеннолетних являются:

- социальная профилактика (меры, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних в основных сферах жизнедеятельности);
- правовое сдерживание (профилактические нормы и система правового воспитания);
- криминологическая профилактика;
- виктимологическая профилактика (меры, направленные на формирование безопасного образа жизни несовершеннолетних, снижение риска стать жертвой преступления и ослабление виктимогенной среды);
- уголовно-правовое предупреждение (предупреждение преступлений средствами уголовного права, процесса и уголовно-исполнительного права) [4].

Непосредственно профилактические функции выполняют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы внутренних дел и их структурные подразделения. Органы опеки и попечительства, являясь частью системы профилактики, выявляют и принимают меры к устройству детей, оставшихся без родительского попечения. Важную роль в системе органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних выполняют органы управления здравоохранением и учреждения здравоохранения, управления образованием и образовательные учреждения, а также органы и учреждения культуры, досуга, спорта и туризма, уголовно-исполнительные инспекции органов юстиции, общественные объединения.

Важнейшую роль в системе профилактики преступного поведения несовершеннолетних играют социальные службы, деятельность которых направлена на социальную защиту и социальное обслуживание населения. Они организуют индивидуальную профилактическую работу в отношении детей и подростков, выявляют детей, находящихся в социально опасном положении, и предоставляют им бесплатные социальные услуги.

В настоящее время в РФ сформирована следующая структура социальных служб:

- центры социально-психологической помощи молодежи для оказания медико-психологической, педагогической помощи мо-

лодым людям, переживающим кризисные состояния, находящимся в конфликтных ситуациях;

- консультативные центры для подростков и молодежи, оказывающие квалифицированную помощь по телефону;
- приюты для подростков, создающие условия для жизнедеятельности несовершеннолетних, которые нуждаются в этом;
- центры ресоциализации молодежи, предназначенные для лиц, вернувшихся из мест заключения, и оказывающие им консультативную, социально-правовую, профориентационную и психологическую помощь, в первую очередь несовершеннолетним;
- центры информации для молодежи, оказывающие информационные и методические услуги органам исполнительной власти по делам молодежи, организациям и учреждениям, работающим с молодежью;
- территориальные центры помощи семье и детям, осуществляющие меры контроля и социального сопровождения в процессе реабилитации подростков, занимающихся бродяжничеством, употребляющих психоактивные вещества.

Работа этих служб направлена на оказание различных видов помощи молодежи, что должно способствовать в конечном итоге изменению их поведения, в том числе снижению уровня преступности, суицидов.

В настоящее время существует интернациональная ассоциация по предотвращению самоубийств, по рекомендации которой во многих странах, в том числе в России, созданы службы предупреждения самоубийств, задачей которых является организации медицинской и социально-психологической помощи людям, нуждающимся в квалифицированном совете или лечении. Проблема самоубийств на современном этапе требует детального изучения всеми социальными учреждениями в целях разработки программ профилактики и коррекции суицидального поведения несовершеннолетних.

Для повышения результативности профилактики девиантного поведения несовершеннолетних социальные службы должны проводить комплексную, систематическую работу, используя при этом межведомственный подход. Кроме того, при реализации профилактических мероприятий важное значение имеет применение программных методов, инновационных форм работы.

Библиографический список

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ, раздел «Статистика» [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru/stat/>

2. Попов Е. А. Социальная безопасность населения в условиях глобализации и модернизации мирового устройства: отклик российского приграничья // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 8. — Ч. 2. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — С. 182–190.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/12116087/>.

4. Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. — М., 2004.

А. В. Храпунов (Барнаул)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛУГ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Научный руководитель — И. В. Антонович

Большинство учреждений социального обслуживания населения в России в целом и Алтайском крае в частности проводят периодическую оценку качества социальных услуг [1]. Прежде всего, это происходит с помощью потребительской оценки качества предоставляемых в данных учреждениях социального обслуживания услуг. Это необходимо осуществлять, прежде всего, для того, чтобы оценить эффективность работы своего учреждения. Опираясь на результаты такой оценки, можно выявить плюсы и минусы в работе учреждения, его сильные и слабые стороны.

Потребительская оценка в определенной степени более объективна в силу того, что позволяет, как бы со стороны, определить эффективность работы учреждения по социальному обслуживанию. Ведь потребители услуг не являются по большому счету заинтересованными лицами, чтобы сознательно зависить или занижить оценку. Однако не стоит все-таки забывать о субъективном факторе при проведении подобной оценки. Речь идет о том, что потребитель услуг может занижить или зависить оценку вследствие того, какие чувства он ис-

пытывает после получения социальной услуги. Например, если потребитель услуг получил необходимую помощь и всем доволен, то он может в знак благодарности закрыть глаза на внешние недостатки учреждения и оценить его работу, материальное оснащение как хорошее.

Для того, чтобы более обширно и объективно понять эффективность функционирования определенного учреждения социального обслуживания в ходе мониторинга, наиболее целесообразно провести вместе с потребительской оценкой экспертную оценку социальных услуг.

Экспертная оценка качества социальных услуг подразумевает опрос самих специалистов учреждений социального обслуживания относительно их мнения по поводу качества оказания социальных услуг и работы своего учреждения. Данный опрос позволит понять другую точку зрения, нежели опросы потребителей услуг.

Стоит заметить, что для грамотного проведения потребительской и экспертной оценки качества социальных услуг нужен хорошо разработанный инструментарий, а также методы, при помощи которых будет осуществляться оценка. Как правило, чаще применяют опросные методы: анкетирование, интервью или экспертный опрос. Такие методы сбора информации не сильно затратные и позволяют получить достаточно достоверную информацию.

Также необходимо учитывать то, по каким показателям следует проводить потребительскую и экспертную оценку качества оказания социальных услуг.

Оценка качества социальных услуг, как и социальное обслуживание в целом, осуществляется на основе нормативно-правовых актов федерального и регионального уровня.

Основным нормативно-правовым актом в области всего социального обслуживания населения является Федеральный закон № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. Данный Федеральный закон закрепляет правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан в РФ; полномочия федеральных органов государственной власти и полномочия органов государственной власти субъектов РФ в сфере социального обслуживания; права и обязанности потребителей социальных услуг; права и обязанности поставщиков социальных услуг [2].

Также необходимо отметить основные национальные стандарты в области оказания социальных услуг населению. Одним из них является ГОСТ Р 52143–2013 «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг». В стандарте определяются основ-

ные виды социальных услуг гражданам, находящимся в социально-опасном положении (СОП).

В качестве другого важного стандарта в области социального обслуживания выступает ГОСТ Р 52142–2013 «Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг». Областью применения этого стандарта являются социальные услуги, оказываемые населению, а также утверждение основных положений, определяющих качество социальных услуг [3].

Можно отметить также документ федерального значения, касающийся организации и проведения независимой оценки качества предоставления социальных услуг. Этот документ — постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2013 № 286 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги».

В этом документе зафиксированы базовые правила формирования независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги. Данные правила выявляют порядок формирования независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, реализуемой с помощью участия и на основе мнения общественных организаций, профессиональных сообществ, СМИ, а также специальных рейтинговых агентств и других экспертов с целью повышения качества работы данных учреждений [4].

Таким образом, применяя потребительскую и экспертную оценку качества социальных услуг вместе, можно более полно, с разных позиций рассмотреть достоинства и недостатки данного учреждения, сравнить мнения потребителей услуг и специалистов. На основе анализа такой разносторонней оценки качества социальных услуг самим специалистам будет проще в выборе наиболее приемлемого формата оказания социальной помощи.

Библиографический список

1. Калинина Ю. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г. Методика независимой оценки качества работы организаций социального обслуживания населения в Алтайском крае в 2016 г. // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 9 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2017. — Ч. 1. — С. 212–217.

2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 442 от 28.12.2013 [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

3. Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг: ГОСТ Р 52142–2013 [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru/70696920/

4. О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2013 № 286 [Электронный ресурс]. — URL: www.rosmintrud.ru/docs/government/113

А. В. Чубукова (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В последнее время в нашей стране звучит термин «синдром выгорания» применительно к профессиям, где взаимодействие с людьми является основой деятельности. Работа с людьми предполагает общение, а при общении необходимо проявлять эмоции. Но некоторые профессии требуют переизбытка общения, и результатом может стать безэмоциональность, равнодушие. Одной из таких является профессия специалиста по социальной работе.

Синдром выгорания как проблему рассматривали различные ученые — психологи, социологи, педагоги, как отечественные, так и зарубежные.

В современной специальной литературе авторы для характеристики влияния профессиональной деятельности на личность специалиста и ее проявления используют также выражение «деформация личности».

Деформация личности — это изменение ее качеств и свойств (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения) под влиянием тех или иных факторов, имеющих для нее жизненно важное значение [1, с. 36].

Профессиональная деформация возникает на этапе профессионального обучения, когда формируются профессиональные качества и система этих качеств, позволяющих в дальнейшем стать эффективным специалистом. Тем самым профессиональная деформация является необходимым условием профессионализации личности.

Сегодня же под профессиональной деформацией понимают деструкции, которые возникают в процессе выполнения профессиональной деятельности и негативно влияют на ее продуктивность, ис-

кажают личностные качества, способствуют накоплению негативных признаков.

Характерно, что представители социономических профессий, которые постоянно взаимодействуют с людьми (врачи, педагоги, социальные работники, психологи, милиционеры, руководители разного уровня и др.), в наибольшей степени подвержены профессиональной деформации. Это вызвано тем, что общение с другими людьми обязательно включает и их воздействие на специалиста. Испытывающий эмпатию и сопереживающий клиенту специалист как бы принимает на себя особенности личности своего партнера по деловому общению и его проблемы, что является небезопасным для его психического здоровья [2, с. 236].

В целом, говоря о последствиях воздействия профессиональной деятельности специалиста социальной сферы, можно выделить:

- 1) позитивные последствия (личностный рост): более глубокое осознание себя, понимание окружающих людей и происходящих событий; анализ жизненных ситуаций. Проявление новых форм самореализации; способность к рефлексии; навыки продуктивного преодоления кризисных и психотравмирующих ситуаций; коммуникативные навыки; противостояние чуждому влиянию; способность к принятию и эмпатии; более широкий взгляд на мир, толерантность к «инакомыслящим»; познавательный интерес;
- 2) негативные последствия (профессиональная деформация): проецирование негативной проблематики на себя и своих близких; навязчивая диагностика себя и окружающих; консультирование окружающих; принятие роли учителя; пресыщение общения; излишний самоконтроль и потеря спонтанности; эмоциональная холодность; цинизм; рационализирование, стереотипизирование и уменьшение чувствительности к живому опыту [3, с. 178].

Одной из наиболее распространенных форм нарушений профессионального здоровья является профессиональное выгорание — выработанный личностью защитный механизм в ответ на психотравмирующие воздействия в сфере профессиональной деятельности.

Понятие выгорания (burnout) связывается с именем американского психиатра Х. Фройденберга, который ввел его для обозначения негативного состояния здоровых людей, оказывающих профессиональную помощь нездоровым людям в условиях интенсивного общения. Первоначально под выгоранием подразумевалось состояние изнеможения, истощения и переживания собственной бесполезности.

В 80-х гг. прошлого века К. Маслач и Дж. Джексон, продолжая исследования burnout, сформулировали характерные признаки последствий рассогласования между работником и профессией. К ним ученые отнесли: физическое и эмоциональное истощение; развитие отрицательной самооценки; негативное отношение к работе; утрату понимания и сочувствия со стороны субъектов делового общения.

В отечественной психологии первые упоминания о феномене выгорания можно найти в работах Б. Г. Ананьева, который употреблял термин «эмоциональное сгорание» (термин, аналогичный понятию «выгорание») для обозначения некоторого отрицательного явления, возникающего у людей профессий типа «человек-человек» и связанного с межличностными отношениями. Данный феномен, однако, был только зафиксирован, но не подтвержден дальнейшими эмпирическими разработками.

Синдром выгорания не только различно интерпретируется, но и обозначается. Понятие «эмоциональное сгорание» подчеркивает нарушение в эмоциональной сфере, возникающее как результат неблагоприятного разрешения стресса на рабочем месте в условиях профессиональной адаптации. Синдром эмоционального выгорания рассматривается как механизм психологической защиты в ответ на психотравмирующие воздействия, как специальная регулятивная система, стабилизирующая личность и помогающая устранить или свести до минимума чувство тревоги, вызванное осознанием конфликта. Эмоциональное выгорание рассматривается как процесс, разворачивающийся во времени [4, с. 95].

На основе анализа работ ученых можно выделить следующие факторы возникновения синдрома выгорания: неудовлетворенность работой; оплата труда; возраст, стаж работы и удовлетворенность карьерой; пол; личностные факторы; ожидания работников; ролевые факторы (к ним относят ролевой конфликт, ролевую перегруженность, ролевую неопределенность); организационные характеристики (различные характеристики организационной среды, такие как кадровая политика, график работы, характер руководства, система вознаграждений, социально-психологический климат и т. п. могут влиять на развитие стресса на рабочем месте и, как следствие, выгорания).

Таким образом, факторы, влияющие на деформацию специалиста, могут быть объективными (организационные и ролевые), порожаемыми условиями самой работы или неправильной ее организацией (например, переутомление, чрезмерная психологическая напряженность в работе с клиентами, отрицательный социально-пси-

хологический климат в коллективе), и субъективными (например, особенности личности).

Помимо факторов риска развития синдрома выгорания исходную область зоны стабильности определяют следующие факторы: тип высшей нервной деятельности (темперамент); отсутствие врожденной предрасположенности к заболеваниям, физической слабости и болезней родителей, приводящих к инвалидизации, психических заболеваний родителей; отсутствие психологических и физических травм в детском возрасте. Частые болезни в детстве, лишение дома, насилие в семье являются факторами, уменьшающими зону стабильности; наличие семейных традиций является еще одним фактором, определяющим исходную область зоны стабильности.

Именно перечисленные факторы определяют зону стабильности. Чем больше негативных факторов отмечается, тем меньше исходная зона стабильности и тем больше специалист подвержен воздействию факторов риска, способствующих развитию синдрома выгорания.

Таким образом, в современных условиях специалисты социальной сферы являются профессиональной группой, особенно подверженной эмоциональным нагрузкам. Работа таких специалистов предъявляет к ним высокие требования, особо ответственна и потенциально содержит в себе опасность тяжелых переживаний, связанных с рабочими ситуациями, и вероятность возникновения профессиональной деформации. Специалисты социальной сферы постоянно сталкиваются с негативными переживаниями, оказываются в большей или меньшей степени вовлеченными в них.

Библиографический список

1. Юдчиц Ю. А. К проблеме профессиональной деформации // Журнал практического психолога. — 2008. — №7. — С. 35–42.
2. Г. Х. Мусина-Мазнова и др. Инновационные методы практики социальной работы : учеб. пособие. — М., 2014. — 325 с.
3. Орел В. Е. Синдром психического выгорания: мифы и реальность. — Харьков, 2014. — 294 с.
4. Водопьянова Н. Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания. — СПб., 2011. — 159 с.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

СТАЦИОНАРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В системе стационарного обслуживания в последнее время произошли большие изменения. Если раньше стационарное обслуживание обеспечивало только медицинскую и бытовую поддержку пожилых граждан, то на сегодняшний день такие учреждения уже выполняют и другие функции. В стационарах предоставляются психологические и правовые услуги. Также большое внимание стало уделяться и организации досуга пожилых людей, для того чтобы помочь им адаптироваться в новых условиях. В домах-интернатах, куда помещаются пожилые люди, нуждающиеся в стационарном обслуживании, предлагается огромный спектр услуг, который в комплексе помогает пожилому человеку поддерживать свое физическое здоровье, бороться с психологическими трудностями, поддерживать социальные контакты, сохранять активную жизненную позицию и получать новые знания.

В последнее десятилетие активно стали обновляться и совершенствоваться стационарные учреждения для пожилых людей, такие как дома-интернаты и геронтологические центры [1, с. 158]. Сформировалась даже система стационаров для дневного пребывания пенсионеров. Помимо этого, в деятельность учреждений стационарного социального обслуживания внедряются различные методы и технологии, разработанные для пожилых людей, проживающих в этих организациях. Действительно, граждане пожилого возраста нуждаются в большом спектре услуг [2, с. 152]. Такие технологии создаются для того, чтобы улучшить качество обслуживания пожилых людей.

Учреждения стационарного социального обслуживания осуществляют мероприятия по созданию благоприятных условий проживания для пожилых. Они обеспечивают реабилитационные формы работы медицинского, социального, лечебно-трудового, культурно-досугового характера, но не всегда достаточно применения традиционных методов работы с пожилыми, и необходимо использование дополнительных ресурсов, для того чтобы улучшить жизнь пожилого человека в стационаре. Повышение качества социального обслуживания пожилых людей в стационарных условиях зависит от разработки и применения реабилитационных и адаптационных программ, обеспечивающих улучшение их качества жизни [2, с. 152].

Особенное внимание должно уделяться именно организации досуга, благодаря которому пожилой человек может легче адаптироваться в сложных для него условиях. К тому же многие методы и технологии, которые могут быть применимы в досуговой деятельности, благотворно влияют на здоровье человека, повышают его настроение и формируют позитивный настрой.

С целью анализа отношения специалистов к применению технологий организации досуга пожилых людей в стационарном учреждении было проведено эмпирическое исследование на базе Барнаульского дома-интерната для престарелых и инвалидов. В результате экспертного опроса выяснилось, что специалисты считают арт-терапию технологией, которая может решить некоторые психологические и эмоциональные проблемы пожилых людей. Эксперты отметили, что такие виды арт-терапии, как рисование и изотерапия, наиболее эффективны в организации досуга пожилых. Музыкаотерапия и сказкотерапия благотворно влияют на состояние пожилых людей, которые находятся в стационарном учреждении социального обслуживания. Также был задан вопрос о необходимости внедрения новых технологий в организацию досуга пожилых людей в учреждении. Большинство экспертов не дали однозначного ответа, 50% выбрали вариант «скорее да, чем нет». Точно необходимым применение новых технологий считают 37,5% опрошенных специалистов, а 12,5% не считают необходимым использовать новые технологии в организации досуга пожилых и ответили «скорее нет, чем да».

Далее был задан вопрос о характере влияния досуговых технологий на состояние пожилых людей. На выбор было предложено четыре варианта ответа, а также специалисты могли написать свой вариант. По итогам 25% опрошенных отметили, что разные формы досуговой деятельности улучшают эмоциональное состояние пожилых людей. Большинство экспертов, 37,5%, отметили, что все перечисленные варианты (влияние на позитивную динамику в лечении пациентов, улучшение эмоционального состояния и помощь в социальной адаптации пациентов) верны и досуговые технологии помогают пожилым людям справляться практически со всеми проблемами, с которыми они сталкиваются, проживая в стационарном учреждении. Некоторые специалисты отметили, что разные формы досуговой деятельности помогают пожилым людям разрешить психологические трудности.

Таким образом, проведенное исследование в области стационарного социального обслуживания граждан пожилого возраста позволяет сделать вывод, что применение разнообразных технологий в до-

суговой деятельности в целом позитивно влияет на пожилого человека, улучшает его физическое и эмоциональное состояние, повышает уверенность в себе. Специалисты считают необходимым применение традиционных технологий в досуговой деятельности пациентов, таких как арт-терапия, музыкотерапия. Накоплен большой опыт по внедрению данных форм в досуг пожилых, и они успешно практикуются специалистами. Именно поэтому эксперты предпочли арт-терапию и музыкотерапию другим технологиям, считая их самыми оптимальными и необходимыми, и предпочли бы разрабатывать и применять программы по данным формам работы.

По результатам исследования, проведенного на базе Барнаульского дома-интерната для престарелых и инвалидов (ветеранов войны и труда), разработана программа по арт-терапии с элементами музыкотерапии для организации досуговой деятельности пожилых людей. Новизна данной программы состоит в том, что сочетание двух таких технологий, как арт-терапия и музыкотерапия, никогда не использовалось в работе с пожилыми людьми в доме-интернате, но благодаря результатам экспертного опроса стала понятной необходимость их объединения в одной программе. Использование этой программы поможет специалистам в установлении контакта с пожилыми людьми, ее применение позволит пациентам изменить свой настрой, избавиться от депрессивных переживаний, преодолеть эмоциональную напряженность и даже улучшить состояние здоровья. Применение этой программы способствует совершенствованию досуговой деятельности пожилых людей в учреждении, положительно влияет как на физическое, так и на психологическое и духовное здоровье пациентов.

Библиографический список

1. Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми : учеб. пособие. — 2-е изд. — М., 2003. — 296 с.
2. Чуканова Т. В. Совершенствование пенсионного обеспечения как основа социального благополучия населения региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2011. — № 3. — С. 234–242.
3. Тишкова Е. В., Чуканова Т. В. Инновации в системе социального обслуживания граждан пожилого возраста // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — № 8–2. — С. 151–154.

С. Е. Шашуров (Казань)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пенсионный фонд РФ, в качестве структурного элемента системы пенсионного обеспечения, служит механизмом социальной защиты граждан и играет значительную роль в мобилизации и эффективном использовании сбережений граждан. Деятельность Пенсионного фонда Российской Федерации осуществляется на основании Положения о Пенсионном фонде РФ, утвержденного Постановлением Верховного Совета Российской Федерации № 2122–1 от 27 декабря 1991 г., и действующего законодательства [1, с. 231].

Проводимая с 2002 г. пенсионная политика была направлена на обеспечение социально приемлемого уровня пенсий. Модернизация отечественного пенсионного законодательства может обеспечить долговременные прочные гарантии надежности, стабильности пенсионной системы и, как следствие, повышение благополучия всех российских пенсионеров, поэтому была разработана стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Реформирование социальной сферы страны повышает значимость качественного развития системы Пенсионного фонда РФ. Как показывает мировой опыт, успешная реализация программы реформирования сопряжена с изменением ранее сложившейся организационной культуры.

В Пенсионном фонде РФ наличествует строго иерархическая, вертикальная структура, поэтому ее организационная культура более формальна и консервативна, нежели в организациях с горизонтальной структурой управления.

Накопленный опыт в части исследований по организационной культуре государственной службы, имеющий большое значение в социологии и управленческой науке, показывает, что в центре внимания российских и зарубежных социологов стоят разнообразные проблемы организационной культуры: выявление значимых ценностей; выявление элементов организационной культуры; влияние организационной культуры на развитие предприятия (роль культуры); определение функций, типов организационной культуры; понимание инновационной составляющей организационной культуры; выявление характера коммуникаций госслужащих; определение поведенческих качеств госслужащих, их инициативность; ответственность структуры организации ее задачам и функциям; мотивация

вания государственных служащих. Получили развитие исследования компаративного характера.

Вторичный анализ позволил выявить определенные тенденции в организационной культуре ПФР: повышение внимания к культурным и морально-этическим аспектам деятельности сотрудников, повышение значимости их целерационального поведения, недооценка роли миссии, которая, как известно, является одним из важнейших элементов организационной культуры.

Специфика ПФР, как государственной организации, заключается в том, что она изначально являлась закрытой бюрократической организацией, действующей строго по уставу. Элементами ее организационной культуры выступают нормы и ценности, удовлетворенность трудом, социально-психологический климат, мотивация, лояльность, которые могут быть объектом рационального управленческого воздействия [2].

Проведенное социологическое исследование, посвященное организационной культуре ПФР и мотивации сотрудников системы пенсионного обеспечения, позволило выявить ее специфику.

Организационная культура ПФР более формальна и консервативна, чем в организациях с горизонтальной структурой управления; она является административной. В основе деятельности сотрудников стоят четкость планирования и распределения заданий руководителями. Организационная культура ПФР ориентирована на роли, которые определяются нормами, закрепленными нормативно или негласно существующими в организации. Решения принимаются, базируясь на существующих нормах и четкой иерархии.

Организационная культура ПФР в последние годы характеризуется ростом уровня инновационного творчества: повышается креативность сотрудников, проводятся конкурсы на лучшие идеи, творческие конкурсы, вводится проектное управление. В связи с тем, что ценятся умение работать в коллективе, партнерские отношения, развиты социальные связи и очень значима социально-психологическая атмосфера, организационная культура характеризуется коллективизмом. Подавляющую часть сотрудников составляют женщины (88%), социально-психологический климат играет большую роль. Преобладающим типом взаимоотношений являются отношения взаимопомощи и взаимовыручки. При принятии и исполнении решений взаимодействие сотрудников основывается на регламенте должностной субординации.

Исследование показало, что в качестве ценностей сотрудников выступают: материальное стимулирование (95% опрошенных); со-

циальная защищенность (80% опрошенных); удобный режим работы (40% опрошенных); благоприятная психологическая атмосфера в коллективе (60% опрошенных); проведение корпоративных мероприятий (53% опрошенных); возможность проявить себя в работе, конкурсах (40% опрошенных); моральное поощрение (доска почета, почетные грамоты, благодарности) (10% опрошенных).

Таким образом, основную ценность для сотрудников представляют материальное стимулирование (стабильный оклад, надбавки, премии) и социальная защищенность (медицинская страховка, пенсионные взносы, членство в профсоюзе, предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска (24 дня) и т. д.). Также огромное значение в системе ценностей имеет благоприятная психологическая атмосфера в коллективе. Для сотрудниц в возрасте от 25 до 40, имеющих детей, важен график работы, а также возможность смещения графика работы на час. Участие в корпоративных мероприятиях, творческих конкурсах, возможность участия в проектах имеют большое значение преимущественно для молодых сотрудников. Моральное поощрение же наименее значимо среди сотрудников, наиболее — для сотрудников, недавно принятых на работу и предпенсионного возраста. Это связано с тем, что, в соответствии с изменением в законодательстве, почетные грамоты ПФР не могут являться основанием для присвоения звания «Ветеран труда». Но для вновь принятых сотрудников общественное признание имеет большее значение, чем возможность получения звания. Сотрудники предпенсионного возраста с большим стажем же могут претендовать на то, что их заслуги будут отмечены Министерством труда и занятости РФ, так как ведомственные знаки отличия министерств дают право на предоставление звания «Ветеран труда» [3].

Очень важным элементом организационной культуры ПФР является социально-психологический климат, расположенный в модели в центре: если социально-психологический климат не устраивает сотрудника, работающего в организации, то он не будет мотивирован. Социально-психологический климат оказывает влияние на лояльность и мотивацию. Также на мотивацию влияет «принадлежность» к социально-значимой организации. Например, миссия Отделения ПФР по Республике Татарстан звучит как «Мы заботимся о настоящем и будущем каждого». То есть каждый сотрудник осознает, что от его работы зависит благополучие граждан, а это повышает его социальную ответственность [4].

Хочется отметить, что не только организационная культура влияет на работников, но и работники влияют на организационную культуру.

туру. Так, в Отделении ПФР по Республике Татарстан жесткая бюрократическая организационная культура начала меняться с приходом молодых руководителей и сотрудников, стала более гибкой, более приспособленной к изменениям. Таким образом, специфика модели организационной культуры ПФР заключается в том, что системообразующими факторами являются нормы, ценности и удовлетворенность трудом.

Библиографический список

1. Основы пенсионной системы Российской Федерации / под ред. А. С. Груничева, М. М. Имамова, Л. Н. Мишиной, А. Р. Шафигуллина. — Казань, 2007. — 280 с.
2. Пенсионный фонд Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pfrf.ru/>.
3. О порядке учреждения ведомственных знаков отличия, дающих право на присвоение звания «Ветеран труда», федеральными органами исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и награждения указанными знаками отличия : Постановление Правительства РФ от 25 июня 2016 г. № 578 // Российская газета. — 2016. — № 152. — 13 июля.
4. Отделение ПФР по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pfrt.ru/>.

А. Н. Шрайбер (Барнаул), Т. Штро (Магдебург, Германия)

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ГЕРМАНИИ (на примере Magdeburg–Stendal University of Applied Sciences)

Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (специализированный деп г. Магдебурга) основан в 1991 г. В настоящее время в вузе функционируют пять факультетов, на которых обучаются около семи тысяч студентов. Это инженерные науки и промышленный дизайн; прикладные гуманитарные науки; охрана природы и водные ресурсы; экономический факультет; социальная работа, здравоохранение и коммуникации. Предполагаются различные формы обучения — очная, заочная, совмещенная (Dualstudium) [1].

В настоящей статье рассматривается подготовка специалистов факультета социальной работы, здравоохранения и коммуникации по направлению «Менеджмент в здравоохранении» очной формы обучения.

Учебная программа. Обучение по специальности «Менеджмент в здравоохранении» происходит по модульной системе. Длительность обучения на прикладном бакалавриате составляет шесть семестров. На весь период обучения предполагается 23 модуля, представляющих собой сочетание лекционных, семинарских и практических занятий по определенному специальному предмету [2]. В каждом семестре студент осваивает несколько модулей в соответствии с учебным планом.

В первом семестре предполагается освоение шести модулей. Это теоретические и практические основы написания научной работы; наука о здоровье; биология и медицина; социология, психология и педагогика; теоретические основы спорта. В течение первого семестра студенты осваивают правила написания реферата, курсовой или дипломной работы с момента определения проблематики и темы исследования до обработки и представления полученной информации. Один из модулей предполагает практику после первого семестра, которая длится шесть недель. Во время практики студенты пишут работу по заданной проблематике. Работа включает в себя обоснование актуальности социальной проблемы, ее изучение, разработку рекомендаций по оптимизации социальных процессов.

Во втором семестре студенты изучают предметы с 7 по 11 модули. Это основы эмпирических исследований и статистика. В рамках практических занятий происходит освоение программы SPSS. Для обучающихся предоставляются базы данных реальных социологических исследований в рамках тематики специализации (здоровый образ жизни, страховые медицинские выплаты, оптимизация рабочих мест и пр.). Аттестация по данному модулю проходит в два этапа: теория и практические задания. Следующие модули — социальная медицина; социальная политика и право; стратегия поддержания здоровья; экономика предприятия и финансирование.

Третий семестр состоит из предметов с 12 по 17 модули. Это виды статистических исследований и анализ данных в системе здравоохранения; психическое здоровье населения; политика в сфере здоровья и здравообеспечение; поддержание здоровья в организациях (в этом модуле рассматриваются стратегии и техники оптимизации условий труда на предприятиях); управление в сфере здравоохранения. Один из модулей предполагает проведение социологического исследова-

ния и разработку проекта по заданной теме. Как правило, подобные задания выполняются в группах по 10–15 человек, где каждому студенту отведена определенная функциональная нагрузка. Под руководством преподавателя создается проект разрешения одной из актуальных социальных проблем, связанных со спецификой направления подготовки. Аттестация по данному модулю проходит в виде публичной защиты проекта перед аудиторией, состоящей из экспертов по исследуемой проблематике, носителей изучаемых социальных проблем. Во время обсуждения происходит оценка эффективности, реальности внедрения проекта в социальную среду.

В четвертом семестре преподаются дисциплины, составляющие 18–20 модули: поддержание здоровья на уровне человека, на уровне населенного пункта и на уровне окружающей среды.

В пятом семестре в рамках 21 модуля каждый студент обязан пройти производственную практику (длительность 20 недель). Причем выбор принимающей организации остается за студентом. Возможно три варианта прохождения практики: 1) обучение в течение одного семестра на факультете социологии в Университете Отто фон Герике (г. Магдебург) для студентов, которые в дальнейшем планируют продолжать обучение в магистратуре; 2) обучение в течение одного семестра в зарубежном вузе для студентов, владеющих английским языком (факультет сотрудничает с вузами Норвегии, Дании, Финляндии, Швеции и др.); 3) практика в коммерческой/государственной организации.

Практика в организации проходит в полноценном рабочем режиме с 40-часовой рабочей неделей. Студент сам занимается поиском производственной площадки для прохождения практики путем рассылки резюме и прохождения собеседования. Алгоритм поступления в организацию на практику схож с устройством на работу. Но если возникают проблемы с поиском предприятия, то в помощь студенту подключается куратор, который занимается распределением студентов, утверждением плана практики, производственных целей и задач.

Некоторым студентам удастся найти предприятие, которое обеспечивает его не только практикой, но и заработной платой, выступает исследовательской площадкой для написания дипломной работы. По окончании практики студент обязан предоставить на факультет отчет.

В заключительном, шестом семестре преподаются обобщающие весь пройденный материал предметы (2 модуля). Итогом обучения становятся сдача аттестационного экзамена и написание выпускной дипломной работы.

Выпускная дипломная работа может быть как теоретической (обзор научной литературы по актуальной проблематике), так и эмпирической (прикладное исследование с разработкой рекомендаций). Как правило, обучение заканчивается в июле, до этого времени студент обязан сдать аттестационный экзамен и дипломную работу на проверку, научному руководителю или другому эксперту (на выбор) необходимо ее проверить и назначить дату публичной защиты. Защита дипломной работы проходит индивидуально, в удобное для научного руководителя и студента время. После успешной сдачи аттестационного экзамена и защиты выпускнику вручается диплом бакалавра с указанием специализации. В описанном случае — «Менеджмент в здравоохранении».

По окончании обучения распределение и трудоустройство выпускников не предусмотрено. Руководство вуза объясняет это тем, что государственный заказ на подготовку специалистов по каждой специальности четко соблюдается. Вероятность того, что выпускник не сможет трудоустроиться по специальности, минимальна.

Система оценивания. В вузе принята рейтинговая система оценивания. Рейтинг строится на основе оценок, полученных за сдачу экзаменов и дополнительных бонусных баллов, которые добавляются студенту за посещение и активную работу на занятиях. Оценки представляют собой систему от 1 до 5, где 1 — «отличное знание предмета», 5 — «не сдал». Принято также вводить десятичные значения для более точного и объективного оценивания (1,0; 1,3; 1,7; 2,0; 2,3 и т. д.). К подобным оценкам прибавляются дополнительные бонусные баллы, таким образом формируется рейтинг студента по модулям.

Условия поступления

Для поступления в вуз необходимо предоставить следующие документы: заявление, аттестат об окончании гимназии/аттестат профессионального обучения (аттестаты из средней школы, профессиональной школы не рассматриваются) либо документы, подтверждающие наличие высшего образования (диплом бакалавра/магистра), резюме и мотивационное эссе, для иностранных абитуриентов языковой сертификат уровня «С1». Подать документы можно как в письменной форме, так и онлайн на интернет-платформе вуза.

Отбор происходит на конкурсной основе (при ограниченном количестве мест, средняя оценка аттестата должна быть 2,3 и меньше). Подавать документы на поступление можно с мая до 15 июля, для специальностей с ограниченным количеством учебных мест сроки подачи варьируются в зависимости от специальностей и сроков начала занятий.

При зачислении студент получает доступ к своей студенческой почте и аккаунту на учебной платформе. Через эту платформу студенты получают от преподавателей лекции, учебные материалы, задания и могут сами отправлять преподавателю выполненные задания на проверку. Студенческий билет является не только документом, подтверждающим статус студента, но и проездным билетом на всех видах общественного транспорта и абонементом библиотек всех учебных заведений города.

В Германии существует тесная связь между подготовкой специалистов и государственным заказом. Связь обеспечивается строгой регламентацией контрольных цифр приема по различным направлениям подготовки, обучение студентов происходит на бесплатной основе, коммерческих мест в вузе не предусмотрено. Такая политика обеспечивает высокий процент трудоустройства выпускников по специальности.

Библиографический список

1. Hochschule Magdeburg-Stendal [Electronic resource]. — URL: <https://www.hs-magdeburg.de/home.html>
2. Modulhandbuch [Electronic resource]. — URL: https://www.hs-magdeburg.de/fileadmin/user_upload/Fachbereiche/SGW/files_BA_GFM/modulhandbuch-september-2013-final.pdf

Раздел IV

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ**

И. И. Банникова (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ г. БАРНАУЛА К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Вследствие глобальных изменений в России, начавшихся в конце XX в., подверглись разрушению сложившиеся основы жизни, системы ценностей и идеалы, на которых выросли многие поколения. Произшедшая переоценка ценностей привела к падению значимости норм и появлению ценностно-нормативной неопределенности. Стремительное изменение жизненной сферы и формирование новой обстановки, не имеющей четких ориентиров, стало причиной возникновения страха перед действительностью. Этот страх породил стремление уйти от реальности, что привело к всплеску девиантных проявлений, в том числе аддикций в виде ощущаемой человеком навязчивой потребности в определенных веществах, предметах, видах деятельности. Стремясь уйти от реальности, люди прибегают к употреблению различных аддиктивных агентов (алкоголь, наркотики, табак, токсические вещества и т.д) либо вовлекаются в такие виды деятельности, как компьютерные, азартные игры, переедание или голодание, работа, длительное нахождение в сети Интернет и т.д.

По данным Всемирной организации здравоохранения, распространение у людей различных зависимостей в начале XXI в. принимает характер эпидемии, которая затрагивает более 400 млн человек [1].

Проблема аддиктивного поведения распространилась и по всей территории России, будь то город-мегаполис или маленькое село. Не стал исключением и Алтайский край. Результаты исследования, проведенного в Алтайском крае в 2010 г., показали, что в общем рейтинге актуальных проблем региона алкоголизм и наркомания занимают пятое и седьмое места соответственно [2]. В 2015 г. в рейтинге алкоголизации из 85 регионов России Алтайский край занял 35 место [3]. Проблема курения в регионе стоит также остро: доля активных курильщиков составляет 35%, пассивное курение увеличивает эту цифру в два раза [4]. Если химические аддикции достаточно исследованные явления, то аддикции поведенческие (технологические и пищевые аддикции, аддикции к покупкам и т.д.) только начинают изучаться.

Одной из самых насущных проблем современного общества стала проблема аддиктивного поведения молодежи, что представляет собой

угрозу как для расширения человеческого потенциала, так и для здоровья, благополучия и безопасности всего населения, это проблема, разрушающая общество страны изнутри. «Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств и обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь», — отмечает О. Н. Колесникова [5, с. 93].

Студенчество как потенциально наиболее значимая движущая сила социокультурных изменений в данном случае представляет особый интерес. Студенты, являясь наиболее восприимчивой, интеллектуальной и активной частью молодежи, быстро реагируют на какие-либо общественные изменения. В этой связи по нравственному состоянию студенчества можно судить о состоянии всей молодежи и общества в целом. Это подтверждает высокую социальную значимость обозначенной проблемы [6].

Феномен аддиктивного поведения исследуется в рамках различных наук: философии, социологии, психологии, юриспруденции, медицины, педагогики и др. Изучение проблемы аддиктивного поведения в отечественной науке началось в трудах психологов и социологов: Б. Д. Карвасарского, А. О. Бухановского, Т. А. Донских, Н. В. Дмитриева, Н. Л. Бочкарёва, В. Д. Менделевича, В. С. Битенского, С. А. Кулакова, А. Е. Личко, А. Е. Войскунского, Е. В. Змановской. Большой вклад в исследование проблемы аддиктивного поведения личности внесли такие отечественные ученые, как А. С. Белкин, В. Н. Кудрявцев, Д. А. Сепс, А. М. Яковлев. Среди исследований 90-х гг. XX в., посвященных проблемам аддиктивного поведения, необходимо выделить работы В. Ф. Абрамкина, В. М. Димова, С. А. Завражина, Н. Ю. Максимовой, Ю. С. Шевченко, положившие начало изучению профилактики аддиктивного поведения в молодежной среде. Также проблемы аддиктивного поведения молодежи пристально изучали ученые Р. К. Мертон, С. Г. Ольков, П. А. Сорокин и др. Отклонение поведения в подростковом возрасте изучали: Е. П. Ильина, В. Поликарпова, Н. Залыгина, Я. Обухова, Ц. П. Короленко, А. С. Тимофеева.

В зарубежной психологической науке феномен аддиктивного поведения изучается в таких направлениях, как психоанализ (А. Адлер, Э. Берн, П. Блос, Г. Гартманн, З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон), интеракционизм (Т. Шибутани), когнитивная психология (Р. Бэндлер, Дж. Гриндер, Дж. Келли, Г. Олпорт, Л. Фестингер), гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл), гештальтпси-

хология (М. Вертхаймер, В. Келер, К. Коффка, К. Левин и др.), психосинтез (Р. Ассаджиоли).

Значительный вклад в науку аддиктологию и исследование вопросов аддиктивного поведения внесли такие зарубежные ученые, как Д. Р. Меерс, Л. М. Доддс, а также В. Миллер, М. Ландри, Д. Доттер, П. Монсон, Х. Хэйес, Л. Вёсмер, С. М. Даулинг.

Сама широта явления и динамика аддиктивного поведения вызывают повышенный интерес к исследованию данного феномена. Отсутствие актуальной информации, касающейся отношения студентов Барнаула к аддиктивному поведению, побудило на проведение собственного эмпирического исследования.

В рамках исследования планируется: определить мнение студентов Барнаула по поводу опасности аддиктивного поведения (различных его форм) как для личности, так и для общества в целом; выявить отношение студенческой молодежи края к аддиктивным личностям; выяснить мотивы, которыми руководствуются молодые люди, становясь аддиктами. Особый интерес представляет вопрос, касающийся собственного определения студентами того или иного вида нехимической аддикции: в каком видят они психическое расстройство, а какой определяют как обычную привычку или способ времяпрепровождения.

Полученные в ходе исследования данные отразят отношение барнаульских студентов к аддиктивному поведению, что обогатит знание по данной проблеме, сделает его более широким и многогранным. Определив отношение, оценку человека к какому-либо явлению, объекту или событию, мы в некоторой степени можем предопределить его поведение, так как зачастую люди ведут себя в соответствии со своими убеждениями. Поэтому результаты исследования могут стать основой для дальнейшего изучения аддиктивного поведения в среде студенческой молодежи.

Библиографический список

1. Мировая статистика здравоохранения 2011 г. — ежегодный доклад ВОЗ // Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mednet.ru/ru/novosti/>
2. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. и др. Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алт. гос. ун-та. — 2011. — № 2. — С. 231–234.
3. Ивушкина А. В России составили рейтинг алкоголизации регионов [Электронный ресурс]. — URL: <http://iz.ru/news/596460>

4. Жители Алтайского края могут вылечиться от курения бесплатно [Электронный ресурс]. — URL: http://www.katun24.ru/news/39074/?sphrase_id=107201

5. Колесникова О. Н. Социологический портрет молодежи Алтайского края (по результатам исследований) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2012. — С. 88–93.

6. Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Некоторые проблемы воспитания студенческой молодежи // Молодежь и образование. — М., 1972.

Д. И. Ганеева (Казань)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (на примере Республики Татарстан)

Научный руководитель — Ф. Ф. Ишканиева

В связи с переходом современного российского общества к информационному этапу развития практически во всех сферах происходят масштабные институциональные и технологические изменения, основанные на использовании потенциала ИКТ. Значимые преобразования происходят и в сфере управления. Организация государственного управления с точки зрения его эффективности — ключевой вопрос для развития любой страны [1, с. 8].

С внедрением информационно-коммуникативных технологий в данную сферу связываются большие надежды. На государственном уровне прописаны стандарты и необходимые подготовительные процедуры для перехода к новым технологиям [2, с. 95–101]. Процесс трансформации государственного управления под влиянием внедрения информационно-коммуникативных технологий заключается во введении новых инструментов и механизмов управления. Предполагается, что новые инструменты обеспечат гораздо более эффективную работу государственного аппарата и, как следствие, ускорение экономического развития. Однако, поскольку используемые технологии недоработаны, механизмы управления, ис-

пользующие их, недостаточно эффективны. Несмотря на то, что новые механизмы управления направлены в первую очередь на обеспечение взаимодействия общества и государства, население не владеет полной информацией о них, следовательно, не готово к их использованию в полной мере. В результате реализуемые практики управления не всегда совпадают с теми стратегиями, которые декларировались изначально.

С целью анализа эффективности реализуемых практик, качества деятельности механизмов управления, основанных на ИКТ, нами был проведен анализ действующих электронных ресурсов Республики Татарстан. Республика Татарстан является одним из наиболее развитых регионов Российской Федерации по уровню информационно-коммуникативных технологий. В республике запускается множество проектов, в частности, связанных с внедрением ИКТ в управление. Одним из таких проектов является портал «Народный контроль», созданный согласно указу Президента Республики Татарстан от 01.06.2012, на примере которого была проанализирована работа новых механизмов управления, призванных обеспечить взаимодействие общества и государства [3].

Работа портала изучалась при помощи двух методов: это метод контент-анализа (для изучения функционирования портала, а также активности жителей республики) и дискурс-анализ мнений жителей республики о работе портала.

Портал «Народный контроль» — это площадка, на которой осуществляется обсуждение нормативно-правовых актов и на которой каждый пользователь может опубликовать информацию, требующую внимания со стороны правительства республики и различных ведомств. Предполагается, что основная функция портала — развитие системы информационного взаимодействия между гражданами, исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления в Республике Татарстан с использованием сети Интернет и обеспечение учета мнений граждан при совершенствовании деятельности исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

С начала 2017 г. на портале было зарегистрировано 35830 сообщений пользователей, при этом наиболее популярные категории — «Благоустройство территории» (14018 сообщений) и «Содержание и ремонт муниципальных дорог» (9581 сообщение).

Отчет организаций и ведомств, ответственных за выполнение соответствующих работ, производится в комментариях к заявке. При этом заявки получают статус, отражающий стадию выполнения

работ. Из 35830 заявок, оставленных пользователями, 27380 заявок имеют статус «заявка решена», 1129 — «в работе», 5679 — «запланировано», 1562 заявок получили мотивированный отказ.

Однако решение заявки не означает наличия действительных изменений: такой статус заявка может приобрести в случаях, если решение заявки не представляется возможным, а также в случае передачи заявки какому-либо ведомству, вынесения вопроса на обсуждение. Таким образом, число решенных заявок значительно преувеличено: при наличии категорий «мотивированный отказ» и «в работе» для отчета используется статус «заявка решена», не соответствующий действительности.

Следовательно, наблюдается отсутствие реакции на существующие заявки в виде полного игнорирования или признания заявки выполненной, в то время как выполненной она не является. Мотивированный отказ зачастую не является мотивированным, а содержит перенаправления в другие органы или формальные свидетельства о невозможности реализации заявки.

Кроме того, данное заключение подкрепляется выводами, полученными по результатам дискурс-анализа. Следует отметить, что на портале не организовано отдельной площадки для выражения замечаний и предложений пользователей — при наличии замечаний пользователям предлагается заполнить электронную форму, которая впоследствии не отображается на портале. Поэтому зачастую пользователи высказывают свое мнение на других площадках, в частности, в комментариях к статьям в электронных изданиях. Наиболее активно работа портала обсуждается в электронной газете «Бизнес-Онлайн»: за 2017 г. была опубликована 41 статья о работе портала, получившая в общей сложности более 650 комментариев пользователей. По результатам дискурс-анализа комментариев были сделаны следующие выводы:

1. «Народный контроль» не воспринимается как способ решения проблем жителей республики. Комментаторы высказывали мнение о том, что решается лишь малая доля проблем, опубликованных на портале:

«Кроме количества поданных жалоб в 1200 штук, еще указали бы, сколько из них были обоснованными и по какому их количеству были приняты ну хоть какие-то решения. И все стало бы ясно — пустой пшик весь этот «Народный контроль».

2. Некоторые комментаторы видят проблемы работы портала в излишней бюрократизации: жалобы передаются из ведомства в ведомство, в результате так и остаются нерешенными:

«Беспользый сервис, некомпетентные сотрудники. Любая заявка ходит по рукам из ведомства в ведомство, от назначено до переназначено проходит по полгода, выносят и «мотивированные отказы» по заявкам...»

3. Кроме того, наблюдается негативное отношение некоторых комментаторов к практике обращений через «Народный контроль» — жалобы жителей республики воспринимаются как «доносы»:

«В детстве нас учили, что ябедничать нехорошо...»

«1937 год. Мы доносили друг на друга как могли.»

По результатам дискурса-анализа отмечено негативное отношение части населения к практике взаимодействия с администрацией республики через систему «Народный контроль» — сами обращения граждан воспринимаются некоторыми пользователями негативно («доносы»), что, совместно с отсутствием решения проблем, на которые указывают жители республики, усугубляет положение и способствует все большему отказу от использования портала как средства достижения лучшего состояния республики.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на наличие разных каналов обращения в различные органы государственного управления, их функционирование нельзя назвать эффективным: обилие обращений граждан по различным вопросам не оставляет возможности для качественной обработки обращений и оперативного ответа. Пользователи отмечают, что часто результатом обращения становятся формальные отписки или бесконечные перенаправления в другие органы.

Несмотря на то, что формально предлагаемые новые инструменты управления привлекательны и, на первый взгляд, способны улучшить взаимодействие власти и общества, не отработаны механизмы их реализации, что подтверждается различными исследованиями [4, с. 256]. В результате на практике это приводит не просто к отсутствию функциональности проекта, а к неэффективному расходованию ресурсов, как материальных, так и трудовых, и увеличению бюрократических барьеров.

Для достижения поставленной цели по обеспечению информационного взаимодействия общества и власти необходимо комплексное реформирование самой системы управления, поскольку технологии в данном случае — лишь инструмент, который не может существовать сам по себе и должен быть подкреплён эффективной системой управления. Если этого не произойдет, нельзя говорить о том, что в ближайшее время внедрение ИКТ приведет к качественным позитивным изменениям в государственном управлении.

Библиографический список

1. Государственное управление. Основы теории и организации : учебник / под ред. В. А. Козбаненко. — М., 2000. — 366 с.
2. Инновационная Россия — 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). — М., 2011. — 148 с.
3. Народный контроль : Портал государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан [Электронный ресурс]. — URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/open-gov/> (дата обращения: 21.11.2017)
4. Ишкинеева Ф. Ф. Роль информационно-коммуникативных технологий в организации эффективного взаимодействия власти и общества // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 21 (312). Серия: Филология. Искусствоведение. — Вып. 80. — С. 254–257.

Т. О. Гоношилова, К. В. Перепелкина (Барнаул)

РИСК СОЦИАЛЬНОГО ЭСКАПИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Научный руководитель — М. И. Черепанова

XXI век — век информационного общества, эра развития новых технологий и инноваций. Современного человека очень сложно представить без компьютера, смартфона, планшета или какого-то иного гаджета. Современные технологии являются нормой общественной жизни, с помощью них люди общаются, работают, проводят свой досуг. Молодые люди, в погоне за новинками и более престижными гаджетами, отделяются от реальной жизни и уходят в мир виртуальный [1]. Друзей им заменяют социальные сети, они постоянно прослушивают музыку по пути домой, в общественном транспорте, тем самым все больше отдаляясь от реальности. В статье представлен анализ исследования проблемы эскапизма в молодежной среде.

Актуальность изучения социального эскапизма обусловлена тем, что важно ответить, насколько сильнее ему подвержены молодые люди, которые пользуются электронными устройствами, чем те, кто ограничивает их использование. Насколько распространено само явление эскапизма и знания о нем? Важно не упустить тот момент, когда распространение эскапизма наберет критические обороты и станет глобальной проблемой [2].

Современное общество — это общество информатизации, в котором с каждым днем все больше и больше появляются и развиваются различного рода новые технологии. Ими пропитана вся жизнь человека из XXI в., ведь уже невозможно представить полноценную деятельность без компьютера, а смартфон является его «карманным заменителем» [3, 4]. Новые технологии упрощают общение, стирают границы стран и городов, помогают провести свой досуг, являются неотъемлемой частью работы. Молодые люди наиболее подвержены влиянию новых технологий, они активно используют их в своей жизни, с их помощью заменяя реальный мир на виртуальный.

Повышенная склонность молодежи к уходу от реальности, к опосредованному гаджетами общению, к чрезмерному использованию технических устройств ставит перед обществом проблему социального эскапизма. Необходимо установить связь между использованием молодежи новых технологий и их склонностью к социальному эскапизму, чтобы предупредить распространение данной проблемы повсеместно [5].

Современное общество есть общество риска, ни одна из сфер социума не остается неподверженной риску. Модернизация и информатизация являются одним из существенных процессов современного общества, что неминуемо ведет к росту индивидуализации и технократии, а это проявляется в замены человеческого общения новыми технологиями. Социальные риски значительно меняют практически все аспекты человеческой жизни, усиливая риск отчуждения человека от реальных коммуникаций и способствуя росту социального эскапизма в разных его проявлениях [6].

Если говорить непосредственно об эскапизме, то под ним следует понимать уход личности от реальности в силу недовольства и неприятия сложившихся в обществе норм и ценностей. Под социальным эскапизмом подразумевается стремление человека отгородиться от общества, исключить социальные контакты и изолировать себя от общественной жизни, включает в себя такие явления, как дауншифтинг, кидалт, социальная изоляция, хикикомори и т. д. Преимущественно социальный эскапизм выступает как негативное явление, т. к. нарушает социализацию индивида, отстраняет его от общества, ведет к деградации личности или, в крайней форме, к суициду. Уход может осуществляться посредством вступления в субкультуры, социальной изоляции, перехода в виртуальную реальность и т. д. К основным причинам возрастающего уровня социального эскапизма можно отнести защитную реакцию, утрату смысла существования, отчужденность от общепринятых стандартов, упрощение социальных коммуникаций, нарушение социализации личности, противоречия

современного общества, появление новых субкультур, которые связаны с социальным эскапизмом.

Развитие социального эскапизма, в частности, также обусловлено развитием новых технологий, которые постепенно вытесняют ранее сложившиеся социальные практики, в том числе коммуникативные.

Эмпирическая база исследования, представленного в статье, включает результаты социологического опроса на тему «Риск социального эскапизма молодежи при использовании новых технологий», которое проходило в 2016–2017 гг. в АлтГУ. В опросе приняли участие 100 респондентов. Формирование выборки производилось методом случайного отбора. Полученные результаты были проанализированы с помощью методов математической статистики, в том числе факторного анализа. По итогам факторного анализа и глубинного интервью можно сделать следующие выводы о факторах и условиях социального эскапизма в молодежной среде: сложности в общении, замкнутость человека, его нежелание устанавливать социальные контакты влияют на формирование социального эскапизма. Склонность к уходу от реальности, постоянное пребывание в своих мечтах, заикленность на себе и своих проблемах способствуют социальному эскапизму. Отсутствие значимых социальных связей, в частности любовных отношений, партнера, нежелание заводить семью является, с одной стороны, значимым условием, а с другой — результатом формирования социального эскапизма молодежи.

Недостаток внимания или чрезмерная опека со стороны семьи влияют на склонность к социальному эскапизму в дальнейшей жизни человека.

Гаджеты оказывают непосредственное влияние на формирование социального эскапизма молодежи, т. к. дают возможность изолироваться от общества и являются посредником между личностью и социумом.

На основании полученных и проанализированных данных исследования риска социального эскапизма молодежи при использовании новых технологий были сделаны следующие выводы: установлена низкая теоретическая осведомленность молодежи о таком явлении, как социальный эскапизм. Среди молодежи преобладает отрицательное отношение к явлению эскапизма, большая часть молодых людей не отмечает своей склонности к эскапизму. Выраженность эскапизма имеет возрастные границы в молодежной среде: нарастает к 20 годам, а на спад идет после 23 лет. Большей склонностью к эскапизму обладает молодежь, имеющая незаконченное высшее образование, что совпадает с возрастными границами нарастания социального эскапизма. Люди, находящиеся в зарегистрированном браке

или когда-либо состоявшие в нем, менее склонны к эскапизму, чем те, кто в браке не состоял. Молодые люди с выраженным социальным эскапизмом чаще других используют различные технические устройства для проведения своего досуга. Молодежи с выраженным эскапизмом сложнее общаться с другими людьми, в связи с этим эскаписты чаще предпочитают гаджеты общению со своими друзьями. Молодые люди с выраженным эскапизмом чаще предпочитают такой образ жизни, который связан с уединением, природой и свободой от городской суеты. Среди факторов и условий формирования социального эскапизма в молодежной среде следует выделить: нежелание устанавливать социальные контакты, трудности в общении, замкнутость, заикленность на себе, на своих проблемах, отсутствие партнера, отношений, семьи, недостаток внимания или чрезмерная опека со стороны семьи, чрезмерное и неконтролируемое стремление к использованию различного рода новых технологий.

Что касается межличностного общения, то молодежь с выраженным эскапизмом предпочитает ограничить свои контакты с обществом, имеет узкий круг общения, им сложнее коммуницировать с другими людьми.

Было выявлено, что молодые люди с выраженным социальным эскапизмом чаще других используют различные технические устройства для проведения своего досуга, а также предпочитают свои гаджеты времяпровождению с друзьями.

Молодые люди с выраженным эскапизмом чаще предпочитают такой образ жизни, который связан с уединением, природой и свободой от городской суеты.

Среди факторов и условий формирования социального эскапизма в молодежной среде были выделены факторы: личностные, коммуникативные, социальные.

Была установлена низкая осведомленность молодежи о таком явлении, как социальный эскапизм, а также преобладание отрицательного отношения к данному явлению.

Таким образом, наряду с другими причинами, существует риск социального эскапизма при использовании новых технологий. Следовательно, необходимо уделить особое внимание чрезмерному использованию молодежью различных гаджетов, чтобы предотвратить распространение социального эскапизма.

Библиографический список

1. Черепанова М. И. Социальные риски как факторы, формирующие поведенческое пространство молодежи Алтайского края // Со-

циология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2012. — С. 131–138.

2. Черепанова М. И. Проблемы профессионального призвания студенческой молодежи в условиях меняющегося российского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2009. — С. 131–138.

3. Черепанова М. И. Рискологический подход к анализу современных социальных явлений // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Барнаул, 2013. — С. 234–239.

4. Hamilton C., Mail E. Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness. The Australia Institute Discussion Paper. — No. 50. — 2015. — 12 p.

5. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York, 2011. — P. 13.

6. Maddi S. R. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning. — Mahwah, 2017. — 372 p.

В. А. Гудым (Барнаул)

НАЛИЧИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА КАК РЕЗУЛЬТАТ УХУДШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Здоровье — это сложный многомерный феномен, имеющий гетерогенную структуру, сочетающий в себе различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого бытия [1, с. 56]. Формирование здоровья обусловлено действием множества факторов различной природы — экзогенных и эндогенных, объективных и субъективных, находящихся в неразрывной связи и взаимодействии. В настоящее время прослеживается резкое ухудшение здоровья населения России, что чаще всего приводит к преждевременным смертям. Имеющиеся проблемы уже долгое время раскрываются в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях, являясь темой для обсуждения как медицинской, так и социологической науки.

Причиной многочисленных смертей в большинстве стран мира являются неинфекционные заболевания (НИЗ), к которым в первую очередь относятся сердечно-сосудистая патология, злокачественные новообразования, хронические респираторные болезни и сахарный

диабет (СД). В России данные заболевания служат причиной 75% всех смертей, при этом 56% из них приходятся на сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ). Сохраняется высокая смертность от болезней системы кровообращения [2, с. 7]. Этих смертей можно было бы избежать с помощью профилактических мероприятий, снижающих уровень подверженности людей факторам риска (ФР) [3, с. 20].

Факторы риска, детерминирующие здоровье человека, можно разделить в зависимости от направленности воздействия на факторы антириска (укрепляющие здоровье) и факторы риска (ухудшающие здоровье). Факторы антириска повышают сопротивляемость человека факторам риска. Предполагается, что эффективность факторов антириска является для здоровья более высокой, чем устранение привычных ФР [4, с. 23].

Определение социальных ФР диктуется содержанием категории «социальное», под которой понимаются специфические характеристики взаимодействия индивидов как членов общества. «Социальное» проявляется на уровне личности, группы, в устойчивых практиках, организующих общественную жизнь, и на уровне общества в целом. Следовательно, социальные факторы риска могут проявляться на различных уровнях, в соответствии с уровнями существования социального.

В монографии А. А. Шабуновой определены следующие группы ФР, воздействующие на здоровье [5, с. 23]:

1. Социально-экономические факторы (низкий уровень образования, некомфортность жилья, неправильное питание), зависящие от материального благополучия и социального статуса населения. В 2008 г. факторы данной группы отмечались у 67% населения (60,1% в 2000 г.). Изменение их распространения зависит от эффективности мер социальной политики, направленных на повышение уровня жизни населения.

2. Поведенческие факторы риска, связанные с образом жизни населения (курение, употребление алкогольных напитков, низкая физическая активность, отсутствие профилактики болезней). Распространение этой группы факторов в популяции в 2008 г. составило 93% (91,1% в 2000 г.). Противодействие этим факторам возможно лишь при условии ответственного отношения населения к сохранению здоровья и осознанной мотивации на изменение образа жизни.

3. Медико-биологические факторы: возраст, наличие хронических заболеваний. Представительство факторов данной группы среди населения составляет 52% (57% в 2000 г.) Их минимизация зависит от качества и доступности медицинской помощи.

Сотрудниками Краевого центра медицинской профилактики было проведено масштабное медицинское обследование жителей сельской местности Алтайского края [6, с. 96]. Основанием для проведения социологического исследования стали медицинские данные, зафиксированные в индивидуальных картах здоровья, которые были статистически обработаны и проанализированы.

Целью исследования стало изучение распространенности основных ФР, таких как нерациональное питание, низкая физическая активность (НФА), избыточная масса тела (ИМТ), повышенный уровень артериального давления (АД), глюкозы, холестерина, курение и употребление алкоголя, среди жителей сел Алтайского края. Материалом для анализа явились представительные выборки населения 14 районов Алтайского края — 2815 человек, из них 681 мужчин (24,2%) и 2134 женщин (75,8%).

С наличием всех факторов риска выявлено 89,5% сельских жителей (2519), из них 83,3% (567) мужчины и 91,5% (1952) женщины.

В результате удалось сделать следующие выводы:

1. Выявлена высокая распространенность факторов риска — 89,5% (2519). Это позволяет сделать вывод, что сельское население трудоспособного возраста Алтайского края можно отнести к группе высокого риска появления в будущем различных заболеваний, некоторые из них могут привести к смерти. Лидирующие по показателям факторы риска — ИМТ/ожирение, повышенный уровень холестерина, повышенный уровень АД.

2. Выявлена высокая распространенность такого фактора риска, как ИМТ/ожирение. По данным ЭССЕ- РФ, распространенность ИМТ составила 29,7% [2]. Оценивая данные, полученные в районах Алтайского края, можно констатировать, что больше чем у половины обследуемых — 52,5% (1477) обнаружена избыточная масса тела, это в 1,5 раза больше, чем по России. Это свидетельствует о том, что ½ сельского населения можно отнести к группе высокого риска.

3. Распространенность гиперхолестеринемии в РФ, по данным ЭССЕ, составила 58,4% [2, с. 35]. Было обнаружено, что распространенность данного фактора в Алтайском крае достаточно высока — 43,6% (1228). Таким образом, распространенность повышенного уровня холестерина по России выше, чем в Алтайском крае. Кроме того, гиперхолестеринемия у женщин встречается в два раза чаще, чем у мужчин.

4. Распространенность повышенного уровня АД составила 41,6% (1171). По результатам ЭССЕ распространенность АД в РФ составила 43% [2, с. 36]. Можно сделать вывод, что распространенность повышенного уровня АД по России в целом выше, чем в Алтайском крае.

Таким образом, необходимо снижение удельного веса наличия социальных факторов риска, ухудшающих здоровье населения. В первую очередь требует изменения понимание последствий наличия факторов риска для человека и общества. Пропаганда здорового образа жизни является главным решением данной проблемы. Ведущую роль в этой связи займет общество, ведь, учитывая социальность человека, общественное мнение формирует жизненные установки и ценности индивида. В настоящее время по всей России создаются медицинские центры профилактики, которые занимаются формированием навыков здорового образа жизни и повышением уровня санитарно-гигиенической культуры населения. Проводится работа по выявлению лиц с факторами риска, ведется активная борьба с вредными привычками. Разрабатываются различные проекты и программы, совершенствуются существующие методики, направленные на укрепление здоровья населения и снижение смертности по России в целом. Надеемся, что данное направление будет и дальше активно развиваться.

Библиографический список

1. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки : учеб. пособие. — М., 2001. — 165 с.
2. Бойцов С. А. Эпидемиологический мониторинг факторов риска хронических неинфекционных заболеваний в практическом здравоохранении на региональном уровне. Методические рекомендации. — М., 2016. — 77 с.
3. Шальнова С. А. Распространенность и прогноз ишемической болезни сердца среди населения 55 лет и старше в условиях крупного промышленного центра (популяционное исследование). — М., 2016. — 114 с.
4. Ищейкина Ю. А. Идентификация и значение факторов риска и антириска болезней системы кровообращения // Актуальные проблемы транспортной медицины. — 2009. — №4 (18). — 233 с.
5. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. — Вологда, 2010. — 213 с.
6. Репкина Т. В., Осипова И. В., Чиркина И. В., Ударцев А. В., Гудым В. А. Распространенность факторов риска ХНИЗ у жителей сельской местности Алтайского края // Профилактическая медицина. — 2017. — № 15. — С. 87–91.

Т. А. Душина (Барнаул)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

Данная тема актуальна, так как семья — один из фундаментальных институтов общества, придающий ему стабильность, а также решающий задачи демографической политики — восполнения населения в каждом последующем поколении. При этом семья является сплоченной и стабильной ячейкой общества — малой социальной группой.

Можно утверждать, что на современном этапе развития общества институт семьи находится в состоянии кризиса. Что же привело к кризису семьи как социального института? Каковы основные тенденции развития семьи в современных реалиях? Рассмотрим их.

Форма семейно-брачных отношений изменялась в ходе культурно-исторического развития. Поэтому в разных частях света преобладают различные формы семей. Примером может служить тот факт, что на окраинах нашей страны (Северный Кавказ, некоторые районы Дальнего Востока и другие) преобладает тенденция патриархальных взаимоотношений в семье, в то время как для центральной части характерна эгалитарная форма семьи. Именно эгалитарная семья является сейчас наиболее распространенной формой семейных отношений.

Во-первых, возрастает приоритет индивидуальных интересов над родовыми. Имеет значение и то, что нацеленность на получение высшего образования преобладает над желанием создания се, следовательно, уменьшается количество ранних браков, увеличивается при этом количество осознанно создаваемых союзов. Во-вторых, индивидуальный выбор является основным критерием создания семейно-брачных отношений. Отошла тенденция, при которой союз создается в результате договора между старшими представителями семей. Естественно, в районах, где сохранены традиции вступления в брак таким образом, эта система остается. Но именно индивидуальный выбор преимущественен для современных семей. Он же является фактором осознанности своего выбора, что теоретически уменьшает риски распада семьи. В-третьих, индивидуальное планирование рождаемости, при котором пары сами регулируют, когда и сколько им заводить детей. Этот феномен «отодвигает» срок вступления в брак молодых людей и создания полноценной семьи. Также регулирование рождаемости позволяет достигать определенных успехов в плане обучения и карьерного роста, что положительно отразится на общей картине развития общества. Но данный критерий может

служить и показателем нежелания молодых людей брать на себя ответственность, создавая семейные отношения, предполагающие рождение детей.

Кризис семьи можно наблюдать, исходя из следующих тенденций:

- поздние браки;
- снижение брачности становится нормой, отношение к людям, никогда не вступавшим в семейные отношения, терпимое;
- увеличение числа разводов вследствие демократического атрибута в виде личной свободы, при котором каждый индивидуально делает выбор в плане своего брачного состояния [1, с. 180–181];
- малодетные или бездетные семьи, так как возрастает желание индивидов в самореализации и занятиях внесемейными видами деятельности;
- рост числа неполных семей, сиротства и беспризорности детей;
- снижение или отсутствие отцовской воспитательной роли;
- появление однополых браков приводит к бездетности семей и, по сути, является тупиковой ветвью в развитии семьи.

Сложность в изучении данной проблематики состоит в том, что взаимоотношения в семье, функции семьи изменяются вместе с социальной обстановкой в стране, с преобразованием главных целей, стоящих перед обществом. Роль семьи не исчерпывается только воспроизводством населения, семья способствует развитию общества и его прогрессу. Но в данный период времени у молодых людей наблюдаются огромные трудности в создании и сохранении семьи [1, с. 183]. Рассмотрев различные аспекты тенденций развития современной семьи, мы можем говорить о кризисе современных семей.

Тема тенденций в развитии современных семей актуальна для изучения [2]. Полученные знания применимы в различных сферах жизни социума, так как семья является первичной единицей в социализации индивида и важной ячейкой общества. Выявляя тенденции, можно влиять на их движение и запускать механизмы, регулирующие данные процессы. Таким образом обеспечивается благоприятная атмосфера для жизнедеятельности общества и устраняются препятствия в развитии социально здоровых последующих поколений.

Библиографический список

1. Социология / под ред. В. Н. Лавриненко. — М., 2001. — С. 180–183 [Электронный ресурс]. — URL: <http://socioline.ru/pages/sotsiologiya-uchebnik-dlya-vuzov-pod-redaktsiej-vn-lavrinenko> (дата обращения: 14.12.2017)

2. Попов Е. А., Коростелева О. Т., Миронова С. В., Меженин Я. Э. Социология и социальное мышление: вызовы и ответы для других наук // Политика и общество. — 2016. — № 6. — С. 803–810.

Ф. Б. Журавлев (Барнаул)

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ БОДРИЙЯРА И ВЕБЛЕНА

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

Данная тема является актуальной со времен становления капиталистического общества и по сей день. Более того, чем дальше, тем больше ее актуальность. Связано это с тем, что западная модель общества в современном мире является доминирующей. Подтверждается тезис Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», согласно которому либерализм (а вместе с ним, соответственно, капитализм и западный стандарт потребления) победил всех своих конкурентов на идеологическом уровне, и в дальнейшем история будет представлять только процесс распространения этих идей по миру. Скорее всего, не все страны перейдут к политическому и экономическому либерализму, однако он останется мировым доминатором [1, с. 1].

Более того, либеральные ценности все чаще и чаще понимаются как сами собой разумеющиеся, причем в основном людей привлекает не тип организации политической системы, а именно уровень доходов, который позволяет обеспечить высокий уровень потребления. Таким образом, при всей критике общества потребления возможность попасть в такое общество является для многих желанной.

Проблема общества потребления, к которому непременно ведет развитие капитализма, приходит во все большее количество стран, в том числе в страны, для которых экономический либерализм является новинкой, включая и бывшие страны советского лагеря. Резкий переход к капиталистическому типу производства и потребления связан с большими трудностями. Одним из тех, кто изучал общество потребления, был французский социолог и философ Жан Бодрийяр. Его он рассматривал с позиции философии постмодернизма, одним из теоретиков которой он являлся. Бодрийяр — антикосьюмерист, то есть его взгляды на общество потребления — отрицательные.

Потребление связано со знаковой системой [2, с. 3], присущей для всей реальности. Более того, оно предстает в виде симулякра —

знака, не имеющего никакого отношения к реальности, который, тем не менее, становится единственной существующей реальностью, побуждающей индивида к каким-либо действиям [2, с. 4]. Бодрийяр рассматривает потребление как цепную психологическую реакцию, которая направляется современной магией [2, с. 3], природа которой бессознательна. Потребление предметов больше не связано с их сущностью — речь идет скорее об отчужденных знаках предметов, которые существуют лишь в связи друг с другом.

Значительную часть поведения и чувств человека Бодрийяр объясняет включенностью в механизм общественного потребления. Даже понятие счастья (в том числе счастье как степень довольства общественным устройством) понимается как величина потребления, то есть, по сути, сводится к количественным характеристикам [2, с. 11], к обладанию знаками, которые наделяются значимостью (вне зависимости от полезности и действительной стоимости предметов, которые сами по себе уже ничего не значат).

Демократию Бодрийяр также объясняет через свойства потребления. Равенство людей понимается как равенство потребительских способностей, равенство перед знаками успеха и благосостояния [2, с. 11]. Потребление через обладание нужными предметами рассматривается как способ преодолеть отрыв от классов, находящихся выше в социальной иерархии.

Само потребление оказывается оторванным от человека. Во-первых, оно абсолютно, человек никак не может повлиять на то, что постоянное потребление оказывается смыслом жизни общества. Во-вторых, поведение человека в такой ситуации оказывается иррациональным. В современной цивилизации не существует рационального потребителя, самостоятельно осуществляющего свой выбор. Индивидуальный, продиктованный реальными потребностями выбор иллюзорен — он продиктован самой структурой общества потребления, придающей значение не предметам, а абстрактным ценностям, тождественным отчужденным от них знакам. Потребности производятся вместе с товарами, которые их удовлетворяют. В основе выбора товара лежит стремление к социальному отличию, и, поскольку поддержка таких отличий есть жизненное условие существования современной цивилизации, потребность всегда остается неудовлетворенной.

При всей значимости потребления, на деле оно оказывается абсолютно бессмысленным. Бодрийяр вскрывает фундаментальное свойство общества потребления: само по себе оно является бессмысленным, поскольку не исходит из понятия пользы, а совершает по-

требление ради потребления [2, с. 9], экономика растет ради роста, из-за чего система общества оказывается способна поддерживать свою жизнеспособность только в условии постоянного роста. Поощряемая государством и бизнесом постоянная переквалификация кадров, психологическая вредоносность конкурентной среды, расточительство — все это рассматривается Бодрийяром как целенаправленная производительная сила, извлекающая из всего ресурс роста [3, с. 65].

Другим ученым, изучавшим общество потребления, был американский экономист Торстен Веблен. Он обосновывал принцип функционирования общества потребления через термин «демонстративное потребление». Этот термин связан с понятием престижа, который как феномен возник сразу после появления частной собственности. Первой частной собственностью были, однако, не предметы обихода, потому что они не мыслились в подобном ключе. Ею являлись угнанные из чужих племен женщины, которые брались в жены и принадлежали уже исключительно одному человеку. Вместе с самими женщинами присваивались и продукты их труда, вследствие чего появилось и закрепилось право собственности на вещи. Эти два института закрепились в форме обычаев и стали знаковыми символами, подтверждающими достижения и силу их владельцев [4, с. 33].

Следующий этап развития права собственности связывается Вебленом с производственной деятельностью. Период, когда показателем твоей доблести были военные трофеи, выигранные в последней битве, уходит в прошлое, оставляя за собой привычку определять социальное положение и статус человека на основании накопленного им богатства. Таким образом, в любом обществе, где существует хоть малейшее разделение труда и налажена производственная деятельность, будет существовать и негласный мотив конкуренции, которая выражается в том, что индивиды не просто стараются достичь определенного уровня богатства, а вместе с ним и места в социальной иерархии, они также стараются обладать определенным набором знаков и символов, отождествленных с определенным социальным положением [4, с. 35].

Итак, демонстративное потребление включает в себя не только экономическое содержание, но и социальное. Им, как правило, не могут заниматься малоимущие классы, заработка которых хватает только на поддержание жизни (однако встречаются и такие примеры, отдающие немногие имеющиеся у них деньги за вещь, которую обычно могут позволить себе более состоятельные люди). Тенденция подкреплять свой социальный статус уровнем своего потреб-

ления увеличивается по мере продвижения от низших слоев к высшим. У высших слоев больше средств, они могут (в теории) себе позволить купить большее количество вещей, а значит, они должны делать это и на практике, потому что самим характером установлена четкая корреляция между доходами и расходами.

У каждого социального класса существует некоторая доля материальных ценностей, базовый набор благ, которым необходимо владеть человеку, который хочет соотносить себя или соотносит с данной группой. По мере продвижения вверх по социальной лестнице человеком движет мотив «денежного соперничества»: целью становится приобретение большего денежного капитала, а значит, и власти, признания, уважения со стороны остальных членов общества. Достигнув некоторого желаемого экономического состояния, данный стандарт подменяется новым, и человек вынужден снова и снова приобретать вещи, чтобы его считали представителем того класса, с кем он себя сравнивает [4, с. 36].

Как мы видим, и Бодрийяр, и Веблен изучают феномен общества потребления и самого потребления как такового не только с экономической точки зрения, но и в значительной степени с социальной, рассматривая те социально обусловленные мотивы, которые заставляют индивида наращивать потребление. Сам же принцип наращивания потребления (т. е. его постоянный рост) рассматривается как основополагающий. В таких условиях социология должна изучить возможные альтернативы обществу потребления, а также просчитать перспективы развития, чтобы прогнозировать общественно-экономические изменения.

Библиографический список

1. Горбунов В. «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы // Валерий Горбунов: проект «Занимательная политэкономика» [Электронный ресурс]. — URL: <http://v-gorbunov.net/>
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. Е. А. Самарская. — М., 2006. — 269 с.
3. Меженин Я. Э. Социальный институт обращений граждан в органы власти: Становление и функционирование в России. — М., 2016. — 104 с.
4. Торстейн В. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / пер. с англ., под общ. ред. В. В. Мотылева. — М., 1984. — 196 с.

В. М. Зань (Барнаул)

СРАВНИТЕЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИИ И США В ПЕРИОД 1950–2015 гг.

США и Россия в современном обществе являются экономическими лидерами. За их политической, культурной и социальной жизнью следят во всем мире. Актуальность исследования тенденций в сфере демографии этих двух стран велика, ведь во многом благодаря населению США и Россия на протяжении почти целого века занимают лидирующие позиции по разнообразным показателям.

По данным ООН, население США и России в 2015 г. составило 322 и 143 млн чел. соответственно. Если в Соединенных Штатах население увеличивается ежегодно с 1950 г., то в России далеко не во всем периоде можно проследить устойчивую тенденцию роста населения. Население США за рассматриваемый период увеличилось в 2 с лишним раза, и страна на протяжении 65 лет занимает 3-е место в мире по численности населения, тогда как развитые страны Западной Европы к 2015 г. потеряли свои позиции в первой десятке стран мира, в том числе и Россия. Общая численность населения двух стран устойчиво растет до 1990-х гг., которые стали переломными для России. Население страны начало резко уменьшаться и сократилось на 4,5%.

Рассматривая динамику численности населения, нельзя не затронуть показатели прироста населения. Если разбить временной отрезок с 1950 по 2015 г. на пятилетки, то можно наблюдать, что показатели прироста населения к предыдущим пятилеткам в целом варьировались около 1,1%. Максимальный показатель 1,72%, минимальный 0,75%.

По прогнозам ООН, общая численность населения продолжит устойчиво расти и достигнет к концу столетия отметки в 450 млн чел. в США. В России же увеличение численности населения не ожидается, она останется на текущем уровне. Но, по разным вариантам прогнозов, общая численность населения в США и России все же может как вырасти до 647 и 188 млн чел. соответственно, так и снизиться до 304 и 77 млн чел. соответственно до конца столетия [1].

Если в США разница в соотношении полов за весь рассматриваемый период не так видна, то в России женского населения гораздо больше, чем мужского, в соответствии с рисунком 2. Данная ситуация сложилась вследствие больших мужских потерь в ходе двух мировых войн и революций первой половины XX в., участия России в локальных конфликтах, а также из-за большого числа жертв политиче-

ских репрессий. Америка, конечно, также принимала участие в военных конфликтах в Азии, во Второй мировой войне, однако американские потери несоразмерны потерям населения России. С середины 90-х гг. соотношение полов начало уравниваться в обеих странах.

Проанализировав показатели, в которых рассматривается соотношение основных возрастных групп между собой, мы выяснили, что в основном процентное соотношение возрастных групп находится на одном уровне. Но в России все же доля престарелых и доля детей до 15 лет ниже, чем в США. В группе 15–64 года количество людей также колеблется приблизительно на одном уровне, но в России оно на 3,5 п. п. выше.

По прогнозам ООН, до конца столетия доли людей в трех указанных возрастных группах продолжат изменяться. Будет происходить дальнейшее увеличение доли пожилых людей и сокращаться доля детей до 15 лет [2].

Средний возраст населения обеих стран в 1950 г. был различен и составлял в США порядка 30 лет, а в России всего лишь 24 года. В течение рассматриваемого периода средний возраст жителей обеих стран увеличивался, и к 2015 г. этот показатель стал равным 37–38 годам в обеих странах.

По прогнозам ООН, средний возраст населения продолжит увеличиваться до конца столетия в обеих странах. Рождаемость в обеих странах за период с 1950 по 1990 г. находилась на одном уровне. В период с 1950 по 1970-е гг. происходило снижение общего коэффициента рождаемости в США и России. С 1970 по 1990-е гг. рождаемость оставалась на одном уровне, а в России даже незначительно увеличилась. Но с наступлением «лихих 90-х» в России произошло резкое снижение общего коэффициента рождаемости, который достиг отметки в 8,9%. Однако российская политика в сфере рождаемости дает свои плоды: к 2015 г. удалось увеличить рождаемость в стране и даже опередить США на несколько десятых [3].

Даже по самым оптимистичным прогнозам ООН, в ближайшее столетие рождаемость будет оставаться на текущем уровне, но, скорее всего, будет происходить дальнейшее снижение этого показателя [1].

Если анализировать суммарный коэффициент рождаемости, то в первые 20 лет рассматриваемого периода США на несколько единиц опережали Россию. Начиная с 1970-х гг. уже Россия вышла на лидирующие позиции, так как в США произошло снижение данного показателя, а в России суммарный коэффициент рождаемости оставался практически на одном уровне. По прогнозам ООН, суммарный коэффициент рождаемости в России к концу столетия будет рав-

ным 1,9, что соответствует аналогичным прогнозным данным в США, но все равно этого будет недостаточно для достижения уровня простого воспроизводства населения [2].

Средний возраст деторождения у женщин в США и России тоже претерпел некоторые изменения: в 1950 г. он составил 26,6 года, а к 2015 г. уже 28,6 года. В целом это нормальная общемировая тенденция — увеличение возраста рождения первого и последующих детей [2]. Младенческая смертность в Америке всегда была на достаточно низком уровне по сравнению с Россией. Например, в 1950 г. этот показатель составлял 30‰, тогда как в России он достигал 100‰ [3]. Ежегодно в обеих странах происходит снижение младенческой смертности, к 2015 г. этот показатель достиг уже в среднем 7‰, что можно связать с повышением качества медицинского обслуживания [1]. Средняя продолжительность жизни в США уже в 1950-е гг. была на достаточно высоком уровне и достигала 68,6 лет. В России этот показатель был в среднем на 10 лет ниже. Если в США наблюдается неуклонный рост продолжительности жизни обоих полов, то в России произошло некоторое снижение продолжительности жизни населения в 1990-х гг. В 2010 г. продолжительности жизни в Российской Федерации медленными темпами вновь начала увеличиваться.

Средняя продолжительность жизни неизменно растет, и к 2015 г. она составила у женщин 81,3 года, а у мужчин 76,4 года в США, когда как в России данные показатели равны 75,9 и 64,6 соответственно. В целом средняя продолжительность жизни населения обоих полов в 2015 г. составила 78,8 года в США и 70,3 года в России. По прогнозам ООН, до 2100 г. в обеих странах будет происходить увеличение продолжительности жизни населения [2].

Рассматривая такой показатель, как коэффициент естественного прироста населения, можно заметить, что в 50-е гг. показатель естественного прироста в обеих странах был на уровне 15‰, но уже начиная с 60-х гг. происходит снижение данного показателя. В России в 90-е гг. XX в. произошло снижение данного показателя, который в 2000–2005 гг. упал до отметки — 6,2‰. Начиная с 2005 г. происходит рост коэффициента естественного прироста вследствие снижения общего коэффициента смертности и увеличения общего коэффициента рождаемости.

Прогнозы ООН по показателю коэффициента естественного прироста для этих двух стран неутешительны. В обеих странах будет происходить снижение данного показателя до конца столетия. Если в России этот показатель уже является отрицательным и продолжит оста-

ваться таким же, то в США он продолжит снижаться, но до 2100 г. будет оставаться положительным [1].

Рассматривая коэффициент миграционного прироста, можно сделать вывод о том, что в США иммиграция всегда превалировала над эмиграцией, тогда как в советской России в период с 1950 по 1975-е гг., наоборот, поток выезжающих из страны был больше потока въезжающих. В первой половине 90-х гг. миграционный прирост в обеих странах был на одном уровне, но уже начиная с 1995 г. иммиграция в США достигла рекордных показателей: в отдельные годы она была равна более 6‰.

По прогнозам ООН, значения коэффициента миграционного прироста до конца столетия будет медленными темпами снижаться в обеих странах, но многое зависит от политики США и России в этом направлении [2].

Проанализировав изменения основных демографических показателей в США и России в период с 1950 по 2015-е гг., можно сделать следующие выводы: по основным показателям демографическая ситуация в Соединенных Штатах на современном этапе по праву может считаться более благоприятной по отношению к аналогичной ситуации в России. В период с 50 по 90-е гг. XX в. США и Россия по основным демографическим показателям занимали приблизительно равное положение в мире, лишь немного опережая друг друга по отдельным показателям. Но если в США с началом 1990-х гг. продолжилось плавное снижение либо плавное увеличение основных демографических показателей, то в России в те же годы произошло обрушение большинства показателей, и только с 2005 г. они начали приближаться к уровню 1990 г.

Библиографический список

1. World Population Prospects: The 2017 Revision, Volume I: Comprehensive Tables // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division [Electronic resource]. — URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/>

2. World Population Prospects: The 2017 Revision, Volume II: Demographic Profiles // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division [Electronic resource]. — URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/>

3. Демография [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

А. Е. Кеняйкина (Барнаул)

ПРИЧИНЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

В 1897 г. была издана работа французского социолога Эмиля Дюркгейма «Самоубийство». В этой книге впервые вводится в научный оборот понятие аномии (от франц. *Anomie* — беззаконие, безнормность). Согласно Дюркгейму, аномия — это такое состояние общества, в котором происходит размытие, разложение той или иной системы устоявшихся норм и ценностей, которые ранее были основой для поддержания традиционного общественного порядка. Когда старая система ценностей разрушается, но новая еще не сформирована или не утверждена как общепринятая, а ценностно-нормативные предписания и ориентации характеризуются нестабильностью, неустойчивостью, запутанностью, возникает социальная девиация. Девиация подразумевает такое устойчивое поведение личности, которое отклоняется от тех ценностей и норм, которые приняты в обществе, и значимость этих норм полностью утрачивается.

Существует огромное множество подходов к изучению девиантного поведения. Проблемой девиации занимались такие ученые, как М. Вебер, Ч. Ломброзо, З. Фрейд, Р. Мертон, Т. Парсонс и многие другие. Тем не менее, несмотря на множество уже существующих теорий и подходов к изучению отклоняющегося поведения, проблема девиации все еще не потеряла своей актуальности. Девиантное поведение всегда считалось нежелательным явлением, представляло опасность для социальной стабильности, для жизни людей, и общество всегда старалось предупредить его, оградить социум от различных аномалий. Нарушение социальных норм в последние годы начало приобретать массовый характер. Объяснить сущность, причины, условия и факторы такого явления, как девиация, является сейчас важной задачей не только для социологов. Особую тревогу вызывает распространение девиантного поведения в среде молодежи и подрастающего поколения. Несомненно, девиация негативно влияет на жизнь общества, препятствует его нормальному развитию, и поэтому необходимо дальнейшее исследование этого социального феномена для выявления причин и способов его преодоления.

Выделяют три основных подхода к изучению отклоняющегося поведения и объяснению природы девиаций: биологический, пси-

хологический и социологический. Рассмотрим их подробнее. Классические научные труды, объясняющие биологическую природу отклоняющегося поведения, появились лишь в XIX в., несмотря на то что эта трактовка имеет давнюю историю. Чезаре Ломброзо, итальянским врачом-психиатром, была предложена теория «врожденного преступника» [1, с. 534]. Годами Ломброзо наблюдал за преступниками в тюрьмах, изучал их внешность и физические характеристики. В ходе исследования ученый пришел к выводу, что существует «криминальный тип личности», для которого характерны такие особенности, как пониженный болевой порог, выступающая нижняя челюсть, плоский нос, длинные руки. Ученый был убежден, что преступники просто не способны обуздать свои инстинкты, так как тесно связаны с нашими примитивными предками. То есть врожденный преступник — это некое недоразвитое существо, которое слепо следует своим инстинктам, и защититься от таких людей возможно лишь в том случае, если их изолировать от общества. Между тем британский врач Чарльз Горинг пошатнул теорию Ломброзо, найдя схожие с преступниками особенности строения у обычных людей, которые не являлись девиантами.

Попытки подвести причины отклоняющегося поведения под биологическую основу продолжались и далее. Например, американский врач Уильям Шелдон также считал, что поведение человека можно прогнозировать, изучая строение его тела, и люди с определенной физической конституцией склонны совершать различные поступки, которые порицаются обществом и являются нарушением норм.

Таким образом, сторонники биологического подхода считают, что некоторые физические отклонения и всевозможные особенности организма человека (нарушения нервной системы, органов зрения, слуха, умственного развития, дефектов в физическом строении и т. д.) становятся причиной девиантного поведения. Однако стоит заметить, что большинство социологов и психологов не поддерживают идею о том, что тенденции к отклоняющемуся поведению кроются исключительно в генетике.

Психологический подход объясняет причины девиаций конфликтами, происходящими внутри сознания личности. Ярким представителем данного подхода является австрийский психолог Зигмунд Фрейд с его теорией психоанализа. По его мнению, отклоняющееся поведение — это результат борьбы стремлений, которые подавляет человек. Фрейд выделяет три составляющие психики: «Оно» (полностью бессознательная часть психики, где находятся влечения индивида и полностью отсутствуют моральные установки и нравствен-

ные оценки), «Я» (сфера сознательного) и «Сверх-Я» (совесть, идеалы, социальные нормы — все, что ограничивает индивида). Если эти три компонента личности находятся в гармонии и действуют сбалансированно, то человек является «нормальным». В противном случае внутриличностный конфликт становится причиной девиации. Другие представители этого подхода: Э. Эриксон, К. Лоренц, Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни. Так, сторонники психологического подхода рассматривают девиацию как продукт тех или иных особенностей психики (врожденных или приобретенных).

И, наконец, социологический подход, идеи которого были сформулированы прежде всего Дюркгеймом в его работе «Самоубийство», о которой говорилось выше. Причины отклоняющегося поведения сторонники этого подхода объясняли сложным взаимодействием процессов, происходящих в обществе и сознании человека, различными социальными причинами (социальное неравенство, несовершенство самого общества, несправедливость его устройства и т. д.). Помимо Дюркгейма, представителями социологического подхода являются американские социологи Р. Мертон и Т. Парсонс. Они модифицируют понятие «аномии», классифицируют девиантное поведение. Так, Мертон, например, выделяет пять способов адаптации индивидуума к условиям, существующим в обществе (подчинение, инновация, ритуализм, ретретизм и мятеж). Часть этих форм приспособления по сути являются типами девиантного поведения [2, с. 237].

Помимо этих трех подходов существуют различные теории, школы, концепции, стремящиеся объяснить причины отклоняющегося поведения (теория стигматизации, теория культурного переноса, теория конфликта и др.). На протяжении многих лет ученые всего мира пытаются понять, что заставляет человека совершать поступки, которые идут вразрез с общепринятыми нормами и ценностями. Причины девиации видят в конфликте культур (по Т. Селлину) и социальной дезорганизации; в особенностях генетики и психики; в биологической природе человека и инстинкте враждебности (по Г. Зиммелю); в наклеивании «ярлыков» на человека, в результате чего он становится «плохим» (Ф. Танненбаум, Г. Мид) и т. д.

Обобщая различные выводы из теорий и подходов к изучению социальной девиации, можно выделить основные причины проявления отклоняющегося поведения. Во-первых, это аномия. Статистические анализы различных аномальных проявлений (самоубийства, проституция, преступность, алкоголизм и пр.), которые проводились уже Кетле и Дюркгеймом, показывают, что число преступлений и других аномалий в обществе значительно возрастает в периоды социаль-

ных потрясений, войн, экономических кризисов. Например, в России, по данным МВД, число лиц, совершивших преступления (по Центральному Федеральному округу), в 1994 г. составило почти 300 тыс. человек. В то время как в 2012 г. на этот же округ приходится менее 20 тыс. преступников. Известно, что в 1994 г. кризис, начавшийся после развала Советского Союза, достиг наивысшей точки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные потрясения различного рода являются одной из причин отклоняющегося поведения. Во-вторых, дезориентация, разрыв между ценностями культуры и социальной структурой общества, в котором находится индивид. Часто противоречия между доминирующей в обществе культурой и жизненным опытом самого индивида порождают отчуждение личности от принятых в обществе ценностей и норм. Наиболее часто это происходит при трансформации в переходных обществах. В-третьих, разрыв между социальным статусом личности и ее социальными ожиданиями. Когда индивид не способен найти применение своим профессиональным навыкам, способностям, умениям, это может приводить к возникновению девиантного поведения. В-четвертых, «навешивание ярлыков». Не стоит сбрасывать со счетов и психологические причины отклоняющегося поведения. Так, человек, совершивший некогда проступок или преступление, подвергается социальному клеймению. И с этого момента он начинает отождествлять себя с присвоенным ярлыком и вести себя соответственно ожиданиям общества. Изучением такого социального феномена занимался, в частности, Г. Беккер, разработавший модель «девиантной карьеры».

В-пятых, утрата личностью морально-ценностных ориентиров, нравственный кризис.

Таким образом, причины отклонений в поведении индивида возникают как результат социальной, экономической, политической нестабильности, напряженности, изменений в различных сферах общества, которые идут вразрез с ценностными ориентирами человека, внутриличностных конфликтов, вызванных, опять же, влиянием окружающей среды. Несмотря на многочисленные исследования этого феномена, проблема негативного влияния девиации на общество не разрешена. Поэтому необходимо дальнейшее исследование и поиск путей преодоления и профилактики девиантного поведения.

Библиографический список

1. Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с ит. — М., 2005. — 876 с.
2. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. — М., 2006. — 873 с.

Е. А. Комышникова (Барнаул)

ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Социальная защита населения является одним из приоритетных направлений для существования демократического, правового и социального государства, каковым является Российская Федерация. Обеспечение определенного уровня доходов для незащищенных и слабозащищенных слоев населения является одной из важнейших целей социальной политики государства.

В настоящее время мы можем говорить о проявлении кризисных тенденций в различных сферах общественной жизни. Исходя из этого социальная политика государства, связанная с экономической и правовой сферами жизни общества, становится все более важной. Неотъемлемая же часть современной системы социальной защиты — достойное пенсионное обеспечение.

Российскими учеными на настоящее время дополняется анализ процесса институционализации отношений в сфере пенсионного обеспечения, поскольку многие авторы считают его недостаточным в сложившихся социально-экономических условиях. Кроме того, реформирование пенсионной системы, начавшееся в 2015 г., сильно повысило интерес общественности и научного сообщества к проблемам отечественной пенсионной системы. Для социологов данная проблематика не менее интересна, поскольку «социология права не должна каким-либо образом демонстрировать свое отчуждение по отношению к юридическому знанию...» [1, с. 37].

Эффективность обновления системы пенсионного обеспечения связывают, прежде всего, с экономическими, историческими, культурными и демографическими факторами. Особо важно учитывать степень материальной дифференциации населения: «расслоения различных социальных групп по уровню дохода, покупательной способности самих пенсий, соотношения их размеров и величины заработной платы» [2, с. 259–264]. К основным причинам предыдущих реформ пенсионной системы в России относили необходимость «приведения пенсионной модели в соответствие с изменениями в обществе (персонифицированный учет, создание НПФ), либо стремлением обеспечить долгосрочную устойчивость выплат (введение многоступенчатой системы «базовая + страховая + нако-

пительная + добровольная пенсии»)» [3, с. 1281–1291]. Нынешняя пенсионная реформа обусловлена, в первую очередь, тем, что федеральный бюджет перестал справляться с возрастающими социальными расходами.

Для большинства развитых стран характерна проблема старения населения. На настоящий момент и в России эта проблема становится все более актуальной.

Согласно экспертным оценкам, «численность младшей возрастной группы останется практически неизменной, а численность старшей в ближайшие 50 лет будет расти при снижении численности населения трудоспособного возраста» [4, с. 52–79]. Это создает серьезные проблемы государству, поскольку ведет к увеличению расходов на социальную сферу.

Для решения проблемы предлагается несколько вариантов:

1. Старение населения может быть компенсировано за счет увеличения финансирования. По мнению Е. Т. Гурвича, «идя по этому пути, к 2050 г. мы должны либо довести ставку социальных взносов до 70%, либо дополнительно перераспределить 10% ВВП в пользу пенсионной системы» [4, с. 52–79].

2. Пенсионные обязательства государства будут неуклонно сокращаться. Одним из вариантов развития событий при данном сценарии является соотнесение размера пенсий с предполагаемым сроком продолжительности жизни.

3. Наиболее популярным в развитых странах методом улучшения ситуации является повышение пенсионного возраста. На данный момент можно заметить, что при постоянном росте числа пенсионеров количество работающих, по отношению к ним, только снижается.

Первый вариант не рассматривается как жизнеспособный, другие же два в той или иной степени применяются. В России проводимые реформы соотносятся с третьим вариантом.

Новая пенсионная формула была разработана на основании того факта, что многие пенсионеры продолжают довольно долго работать после выхода на пенсию. Теперь она стимулирует граждан работать дольше и выходить на пенсию позднее. В качестве основных изменений при переходе к страховым и накопительным пенсиям отмечают:

1. Внедрение индивидуального пенсионного коэффициента.

2. Накопительная и страховая части трудовой пенсии были разделены на страховую и накопительную пенсии.

3. Отложенный выход на пенсию (обратиться за назначением страховой пенсии по старости стало возможно после наступления пенсионного возраста).

4. Повышение страхового стажа, необходимого для получения страховой пенсии по старости (с 5 лет в 2015 г. до 15 лет в 2024 г.).

5. В общем стаже страховой пенсии теперь учитывается общий страховой стаж социально значимых видов деятельности (пр.: отпуск по уходу за детьми, прохождение срочной воинской службы) [5, с. 47–55].

Но, несмотря на то, что реформирование пенсионной системы еще продолжается, уже сейчас выявлен ряд проблем. Первой из них является недостаточное информирование населения о проводимых реформах. Согласно данным ВЦИОМ, в 2012 г. о разрабатываемой тогда пенсионной реформе было известно большинству россиян, но знания их были довольно поверхностными (16% хорошо известно об этом, 55% — что-то слышали). Второй проблемой проводимых пенсионных реформ является почти полное отсутствие их связи с изменениями в других сферах (пр.: рынок труда, налоговая политика). Еще одной из важнейших проблем пенсионной реформы является несовершенство балльной системы. Порядок назначения накопительной пенсии не изменился, но страховая пенсия теперь формируется с применением пенсионных баллов. Для назначения страховой пенсии по старости нужно накопить 30 баллов. Стоимость балла будет устанавливаться государством.

Довольно сложна процедура расчета пенсионных баллов, поскольку для этого могут понадобиться данные, которые непросто получить. Пенсионный калькулятор, находящийся в открытом доступе на сайте ПФР, дает лишь условные представления о будущей пенсии. Кроме того, стоимость балла будет меняться, что мешает представить точный размер будущей пенсии.

Необходимость для пенсионеров работать дольше и повышение страхового стажа приведут к тому, что рабочие места станут менее доступны для молодых специалистов. И это лишь некоторые проблемы, сопровождающие проводимые реформы пенсионного обеспечения. Для улучшения ситуации необходимо придать большее значение социально-демографическим изменениям, пенсионная формула должна стать проще и понятнее для населения. Для достижения же долговременного улучшения необходимо применить комплексные меры, направленные на повышение уровня жизни населения и обеспечения социальных гарантий. Кроме того, необходимо формировать и поощрять ответственность работников и работодателей, способствовать повышению правовой грамотности населения и предоставлять наиболее полную информацию о проводимых пенсионных реформах.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Право и современная социологическая наука // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 32–37.
2. Стрелетова А. Д. Институционализация пенсионной системы: теоретические проблемы социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 4. — С. 259–264.
3. Мамий Е. А., Андреев В. Е. Реформа пенсионной системы РФ: тенденции, проблемы и перспективы // Научный журнал КубГАУ. — 2013. — № 93. — С. 1281–1291.
4. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. — 2012. — № 3. — С. 52–79.
5. Финогенова Ю. Ю., Козлов П. А. Изменения в российском пенсионном законодательстве: обзор и оценка // Известия УрГЭУ. — 2015. — № 6 (62). — С. 47–55.

Е. А. Комышникова (Барнаул)

**МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЕ СЕМЕЙНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ
ЦЕННОСТЕЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(на примере исследования в Целинном районе
Алтайского края)**

Научный руководитель — Е. А. Попов

В современном обществе происходит трансформация традиционных функций семьи, и это негативно влияет на социализацию молодежи. Особый интерес представляет тот факт, что в системах ценностей разных поколений наблюдаются серьезные различия. В последние десятилетия они становятся все более глубокими. Одной из основных причин этого можно считать то, что ценности перестали в должной мере передаваться в ходе межпоколенческого семейного взаимодействия, несмотря на то, что семья представляет собой основной институт трансляции социальных ценностей от поколения к поколению [1, с. 72–74].

Из-за разрыва преемственности поколений в семье различия в системах ценностей обостряются. Ценности не передаются от поколения к поколению, «обесцениваются». Происходит это по нескольким причинам. Одна из основных проблем состоит в том, что современ-

ное общество меняется быстро, его динамика опережает процесс преемственности поколений. Сокращается количество взаимодействий между представителями разных поколений в семье, изменяется их содержательная сторона.

Нельзя считать, что молодежь утеряны все ценности. Кризисные процессы заключаются, скорее, в том, что все дальше от своего исконного значения отходят ценности духовные и традиционные, а на первый план выходят ценности современные и материально-потребительские. Все реже говорят о наличии у молодежи высоких идеалов, все чаще — о предпримчивости, эгоизме и не свойственном возрасту цинизме.

Возвращаясь к процессу изменения системы ценностей, стоит начать с положения традиционных и современных ценностей в российском обществе. При этом следует учитывать, что в сельской местности данные процессы происходят медленнее, связи между поколениями только начинают ослабевать, являясь более характерными для тех семей, члены которых проживают достаточно далеко друг от друга.

Согласно результатам проведенного исследования, мы можем с уверенностью говорить о том, что представители поколения отцов (83%) и поколения дедов (87%) продолжают считать семью основным источником воздействия на систему ценностей молодежи. Представители же молодого поколения (63%) считают, что на систему ценностей молодежи в первую очередь влияют близкие друзья и знакомые, а лишь потом семья и Интернет. Таким образом, семья продолжает оставаться одним из основных источников передачи ценностей.

Основными путями передачи ценностей молодежи от старших поколений в семье считают «совместную деятельность» и «личный пример». Наименее действенным методом передачи ценностей в межпоколенческом семейном взаимодействии считают рекомендации определенных книг, фильмов и т. д. Из этого следует то, что представители трех поколений считают активные способы передачи ценностей более успешными.

Для анализа ценностных предпочтений представителей разных поколений была использована методика Н. И. Лапина. В рамках универсальной парадигмы ее неоднократно использовал В. Г. Немировский. Для данной методики Н. И. Лапин обосновывает систему ценностей.

Базовые ценности разделяются на «терминальные и инструментальные и подразделяются на три культурных типа: традиционный, общечеловеческий, современный» [2, с. 241–242]. Всего для анализа отбирается 14 ценностей (по две на каждый уровень иерархии потребностей). Они делятся на интегрирующий и дифференцирующий

щий кластеры. Интегрирующий кластер состоит из интегрирующего ядра и интегрирующего резерва, а дифференцирующий кластер включает оппонирующий дифференциал и конфликтогенную периферию.

Ценностное ядро — доминирующая в общественном сознании группа ценностей. Они интегрируют социальную общность в некоторое целое (ценности, которые одобряют свыше 60% населения). В данном блоке ценностей наибольшее совпадение демонстрируют поколения «отцов» и «дедов» (по таким ценностям, как: общительность, жизнь, семья и порядок). Ценности «жизнь» и «порядок» входят в интегрирующее ядро у представителей всех поколений, что, в целом, показывает сильную преемственность поколений в отношении основополагающих ценностей.

Структурный резерв находится между доминированием и оппозицией. В этой области проявляются ценностные конфликты между социальными группами, а также внутриличностные конфликты (такие ценности одобряют 45–60% населения). В этом блоке можно заметить, что ценности поколения «детей» и поколения «отцов» более схожи отдельно с ценностями поколения «дедов», чем между собой. Объяснить это можно тем, что в сельской местности представители поколения «дедов» продолжают активно участвовать в воспитании молодого поколения и, зачастую, оказывают на молодежь куда большее влияние, чем представители поколения «родителей» (в силу занятости на работе и т. д.). Объединяющими в данном блоке для всех поколений ценностями стали «традиция» и «независимость».

Периферия включает в себя оппозиционные ценности. Они разделяют членов данной общности на приверженцев разных или даже несовместимых ценностей, вызывающих наиболее острые конфликты (одобряют примерно 30–45% населения). На данном уровне наблюдаются наиболее серьезные различия между поколениями «детей» и «дедов». Такие ценности, как «инициативность» и «нравственность», находящиеся на этом уровне у представителей поколения «дедов», занимают гораздо более высокие позиции в системе ценностей поколения «детей» (так, «инициативность» у молодежи входит в ценностное ядро).

В конце оказываются ценности меньшинства, отличающегося от остальных членов общности большей стабильностью (их одобряют менее 30% населения). На данном уровне у молодого поколения находится такая ценность, как «властность», у представителей поколения «отцов» — «своевольность». У поколения «дедов» к конфликтогенной периферии относятся обе эти ценности, то есть это поко-

ление вновь выполняет интегрирующую функцию по отношению к младшим.

У молодежи в интегрирующее ядро входят современные ценности (жизнь индивида и инициативность). Поколение «дедов» оценило такую ценность, как инициативность, довольно низко. Она находится в оппонирующем дифференциале, а, согласно Лапину, именно на данном уровне находятся ценности, разделяющие общественные группы и вызывающие наиболее острые конфликты.

Интегрирующее ядро поколения «отцов» вовсе не содержит современных ценностей. У поколения «дедов» на данном уровне находится такая ценность, как жизнь индивида. Независимость и свобода у старшего поколения попали в интегрирующий резерв.

У поколения «отцов» большая часть современных ценностей находится в интегрирующем резерве (жизнь индивида, свобода, независимость). Эта группа показывает ценности, вызывающие внутрличностные конфликты. То есть по поводу них индивиды и группы не испытывают полной уверенности. В оппонирующий дифференциал попала у данного поколения, как и у поколения «дедов», такая ценность, как инициативность.

Наиболее интересен тот факт, что молодое поколение, высоко оценившее такую ценность, как независимость, низко оценило ценность свободы. Она находится в оппонирующем дифференциале. Таким образом, можно предположить, что представители молодого поколения не желают следовать чужим указаниям, но в то же время не готовы полностью нести ответственность за собственные решения.

В интегрирующее ядро у молодого поколения не входят традиционные ценности. Они находятся в интегрирующем резерве (традиция и семья) и в оппонирующем дифференциале (жертвенность и своевольность).

Представители же поколений «отцов» и «дедов» оценивают большинство традиционных ценностей достаточно высоко (семья — в интегрирующем ядре у обоих поколений, традиция и жертвенность — в интегрирующем резерве). Но представители этих поколений низко оценили такую ценность, как своевольность. Она находится в конфликтогенной периферии. Связать это можно со спецификой жизненного опыта данных поколений.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что традиционные ценности продолжают сохранять свою значимость. Семья по-прежнему остается основным источником передачи ценностей, а система ценностей молодого поколения даже в большей степени напоминает систему ценностей поколения «дедов», не-

жели поколения «отцов». Кроме того, изучение данного аспекта проблемы следует продолжать, поскольку ему уделяется особое внимание в современном социальном знании [3, с. 20–21].

Библиографический список

1. Артюхов А. В., Осипова Л. Б., Эверли Л. А. Роль семьи в процессе социализации молодежи // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2014. — Вып. 24 (353). — С. 72–74.
2. Арясова А. Ю. Динамика базовых ценностей населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) // Социологический альманах. — 2016. — № 7. — С. 239–246.
3. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского политкультурного взаимодействия : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.

Н. В. Кужим (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

Культура всегда имела и имеет огромное значение в формировании поведения, мировоззрения, ценностей и т. п., в изучении как отдельного индивида, так и общества в целом. Со временем представления о роли культуры в жизни общества существенно меняются, о чем свидетельствуют различные подходы и концепции к данному явлению.

Культура — это одно из самых сложных слов, которые используют в научном и практическом обороте. Существует многочисленное количество определений и подходов к понятию «культура». К примеру, русский теоретик культуры Л. Е. Кертман выделяет три основных подхода к определению: антропологический, социологический и философский [1, с. 295]. Обратимся непосредственно к социологическому. В рамках этого подхода культура понимается как фактор организации и образования жизни какого-либо общества. Предполагается, что каждому обществу присущи некие культуротворческие «силы» [1, с. 295], которые направляют его жизнь по организованному, а не хао-

тическому пути развития. В таком обществе наблюдается следующий феномен. Культурные ценности, создаваемые самим же обществом, определяют развитие этого общества, вследствие чего его жизнь начинается в большей мере зависеть от произведенных им ценностей.

Говоря о многообразии данного явления, обратимся к парадигмам и социологическим концепциям, выдвинутым авторами XIX–XX вв. К научным парадигмам культуры относят эволюционистскую парадигму, которая стала одной из доминирующих со второй половины XIX — начала XX вв. Основными представителями этого течения являются Л. Г. Морган, Г. Спенсер, Э. Тэйлор, Дж. Фрезер. Основная идея теории эволюционистов — единство человеческого рода. Главным предметом исследования в данный период является культура в целом, основное внимание уделяется ее постоянным устойчивым элементам, которые существуют в разных культурах. «Эволюционизм уделял большое внимание определению и сохранению «классических форм» культуры, их унификации, «музеефикации» различных культурных феноменов» [2, с. 95–96]. Выделяют еще одну исследовательскую парадигму — плюралистическую (конец XIX–XX вв.). В отличие от эволюционистов, плюралисты в качестве предмета исследования берут конкретную культуру, а не абстрактное представление о ней. В данный период рушится представление о «монолитной культуре человечества», т. е. представители этой парадигмы исходили из идеи многообразия культур.

Человеческая личность обретает социальный аспект посредством культуры, а именно через усвоенное и приобретенное поведение. «Культура динамична, равно как и личность, принявшая данную культуру, и обе они меняются под влиянием обстоятельств и времени» [2, с. 97].

Рассмотрим более подробно некоторые социологические концепции.

Теория культурных суперсистем П. Сорокина. Основная идея данной теории состоит в том, что в истории развития человеческого общества происходит циклическая смена суперсистем (сверхсистем) культуры.

Под сверхсистемами понимаются сменяющие друг друга основополагающие фазы развития культуры, которые содержат в себе различные культурные подсистемы и различаются друг от друга в зависимости от характера доминирующей ценности.

Исходя из этого П. Сорокин классифицирует все культурные суперсистемы на три типа: идеациональный, идеалистический, чувственный [3].

Идеациональная система направлена на религиозную тематику, где доминирующим принципом является сверхчувственность и сверхразумность Бога, он же выступает главной ценностью.

Чувственная (сенситивная) система основывается на том, что объективная реальность по своей сути чувственна. Это значит, что только то, что мы воспринимаем через органы чувств, является реальностью.

Идеалистическая культура связывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, она выступает промежуточной и переходной между вышеназванными сверхсистемами. Базируется на принципе: реальная действительность многообразна, в ней задействованы как чувственная, так и сверхчувственная стороны, сочетаются сенситивные и идеациональные ценности.

Социологическая концепция культуры Макса и Альфреда Вебера. В первой половине XX в. стала известной социологическая концепция культуры Макса Вебера и Альфреда Вебера. М. Вебером и его сторонниками была разработана социологическая концепция ценностей и ценностных суждений [3]. Основная мысль подхода состоит в том, что ценностные идеи формируются субъектами как носителями культуры и являющиеся необходимым процессом. Новые ценностные идеи возникают в результате изменений в жизни и в содержании культуры, сравниваются с уже существовавшими как некоторым идеальным типом. Социология как наука изучает культуру и ее ценностную характеристику. Даже на сегодняшний день исследователи пользуются этой методикой для анализа социокультурной жизни общества.

Социологическое понимание культуры разработал А. Вебер. В своих работах он обосновал структуралистско-социологический подход к культуре. Основная идея заключается в следующем: культура общества проходит три процесса исторического развития — социальный, цивилизационный, культурный [3]. Под социальным процессом подразумевается развитие хозяйства, социальных отношений, политики и государства. В цивилизационное развитие входит развитие науки и техники. Культурный процесс — развитие религии, философии и искусства. С помощью данного подхода можно определить общий уровень той или иной национальной культуры, но только в случае рассмотрения этой культуры по отдельным отраслям.

Социологией культуры также занимались Т. Парсонс, Г. Зиммель, Т. Элиот и др. Одним из современных представителей является Л. Г. Ионин, автор серии книг «Социология культуры», в которых он раскрывает историю, проблематику, актуальность культуры.

Актуальность данной темы состоит в том, что нынешние изменения в организации и восприятии человеком его мира заставляют по-ново-

му взглянуть на содержание культуры. Для понимания современной культуры и построения каких-либо новых концепций необходимо учитывать знание уже существующих теорий и мнение их авторов.

В современном мире уместно использовать методiku плюралистической парадигмы. Так как в наше время культура является многообразной и при этом каждое общество имеет свою культуру, то при анализе и выявлении характерных черт, проблем и пр. с помощью плюралистического подхода можно учесть как особенности конкретной культуры, так и ее взаимодействие с культурами других обществ. К примеру, определить, какая культура на грани исчезновения, и поспособствовать ее поддержанию и восстановлению.

Библиографический список

1. Бессчетнова О. В. Культура как объект социологического исследования (Обзор теоретико-методологических концепций). — Барнаул, 2009. — С. 294–296 [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12953459> (дата обращения: 10.12.2017).

2. Павлова О. Д. Основные исследовательские парадигмы культуры. — М., 2011. — С. 95–98 [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17748741> (дата обращения: 10.12.2017).

3. Кононенко Б. И. Основы культурологии : курс лекций. — М., 2002. — 208 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://disus.ru/knigi/219026-3-bi-kononenko-osnovi-kulturologii-kurs-lekciy-moskva-infram-2002-kononenko-osnovi-kulturologii-kurs-lekciy-m-in.php> (дата обращения: 10.12.2017).

А. Д. Лобанова (Барнаул)

СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ (по материалам исследования в г. Барнауле)

Научный руководитель — Е. А. Попов

Использование проектных технологий в современной России становится все более популярным, особенно ярко это проявляется в реализации проектов в области культуры. Данная тенденция обусловлена тем, что два таких вида деятельности, как социальное проектирование и культурная деятельность, хорошо сочетаются друг с другом, давая ощутимые результаты.

Смысл культурной деятельности заключается в ее «улучшающем» характере, в «культивировании» всех составляющих человеческого бытия, в способности выводить человека за его пределы в форме целеполагания, конструирования идеального образа человека и мира. Эта способность задается самой сущностью культуры, которая есть, прежде всего, совокупность «проектных» (то есть идеальных, духовных) способов и результатов освоения и преобразования мира — природы, общества, самого человека [1, с. 44]. В процессе производства (и освоения, потребления) «предмета культуры» человек рефлектирует относительно его совершенных, идеальных форм — идеальной структуры художественного продукта, идеальных форм социального устройства, идеальных отношений между людьми и т. д. [2, с. 251].

Проектирование же помогает претворить данные идеальные формы в реальность (или максимально к ним приблизиться), давая конкретный механизм действий, индивидуальный для каждого конкретного случая. Проектирование — научно обоснованное конструирование системы параметров будущего социального объекта или качества нового состояния существующего объекта. Социальное проектирование также трактуется как процесс конструирования личностью или группой определенного действия, которое направлено на достижение целей, значимых для общества, причем эти цели строго определены по времени, месту и ресурсам [3, с. 17].

В связи с тем, что проектные технологии в области культуры широко используются, нами было проведено исследование по поводу выявления сфер реализации социокультурных проектов. Исследование проводилось методом анкетирования, использовалась неслучайная доступная выборка, генеральной совокупностью являлось население Барнаула.

О сферах, в которых наиболее часто реализуются социокультурные проекты, барнаульцы отзывались следующим образом: сфера художественной культуры — 28,8%; сфера исторической культуры — 16,6%; сфера социально-психологической культуры — 4,6%; сфера духовно-нравственной культуры — 7,9%; сфера экологической культуры — 7,9%; сфера политической культуры — 14%; сфера физической культуры — 15,7%; сфера психической культуры — 0,8%; сфера профессиональной культуры (культуры труда) — 3,5%. Таким образом, опрос показал, что наиболее часто в Барнауле реализуются проекты в сферах художественной, исторической и физической культуры.

Так как проекты, относящиеся к одной сфере, могут иметь различный характер, мы решили конкретизировать основной вопрос несколькими другими. В результате в сфере художественной куль-

туры чаще реализуются проекты, направленные на: формирование художественной культуры личности — 8,9%; увеличение доступности населению художественных ценностей — 12,6%; стимулирование повышения интереса к художественному творчеству, искусству в целом — 15,5%; создание учреждений профессионального искусства и концертных организаций — 7,1%; возрождение местных народных традиций, фольклора — 10,7%; способствование возрождению и пропаганде народных ремесел и промыслов, освоению местных традиций — 8,9%; повышение уровня художественного развития детей и подростков путем развития детской художественной самодельности — 26,1%; создание условий для художественного развития и дальнейшего профессионального самоопределения одаренных детей, подростков, молодежи — 10,2%; проекты в данной сфере не реализуются — 0%. Можно заметить, что преимущественно в сфере художественной культуры в Барнауле реализуются проекты, направленные на повышение уровня художественного развития детей и подростков.

В сфере исторической культуры основными темами проектов являются: воспитание исторического сознания — 18,2%; воссоздание исторической преемственности духовно-нравственных идеалов — 8,3%; увеличение интереса к культурному наследию, истории «малой Родины», национальным формам культурного творчества — 21,2%; развитие краеведческой деятельности — 10,5%; поддержание памятников истории и культуры — 12,9%; сохранение историко-культурного своеобразия и уникальности территорий — 9,4%; создание системы патриотического воспитания — 19,5%; проекты в данной сфере не реализуются — 0%. Очевидно, что в сфере исторической культуры наиболее часто реализуются социокультурные проекты, направленные на увеличение интереса к культурному наследию, истории «малой Родины», национальным формам культурного творчества.

Среди проектов в сфере социально-психологической культуры преобладают: выработка и сохранение нравственных критериев во взаимоотношениях между людьми — 28,9%; социально-психологическая адаптация — 21,3%; ослабление конфликтности между субкультурами различных возрастных и социальных групп населения — 17,9%; уменьшение межэтнической напряженности — 13,2%; развитие качеств и способностей к сопереживанию, сочувствию — 13,3%; проекты в данной сфере не реализуются — 5,4%. В Барнауле в сфере социально-психологической культуры социокультурные проекты направлены на выработку и сохранение нравственных критериев во взаимоотношениях между людьми.

Проекты духовно-нравственной культуры в основном связаны со следующими направлениями: восстановление духовно-нравственных идеалов — 32,2%; повышение значимости фундаментальных ценностей — 20,3%; работа по реконструкции смысла жизни, выхода из духовного кризиса — 12,5%; стабилизация духовно-нравственного климата семьи — 11,7%; декриминализация населения — 19,5%; увеличение ценности человеческой жизни — 2,3%; проекты в данной сфере не реализуются — 1,5%. Таким образом, чаще реализуются проекты, направленные на восстановление духовно-нравственных идеалов в сфере духовно-нравственной культуры.

В сфере экологической культуры реализуются проекты, направленные на: информирование населения об экологической ситуации в регионе — 32%; формирование общественного мнения по отношению к организациям и лицам, ответственным за ухудшение экологической ситуации — 23,4%; экологическое воспитание школьников — 36,8%; способствование гуманному отношению к природе — 5,4%; деполитизация существующих объединений и движений экологической направленности — 2,4%; проекты в данной сфере не реализуются — 0%. В сфере экологической культуры в Барнауле наиболее часто реализуются проекты по экологическому воспитанию школьников.

Основными темами проектов в сфере политической культуры являются: повышение уровня компетентности граждан в социально-политических вопросах — 26,5%; вовлечение широких слоев населения в процесс местного самоуправления, в разработку различных идей и концепций переустройства общества — 17,2%; формирование политического и гражданского самосознания — 34,4%; помощь в осуществлении основных конституционных прав и свобод личности и гражданина — 10,9%; проекты в данной сфере не реализуются — 11,0%. Основным направлением в сфере политической культуры является формирование политического и гражданского самосознания.

Реализация проектов в сфере физической культуры, в основном, связана с: улучшением здоровья у различных групп населения, особенно у детей и подростков — 32,3%; развитием оздоровительных форм проведения досуга — 26,7%; восстановлением системы физического воспитания детей и подростков — 27,4%; увеличением уровня физической и психической культуры родителей — 4,7%; снижением смертности вследствие улучшения параметров жизни — 5,4%; проекты в данной сфере не реализуются — 0%. Таким образом, можно сказать, что проекты по физической культуре в основном направлены на улучшение здоровья у различных групп населения, особенно у детей и подростков.

Проекты в сфере психической культуры ориентированы на: снижение роста информационных и эмоциональных нагрузок — 20,3%; помощь в оптимальном выходе из стрессовых состояний — 20,3%; снижение количества обращений к саморазрушающим формам поведения (алкоголь, наркотики, самоубийство и др.) — 31,2%; снижение числа психопатологий и форм отклоняющегося поведения — 12,5%; укрепление системы своевременной и бесплатной специализированной психологической помощи — 12,5%; проекты в данной сфере не реализуются — 3,2%. В данной сфере преимущественно осуществляются проекты, связанные со снижением количества обращений к саморазрушающим формам поведения (алкоголь, наркотики, самоубийство и др.).

И, наконец, в сфере профессиональной культуры проекты реализуются по темам: утверждение ценности труда как смысла жизни, способа самореализации и социального призвания — 24,1%; помощь в профессиональном самоопределении — 26,2%; повышение образовательного уровня — 18,3%; создание законодательной базы для трудоустройства несовершеннолетних подростков — 10,2%; поддержка отечественных научных и образовательных школ — 3,1%; социальная и правовая защита человека труда — 6,5%; создание возможностей профессиональной деятельности как средства самореализации личности — 11,6%; проекты в данной сфере не реализуются — 0%. Очевидно, что наиболее часто в сфере профессиональной культуры в Барнауле реализуются социокультурные проекты, помогающие в профессиональном самоопределении.

Подводя итог, можно сказать, что основными сферами культуры, в которых реализуются проекты, являются художественная, историческая и физическая (по утверждениям 28,8%, 16,6% и 15,7% опрошенных соответственно). В сфере художественной культуры в Барнауле чаще реализуются проекты, направленные на повышение уровня художественного развития детей и подростков; в сфере исторической культуры — на увеличение интереса к культурному наследию, истории «малой Родины», национальным формам культурного творчества; в сфере физической культуры — на улучшение здоровья у различных групп населения, особенно у детей и подростков.

Библиографический список

1. Игровые методы: социальное проектирование в сфере культуры / под ред. И. Жежко. — М., 1987. — 184 с.
2. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. — Москва, 2014. — 539 с.

Ю. Р. Мазурина (Барнаул)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РАБОТНИКОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Актуальность данной статьи обосновывается тем, что в настоящее время все более важным становится правовое регулирование трудовых отношений. Хотя данные отношения подкреплены нормативно-правовым обеспечением, тем не менее часто возникают в нашей стране спорные вопросы по их регулированию. Необоснованное и непоследовательное осуществление данной политики провоцирует создание напряженности в трудовом коллективе и становится средоточием конфликтов. Значительным препятствием становятся коллективно-договорные отношения, складывающиеся между коллективом сотрудников предприятия и руководством. Сфера ответственности продолжает распространяться как на самих работников, так и на работодателя, и не должна снимать ответственности ни с одной, ни с другой стороны. В статье сделан научный обзор структуры и содержания локального нормативно-правового акта, а именно коллективного договора.

Законодательство Российской Федерации предоставляет участникам трудовых отношений не только право разрешать все возникающие разногласия в процессе трудовой деятельности, но и возможность проявлять активное участие работников и работодателей в установлении условий труда, развивать данные отношения на основе социального партнерства. Именно поэтому всю большую роль в практике регулирования трудовых отношений играет коллективный договор.

Коллективный договор — правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей (по определению ст. 40 ТК РФ). Коллективный договор на предприятии заключают работодатель и профсоюз работников или полномочные представители работников, если работники не объединились в профсоюз.

Содержание и структура коллективного договора определяются сторонами коллективных переговоров. В коллективный договор могут включаться взаимные обязательства сторон по следующим вопросам: формы, системы, размеры оплаты труда, денежные вознаграждения, пособия, компенсация, доплаты; механизм регулирования оплаты труда исходя из роста цен, уровня инфляции, выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятость, переобучение, условия высвобождения работников; продолжительность рабочего времени и времени отдыха, отпусков; улучшение условий и охраны труда молодежи, женщин и других работников; добровольное и обязательное медицинское страхование; соблюдение интересов работников при приватизации предприятия, ведомственного жилья; экологическая безопасность, охрана здоровья работников на производстве; льготы для работников, совмещающих работу с обучением; контроль за выполнением коллективного договора; ответственность сторон, социальное партнерство, обеспечение условий функционирования профсоюзов, иных уполномоченных работниками исполнительных органов; отказ от забастовок по условиям, включенным в данный коллективный договор, при своевременном и полном их выполнении [1].

Коллективный договор — это локальный нормативно-правовой акт, который все чаще приобретает статус некоего трудового кодекса, призванного регламентировать трудовые отношения между работниками и работодателем, приспособлять общие нормы трудового законодательства применительно к структуре и специфике данного предприятия. Он относится к локальным нормативным актам, таким как Правила внутреннего трудового распорядка, Положение об оплате труда работников, Положение о премировании и материальном стимулировании работников и т. д., и обязателен для работодателя, для всех структурных подразделений, отделов, служб, для всех должностных лиц и работников. Все локальные нормативные акты должны отвечать требованиям ст. 5 ТК РФ.

При изучении истории рабочего движения в России в начале XX в. интерес, в частности, представляет вопрос о том, когда был заключен первый коллективный договор рабочих с предпринимателями. Долгое время считалось, что первый такой договор был заключен в Баку 30 декабря 1904 г. Признание того факта, что декабрьский договор 1904 г. является первым коллективным договором в истории рабочего движения России, можно встретить и в ряде обобщающих работ. Так, в «Истории Коммунистической партии Азербайджана» говорится: «30 декабря 1904 г. нефтепромышленники под давлением бастующих ра-

бочих подписали коллективный договор с рабочими — первый коллективный договор в истории рабочего движения России». В «Очерках истории Коммунистической партии Азербайджана» указывается: «30 декабря 1904 г. нефтепромышленники вынуждены были подписать коллективный договор с рабочими. Это был первый коллективный договор в истории рабочего движения в России. В пунктах коллективного договора, названного рабочими «Мазутной конституцией», были отражены завоевания бакинского пролетариата». В «Истории Азербайджана» читаем: «30 декабря 1904 г. переговоры успешно завершились, и первый коллективный договор, который рабочие окрестили «Мазутной конституцией», был подписан обеими сторонами». В «Истории государства и права Азербайджанской ССР» отмечено: в декабре 1904 г. состоялась «знаменитая всеобщая забастовка рабочих Баку, завершившаяся заключением первого коллективного договора». Вопрос о заключении коллективного договора между нефтепромышленниками и рабочими освещался в трудах азербайджанских ученых. Все это позволяет сделать вывод, что декабрьский договор 1904 г. и был первым коллективным договором в истории рабочего движения в России [2]. Это говорит о том, что важность коллективного договора была осознана еще сто лет назад, менялись только условия заключения и их формулировка.

Часто трудовые отношения работодателя и работника становятся объектом наблюдения профсоюзов и иных общественных структур, декларирующих свою заинтересованность в защите граждан в статусе наемного сотрудника от возможных правовых притеснений нанимателя. В этом также может проследиваться рассматриваемый аспект соответствующих коммуникаций. В случае, если во взаимодействии работодателя и нанимателя участвует профсоюз, то это может предполагать регулирование социально-трудовых отношений на уровне официальных правовых актов (например, ФЗ № 10 от 12 января 1996 г. регулирует деятельность профсоюзов).

Работник с его интересами и правами зачастую теряется в массе других факторов хозяйственной деятельности работодателя и отодвигается в системе его приоритетов на последний план. Итогом этого нередко становится чрезмерная эксплуатация труда наемных работников, дополненная низким уровнем заработной платы, а также многочисленными нарушениями их прав и ущемлением законных интересов [3]. Для работников коллективный договор выступает как механизм их участия в управлении организацией и регулирования их трудовых отношений с возможностью предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть в отношениях с работодателем. Для работо-

дателя же коллективный договор выступает как гарант стабильности его трудовых отношений с работниками и совершенно справедливо все чаще именуется своеобразной конституцией трудовых отношений в той или иной организации. Существует тенденция к тому, чтобы эти отношения между работником и работодателем были более личностными, более индивидуализированными. С другой стороны, что этому мешает? Со стороны работника — незнание его прав, неумение защищать свои права, страх перед работодателем, со стороны работодателя — традиции бюрократизма. Вся работа по заключению договора бюрократизирована до предела, это является главной проблемой.

Работники, чьи права нарушены, очень редко обращаются за защитой в различные инстанции, несмотря на то что государство сформировало четкий механизм защиты прав и законных интересов работников. Поэтому, прежде чем говорить о нестабильности в экономической, политической и иных сферах нашей жизни, что так или иначе отражается на трудовом положении граждан, следует начать с переосмысления нигилистических взглядов. Следовательно, необходимо провести ряд мероприятий, направленных на преодоление данной проблемы. В первую очередь нужно познакомить работников с трудовым законодательством. Практика показывает, что среди подавляющего большинства граждан наблюдается слабое знание трудового законодательства субъектами трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, а также неумение правильно его толковать и применять. Даже элементарное знакомство с договором осложняется тем, что работники зачастую просто не читают его и не вникают в его суть. Согласно ст. 7 Конституции РФ, государственная политика должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а трудовая сфера, как известно, напрямую способствует этому. На уровне трудового права для наиболее эффективного выхода из сложившейся ситуации необходимо усиление роли института защиты трудовых прав работников [3].

Библиографический список

1. Википедия. Коллективный договор [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коллективный_договор.
2. Сафаралиев И. Т. Еще раз о первом коллективном договоре в России 19.11.2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://portalus.ru/modules/russianla>.
3. Андрияхина А. М., Гущина К. О. Защита трудовых прав граждан. — М., 2008. — 216 с.

А. С. Малетина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Научный руководитель — С. А. Воронина

За последнее время развитие техники, увеличение численности населения и нерациональное использование природных ресурсов привело к значительному ухудшению экологической обстановки в мире. Кроме этого, нарушение природного равновесия, как на локальном, так и на глобальном уровнях, также оказало пагубное влияние на экологию. В целом можно сказать, что глобальные проблемы порождены противоречиями общественного развития, а также резко возросшими масштабами воздействия деятельности человечества на окружающий мир и связаны также с неравномерностью социально-экономического и научно-технического развития стран и регионов [1, с. 33].

На сегодняшний день Россия в целом относится к странам с наиболее плохой экологической ситуацией. С каждым годом растет вмешательство человека в окружающую среду, и это явление носит пагубный характер. Для России современные экологические проблемы связаны, прежде всего, с использованием атомной энергии, как в мирных, так и в военных целях. К этому относится не только добыча соответствующих ископаемых и процесс производства сырья для энергетики и вооружения, но и проблемы, возникающие при эксплуатации технологического оборудования, аварии, происходящие на предприятиях атомного комплекса страны, а также утилизация, переработка и захоронение радиоактивных отходов. Экологические проблемы современной России — это чрезмерное истощение природных ресурсов. Если ранее это относилось в основном к лесным запасам, то теперь коснулось и ископаемых ресурсов, в первую очередь нефти и газа. Все это может привести к необратимым последствиям в экологическом и биологическом смысле [2, с. 9].

В настоящее время на территории Алтайского края имеется огромное количество экологических проблем, требующих незамедлительного решения. Большинство граждан Алтайского края мало задумывается о том, какие факторы жизнедеятельности могут оказывать пагубное воздействие на состояние окружающей среды. Одним из таких факторов является неправильная переработка и утилизация твердых

бытовых отходов. Кроме этого, на территории Алтайского края насчитывается более 500 заброшенных скотомогильников, 26 из которых заражены сибирской язвой. В силу незаконных захоронений инфицированных животных были случаи заражения людей сибирской язвой с летальным исходом. Также немаловажно отметить и расположенный на границе с Алтайским краем Семипалатинский полигон, который известен испытаниями на его территории ядерного оружия, что впоследствии повлекло за собой заражение почв радиацией.

Таким образом, перед государством стоит большой круг важных задач по сохранению целостности системы общества, а также обеспечения достойной жизни каждого гражданина. Среди всего многообразия проблем следует отметить проблему обеспечения безопасности населения. Согласно «Российской Концепции общественной безопасности», мы можем говорить о том, что обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации [3, с. 1].

Для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности в Российской Федерации разрабатывается система правовых норм, регулирующих отношения в сфере безопасности, определяются основные направления деятельности органов государственной власти и управления в данной области, формируются или преобразуются органы обеспечения безопасности и механизм контроля и надзора за их деятельностью. Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти в соответствии с законом образуются государственные органы обеспечения безопасности.

Поскольку все сферы и уровни жизнедеятельности общества тесно связаны друг с другом, то возникновение каких-либо проблем в одной сфере может не только привести к разрушению других структур, но и оказать влияние на развитие всего общества. Поэтому в современных условиях невозможно рассматривать экологическую безопасность в отрыве от экономических процессов, а также социальной сферы жизни всего общества [4, с. 32]. Соотношение природных и социальных факторов в жизнедеятельности общества сегодня занимает одно из центральных мест в развитии всего государства. Взаимодействие с природой — один из важнейших факторов, влияющих на формирование и развитие человека, становление общественных отношений, а также общественной культуры. Сегодня все изменения, происходящие в природе, оказывают влияние на повседневную жизнь каждого человека.

Для наиболее эффективного решения экологических вопросов и регулирования экологической обстановки в стране необходима определенная систематизация существующих правовых норм. Следует отметить, что в системе законодательства Российской Федерации сегодня действует достаточно широкий спектр различных нормативно-правовых актов в области экологического права, направленных на решение экологических вопросов, регулирование экологической обстановки и обеспечение экологической безопасности. Среди нормативно-правовых актов, направленных на регулирование экологической обстановки, выделяются: 3 Кодекса (Водный кодекс РФ; Лесной кодекс РФ; Земельный кодекс РФ), Федеральные законы, основным из которых является ФЗ «Об охране окружающей среды»; приказы и постановления, а также главы КоАП РФ [5, с. 90] и УК РФ [6, с. 148] об экологических преступлениях и административных правонарушениях в области охраны окружающей среды и природопользования. Действующий в настоящее время Федеральный закон «Об охране окружающей среды» до определенной степени выполняет систематизирующие функции, охватывает широкий спектр общественных отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды и обеспечивает системный режим их правового регулирования, хотя и не устанавливает детализированно разработанного механизма правового регулирования всего комплекса таковых [7, с. 1]

Кодификация является наиболее универсальной и эффективной формой систематизации нормативных правовых актов, при осуществлении которой «ставится цель дать систематическое изложение в переработанном и внутренне согласованном виде всего накопленного нормативно-правового материала» [8, с. 135], она ставит своей задачей построение системы законодательства, обладающей внутренним единством, комплексностью и стабильностью. Кодификация как одна из ведущих форм совершенствования и упорядочения законодательства, прежде всего, предполагает обобщение действующих нормативных правовых актов в вид единого, упорядоченного, юридически и логически цельного нормативного правового акта. Следует отметить, что упорядочение экологического законодательства распространяется не только на законодательные тенденции, но и на координацию деятельности уполномоченных органов в области природопользования и охраны окружающей среды.

В качестве критики можно выделить тот факт, что система российского законодательства нацелена на решение особо важных проблем общества, однако, несмотря на проведение Года экологии в Россий-

ской Федерации, регулирование социально-значимых проблем, в том числе обеспечение экологической безопасности, заметно затрудняется. Поскольку политика и экономика государства тесно связаны между собой, правительство первоочередной ставит перед собой задачу регулирования социально-экономических отношений. Тем самым экологическим проблемам со стороны государства уделяется меньше внимания. В силу этого принятие мер по регулированию экологической обстановки в регионе в большей степени зависит от общества и общественных организаций, которые берут на себя ответственность за состояние окружающей среды.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 2 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2010.

2. Бекетов Н. В. Социальные изменения и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — № 1.

3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс.

4. Воронина С. А. Социальная безопасность региона как объект социологических исследований // Вестник БЮИ МВД России. — 2016. — № 2.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс.

7. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс.

8. Клюканова Л. Г. О некоторых особенностях юридической техники в современном эколого-правовом нормотворчестве // Российский журнал правовых исследований. — 2016. — № 2.

Д. А. Мицких (Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

В условиях демократизации российского общества отношение к деятельности правоохранительных органов формируется под влиянием личных впечатлений граждан, полученных из различных средств массовой информации. После реформы МВД 2011 г. наблюдается тенденция к увеличению открытости и прозрачности деятельности этого органа. Руководство ведомства отстаивает принципы, направленные на служение обществу, его институтам, открытость, прозрачность, доступность, взаимопонимание и сотрудничество. Успешное взаимодействие власти и общества способствует укреплению гражданского мира и спокойствия, а также успешному социально-экономическому развитию страны.

Важную роль в этом случае играют СМИ, деятельность которых направлена на предоставление информации. Необходимо учитывать, что редакция считает нужным сообщать только те сведения, которые считает достойными освещения, или важными, или достаточно интересными. Кроме того, не стоит забывать о таких важных требованиях к публикуемым материалам, как востребованность, сенсационность, рейтинг. При этом информация, представляемая в СМИ о работе правоохранительных органов, не всегда объективно отражает их деятельность, иногда бывает ненаправленной на формирование в обществе реальной картины борьбы с преступностью, ее многообразием и существующими проблемами [1, с. 33–34].

Стоит учесть, что, по данным ВЦИОМ на сентябрь 2017 г., деятельность СМИ одобряет 66,1% опрошенных, не одобряет 23,7% [2]. В этих условиях представление положительного образа сотрудника полиции способно реально защитить репутацию правоохранительных органов, честь и достоинство их сотрудников.

Современные средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественное сознание [3, с. 145]. Они, с одной стороны, отражают изменения, происходящие в общественном сознании, с другой стороны, являются инструментом воздействия на эти процессы. Создание положительных образов работников правоохранительных органов имеет позитивное значение

для улучшения правосознания, повышения престижности службы в органах правопорядка.

Своей деятельностью СМИ не только информируют население о процессах, происходящих в регионе, стране или мире, но и формируют мнение общества, способствуя развитию и утверждению в нем определенных стереотипных образов.

Эффективность реагирования на публикации, размещенные в печатных СМИ с целью формирования положительного образа сотрудника правоохранительных органов, зависит от следующих условий:

- размещаемая информация должна быть актуальной и востребованной;
- материал должен отражать стремление к диалогу с обществом;
- информация должна убедить людей в необходимости активного содействия работникам правопорядка;
- информация должна быть направлена на преодоление существующих психологических барьеров в отношении к сотрудникам полиции [1, с. 37].

В своей работе мы провели вторичный анализ результатов исследований, посвященных образу работника правоохранительных органов в газетных источниках, который позволит выявить наиболее острые проблемы [4, с. 14].

По данным контент-анализа публикаций 11 ведущих российских газет за 2014 г., освещавших работу полицейских — руководителей районного и регионального уровней, наиболее частыми характеристиками в тексте газеты были: положительные — 11,9%, отрицательные — 88,1% — перевес существенный. Наиболее часто повторяющимися положительными характеристиками были: профессионал (11 упоминаний, 2,4%), новатор (9; 1,9%), добросовестный (8; 1,7%) — всего 6%; отрицательными: превышение (злоупотребление) должностных полномочий (85 упоминаний, 18,4%), провокатор (провокация взятки) (67; 14,5%), создание преступного сообщества (48; 10,4%) — всего 43,3%. Перечисленные имиджевые характеристики встречались не единожды, всего их оказалось 462. И все эти фразы написаны в отношении руководителей органов правопорядка [5, с. 35–36]. В проанализированных статьях содержится различная смысловая и информационная нагрузка, они имеют разный стиль подачи информации. Однако стоит отметить, что количество позитивных характеристик сотрудников, занятых на руководящих должностях, составляет лишь одну десятую часть.

Тем не менее образ рождается не только на основе информации из газет, но и из других источников, например, из телевизионных

сериалов («Улицы разбитых фонарей», «Тайны следствия», «Новые приключения Мухтара»). Герои предстают опытными работниками, в то же время раскрываются их человеческие эмоции, личная жизнь, что делает персонажей ближе к зрителю, таким образом способствуя формированию положительного образа.

Образ руководителя МВД имеет влияние на формирование образа всех сотрудников МВД в общественном сознании.

Положительный образ в СМИ способен побуждать граждан к сотрудничеству, что повышает результативность труда полицейских, и, как следствие, повышается качество работы всей организации.

Негативный образ, сложившийся в СМИ, отражается на реальном восприятии полицейских. Нужно, чтобы граждане узнавали из средств массовой информации не только о полицейских-преступниках, но и о полицейских-героях, тех, кто профессионально выполняет свои обязанности, так как положительный образ работника правоохранительных органов в СМИ способствует формированию благоприятной среды для сотрудничества полиции с населением, а также желанию граждан проходить службу в органах правопорядка.

Библиографический список

1. Жерновой М. В., Шевчук Г. Ю. Роль средств массовой информации в формировании положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — №7. — Ч. 2. — С. 33–38.

2. Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс]. — URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения 10.11.2017).

3. Воронина С. А, Воронин Р. А. Перспективы социологического анализа деятельности региональных СМИ // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — 2013. — №5. — С. 143–149.

4. Коростелева О. Т. Уровни и механизмы междисциплинарного взаимодействия социологии в системе современного научного знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — 2015. — №7. — С. 12–15.

5. Передня Д. Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян // Социальные исследования. — 2016. — №2. — С. 32–42.

Е. С. Недосекова (Барнаул)

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

СМИ — средство распространения информации, характеризующееся обращенностью к массовой аудитории, общедоступностью, корпоративным характером производства и распространения информации. К средствам массовой информации относятся: пресса, радио, телевидение; кинематограф, звукозаписи и видеозаписи; видеотекст, телетекст, рекламные щиты и панели; домашние видеосен-тры, сочетающие телевизионные, телефонные, компьютерные и дру-гие линии связи [1].

Без преувеличения можно сказать, что средства массовой инфор-мации обретают все большее влияние в современном мире, ведь не-случайно их называют «четвертой властью». СМИ при помощи опре-деленных методов могут как интегрировать, так и дезинтегрировать общество, могут вызывать изменения в настроениях людей и обще-ства в целом, они способны усиливать существующее общественное мнение и резко менять его [2, с. 23]. Общественное мнение — сово-купность суждений и оценок, характеризующих консолидированное отношение массового сознания к наиболее значимым и актуализиро-ванным проблемам, событиям и фактам экономики, политики, куль-туры, общественной жизни и оказывающих влияние на содержание и характер политического процесса [3].

Т. В. Науменко дифференцирует в изучении деятельности массовой коммуникации два подхода: медиацентристский и социоцентрист-ский. Первый основан на том, что средства массовой коммуникации оказывают влияние на формирование общественного мнения, а мас-совая аудитория (носитель общественного мнения) в данном случае является объектом массово-коммуникативного воздействия. Вто-рой подход, наоборот, говорит о том, что деятельность средств мас-совой коммуникации детерминирована самой массовой аудиторией, взгляды которой они призваны выражать. Аудитория здесь выступа-ет в качестве субъекта, который определяет политику массово-ком-муникативного процесса [2, с. 20]. В этой работе мы основываемся именно на первом подходе, поскольку в данном случае деятельность СМИ выступает как большая социальная проблема, которую необхо-димо изучать и решать.

Данная проблема представляется нам достаточно актуальной на сегодняшний день. Мир перенасыщен всевозможными событиями, которые в СМИ освещаются по-разному. В различных видах средств массовой информации (телевидение, Интернет, радио, печатные издания), в разных странах одно событие может предстать перед массой каждый раз в новом облике и деформироваться до неузнаваемости. Так, например, допинговый скандал, связанный с российскими спортсменами, и отстранение от зимней Олимпиады 2018 г. олимпийских спортсменов на сегодняшний день является одной из самых популярных и шумевших новостей во всех СМИ. И в мировом сообществе оно, соответственно, имеет разные оттенки и виды. Мы просмотрели некоторые статьи интернет-версий зарубежных газет и вот что увидели. В одной статье американской газеты «The New York Times» журналистка Ребекка Р. Руис сопоставила допинговый скандал и расследование дела о вмешательстве в выборы президента США, заявляя, что «в обоих случаях задействованы агенты спецслужб, воля России к победе и одна и та же команда, занимающаяся кибершпионажем» [4]. В ежедневной французской газете «Le Figaro» обвиняют В. В. Путина в том, что он рассчитывал на исключение своей страны из Олимпийских игр, чтобы повысить свою кандидатуру, настаивая на антироссийской борьбе МОК [5]. В данном случае мы видим два варианта интерпретаций журналистами одного и того же события. Это, безусловно, только малая часть того, что существует в мировых СМИ. «Вырывают» из контекста объективно существующего события какие-либо куски и создают «нужный» информационный эффект, формируя таким образом в общественном сознании «нужные» установки. Вот один из самых острых аспектов темы данной работы — неэтичность некоторых средств массовой информации, превращение их в огромную площадку для всевозможных фантазий и сказок, невыполнение СМИ своей главной роли — объективное освещение происходящего.

Средства массовой информации имеют колоссальное воздействие на общественное сознание. Влияние на стереотипы, установки и ценности общества СМИ оказывают с разных сторон. Это может быть реклама и PR или скрытая идеологическая пропаганда, т. е. деятельность средств массовой информации в рамках той или иной сферы жизни общества. Так, Р. Чалдини в книге «Психология влияния» приводит пример, ярко иллюстрирующий навязывание идеологии властью при помощи средств массовой информации. Во время Корейской войны пленных американских солдат в лагерях, созданных китайскими коммунистами, часто просили писать очерки с антиамериканскими

риканскими и прокоммунистическими заявлениями (причем в мягкой форме). Затем китайцы могли использовать очерк и имя автора в антиамериканских радиопрограммах, которые транслировались в этих лагерях. Так, можно предположить, что «своему человеку» военнопленные доверяли больше, а значит, такие радиотрансляции оказывали еще более сильное идеологическое воздействие на американских солдат [6, с. 91–103]. Информация, будучи многократно повторенной в СМИ, по прошествии некоторого времени формирует в массовом сознании новые стереотипы. Т. В. Науменко в своей работе «Массовая коммуникация и методы ее воздействия» приводит в пример стереотип западного общества («общества потребления», имевшего в советский период отрицательную окраску в сознании наших соотечественников), которое за последние несколько лет стало неким образцом для подражания [7, с. 111].

Телевидение, Интернет, газеты и журналы, радио являются основными каналами, по которым информация доходит до населения. Потребление продуктов СМИ — это обычное времяпрепровождение множества людей. Так, исследование ВЦИОМ 2013 г. показало, что лидирующие позиции занимают телевидение (60% опрошенных получают информацию из телевизора) и Интернет (23% опрошенных получают информацию из Сети). Газеты и радио менее популярны (7% и 5% опрошенных соответственно). По уровню доверия к СМИ телевидение также находится на первом месте (60% респондентов), а Интернет на втором (22%). Исследователями отмечается и тот факт, что целевую аудиторию телевидения в основном составляют жители села, респонденты старше 45 лет и россияне с начальным уровнем образования [8].

Низкий умственный и образовательный уровень толпы отмечал еще Г. Лебон, французский психолог и социолог, в своей работе «Психология народов и масс». Автор выделяет два вида факторов, влияющих на мнение масс: отдаленные (раса, традиции, время, политические и социальные учреждения, образование и воспитание) и непосредственные (образы, слова, формулы, иллюзии, опыт, рассудок). Он сравнивает толпу с дикарями и детьми и говорит, что «на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей», что факторы, воздействующие на толпу, «всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку», поэтому законы логики не оказывают на нее никакого воздействия. Это один из приемов, который используют современные СМИ, когда при помощи голоса, интонации, простых формулировок несут в массы ту или иную весть (и зачастую самое ужасающее событие в какой-нибудь телевизион-

ной передаче может выглядеть абсолютно нормальным и не вызывающим панику и страх). «Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы», — отмечает социолог. Неспособность толпы рассуждать правильно, по мнению мыслителя, «мешает ей критически относиться к чему-либо». И хотя ученый жил и творил во второй половине XIX — начале XX вв., данный тезис уместен и для описания современной эпохи. В целом Г. Лебон дает точную и полную характеристику толпы, которая является носителем общественного мнения, рассматриваемого нами в этой статье [9].

Таким образом, средства массовой информации сегодня превратились в мощное оружие, которое используется во всех сферах жизни общества. Существует множество инструментов, которые используют СМИ в своей работе. Они влияют на формирование новых стереотипов, ценностей, установок в общественном сознании и способствуют переходу от царства разумных личностей к безликой толпе, неспособной к критическому мышлению, которой можно навязать абсолютно любые идеи без каких-либо усилий. А это большая проблема в нашем обществе. Поэтому нам представляется интересным эта актуальная в современном информационном обществе тема. Необходимо изучать тонкости работы СМИ и рычаги их давления на общественное мнение.

Библиографический список

1. Филатова О. Г. Социология массовой коммуникации : учеб. пособие. — М., 2006.
2. Зосименко И. А. Социология массовых коммуникаций : учебник. — Ульяновск, 2013. — 357 с.
3. Зиновьева Т. В. Основные социологические термины : учеб. пособие. — 2006.
4. InoPressa: Почему Россия пыталась добиться славы обманом [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.inopressa.ru/article/11Dec2017/nytimes/gloria.html> (дата обращения: 11.12.2017).
5. InoPressa: Наказание российских спортсменов — аргумент для Путина-кандидата [Электронный ресурс]. — URL: https://www.inopressa.ru/article/08Dec2017/lefigaro/putin_03.html (дата обращения: 11.12.2017).
6. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся. — 5-е изд. — СПб., 2017. — 336 с.: ил.
7. Науменко Т. В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Философия и общество. — 2014. — № 1.

8. Исследование ВЦИОМ: Какие источники информации пользуются доверием среди россиян в 2013 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/08/26/6177> (дата обращения: 09.12.2017).

9. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. — М., 2017. — 384 с.

А. А. Омар (Барнаул)

ПРЕИМУЩЕСТВА КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАК ФОРМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научный руководитель — О. Л. Сытых

В настоящее время существует множество способов получить дополнительные знания. К примеру, такие как тренинги, мастер-классы, семинары, профессиональная переподготовка, повышение квалификации. В статье рассмотрено преимущество повышения квалификации в получении дополнительного образования.

Повышение квалификации как форма дополнительного образования является необходимым для того, чтобы успевать за научно-техническим прогрессом. Повышение квалификации — это обновление теоретических и практических знаний, совершенствование навыков специалистов в связи с постоянно повышающимися требованиями к их квалификации [1]. В настоящее время активные исследования и новые открытия происходят постоянно, в связи с этим невозможно, овладев той или иной специальностью, больше никогда не доучиваться или переучиваться. На данный момент концепция «обучения в течение всей жизни» становится наиболее актуальной. Ее предназначение состоит в подготовке компетентных специалистов, способных ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях; самостоятельно приобретать необходимые знания, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место; критически мыслить, видеть возникающие проблемы и искать пути рационального их решения, используя современные технологии; проявлять инновационное мышление и быть способными к непрерывному самообразованию и саморазвитию в течение всей жизни [2, с. 2]. Это позволяет специалистам не стоять на месте, а расти не только профессионально, но и личностно и также развивать свой потенциал.

В связи с этим наиболее удобной формой в подобном обучении становятся курсы повышения квалификации.

Каковы же их главные преимущества?

Первое преимущество — краткий срок обучения. Программа одного курса, как правило, не превышает нескольких недель обучения.

Второе преимущество — глубокое изучение теоретических, а также практических моментов в отдельных узких темах. Возможность в короткие сроки хорошо разобраться в определенном участке профессиональной деятельности, а также развить дополнительные навыки работы в конкретной области.

Третье преимущество состоит в том, что курсы повышения квалификации могут позволить увеличить свой доход как специалиста и тем самым способствовать продвижению по карьерной лестнице. Например, повышение квалификации по психологии позволяет научиться оказывать помощь большему количеству клиентов, что и приводит к росту доходов и получению желаемой должности.

Четвертое преимущество в том, что повышение квалификации является путем тех людей, которые стремятся быть профессионалами высокого уровня. Ведь оно открывает перед человеком новые профессиональные, а также карьерные горизонты, дает ему реальные инструменты для новых свершений.

И пятым важным преимуществом является то, что курсы повышения квалификации являются отличной профилактикой синдрома эмоционального выгорания. Синдром эмоционального выгорания — это процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы [3]. А получение новых знаний и навыков может мотивировать человека к дальнейшему развитию.

Библиографический список

1. Что такое повышение квалификации // Мое образование, дополнительное образование [Электронный ресурс]. — URL: https://moeobrazovanie.ru/povyshenie_kvalifikatsii.html (дата обращения 11.11.2017).

2. Нигматулина И. А. Готовность к обучению в течение всей жизни : монография. — 2012. — 252 с.

3. Сидоров П. Синдром эмоционального выгорания // Медицинская газета. — 2005. — № 43. — 8 июня.

Н. А. Пешкова (Барнаул)

ПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА В РОССИИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Научный руководитель — О. Л. Сытых

Функционирование российской системы здравоохранения закреплено Конституцией Российской Федерации, где установлено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно.

Тем не менее рост платных медицинских услуг свидетельствует о неэффективности государственной системы здравоохранения. В частности, увеличение спроса на платные медицинские услуги указывает на снижение удовлетворенности качеством бесплатной медицинской помощи. Все это нарушает принцип социальной справедливости и ведет к ущемлению малоимущих слоев граждан, число которых в России составляет почти 20% населения.

И. Н. Ильиченко считает, что степень удовлетворенности пациентов медицинским обслуживанием становится серьезным фактором оценки качества оказываемых медицинских услуг [1, с. 71]. И. В. Силуянова отмечает основную особенность, характерную для медицинских услуг, — они направлены на здоровье человека [2]. Следует заметить, что в медицинских услугах заинтересован не отдельный индивид, а все общество в целом, так как от развития этого сектора зависит здоровье нации.

Основные критики медицины (Д. Армстронг, Э. Фрейдсон, М. Фуко, Н. Харт) затронули тему влияния на медицинский персонал политических и экономических сил. Здравоохранение перестало зависеть от отношений клиента и профессионала, основным фактором развития медицины авторы критической теории признают борьбу неравных социальных групп. Решение общечеловеческих проблем (здоровья, заболеваемости, смертности) отводят на задний план, на первое место выдвигается решение узко-социальных, внутригрупповых задач, это приводит к дестабилизации функций медицины в обществе [3, с. 38]. Ответственность за жизнь человека переходит из рук здравоохранения в руки самого индивида, в приоритет выходит индивидуальная политика поведения в отношении своего здоровья. И. Илич в своей книге «Медицинская немезида» говорит, что в современ-

ном обществе люди подозрительно относятся к врачам и учреждениям здравоохранения, и им необходимы только данные, чтобы обосновать свои подозрения [4, с. 8].

И. К. Зола, М. Фуко писали, что в наше время сфера медицинских услуг превратилась в сферу производства услуг [5, с. 11]. Человек вынужден заплатить деньги для более качественного обследования и компетентного обслуживания, а не обратиться к бесплатной медицинской помощи.

Для выхода на российский рынок платной медицины существует несколько предпосылок. Перечислим некоторые из них:

- государство не заботится о качественной медицинской помощи населению, отсюда возникают такие проблемы, когда недостаточно средств в муниципальных поликлиниках для большего набора лекарств, современных медицинских аппаратов европейского уровня и косметическое состояние муниципальных поликлиник оставляет желать лучшего;
- произошедшие в последние годы реформы здравоохранения. Данные реформы привели к сокращению штатов и заработной платы медицинским работникам. Это привело к повышению конфликтности между субъектами здравоохранения, а также оттоку молодых специалистов в частную медицину;
- рост количества платных медицинских услуг, оказываемых в муниципальных учреждениях здравоохранения. Несмотря на то, что услуги дешевле, чем в частных медицинских центрах, данное явление носит негативный характер, так как услуги предоставляются на том же уровне, тем же неквалифицированным персоналом и государство игнорирует необходимость улучшения технического состояния медицинских учреждений.

В последние годы в области платного здравоохранения отмечаются тенденции на повышение роста цен. Это связано с удорожанием не только импортных лекарств, но также аренды снимаемого помещения и с повышением заработной платы медицинским работникам. Существенной проблемой для платной медицины в России является такой факт — предоставление государственными учреждениями здравоохранения платных медицинских услуг по более демократичным ценам. Следующая принципиальная особенность и одновременно сдерживающий фактор в работе коммерческих медицинских центров — жесткое государственное регулирование и контроль. Любая деятельность в этой сфере возможна только после получения лицензии, а этому предшествует огромное количество экспертиз, комиссий, согласований. Ситуация в этой сфере не улучшается, а ста-

новится все хуже и хуже. Лицензирующие и контролирующие органы могут по минимальному поводу приостановить действие лицензии.

Основной тенденцией рынка частной медицины является укрупнение профиля частных клиник. Вместо одиночных медицинских кабинетов появляются многопрофильные медицинские центры, главной задачей которых становится бренд клиники. Без хорошего маркетинга, доступных цен и качественной медицинской помощи в частные учреждения здравоохранения не будут обращаться пациенты. Поэтому важной особенностью негосударственных учреждений здравоохранения являются постоянное повышение квалификации персонала и европейский, качественный подход к каждому пациенту.

Библиографический список

1. Донцов А. И. Психология коллектива. — М., 2014. — 240 с.
2. Силуянова И. В. Патернализм и информированное согласие: проблема совместимости // Биомедицинская этика и медицинское право [Электронный ресурс]. — URL.: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/160/30/>.
3. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. — М., 2013. — 432 с.
4. Ильиченко И. Н., Аарва П., Введенский Г. Г. Отношение населения двух российских городов к платным амбулаторно-поликлиническим медицинским услугам // Социальные аспекты здоровья населения. — 2013. — № 12.
5. Михальченко С. В. Оценка пациентом качества услуг стоматолога // Вестник ВМА. — 2014. — № 7.

А. И. Попова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время организация власти во многих странах мира перешла на качественно новый уровень и формируется в виде системы электронного правительства. В рамках данной системы применение ИКТ (Информационно-коммуникационных технологий) позволяет сформировать новые модели взаимодействия государства, бизнеса и граждан, направленные на повышение качества государственного управления, обеспечение высокого качества предоставления го-

сударственных услуг, повышение уровня общественного участия. Отметим, что термин «Электронное правительство» в равной степени применим и к государственному управлению, и к муниципальному управлению [1, с. 14–15].

Феномен электронного правительства возник в США в конце XX в., в условиях становления и развития информационного общества. Главной целью выступало повышение эффективности предоставления услуг населению в рамках развития публичного управления на основе модели нового государственного менеджмента (New Public Management). Формирование нового подхода расширило представление о возможных путях использования электронных средств, т. е. возникли новые электронные сетевые структуры, увязывающие правительство, гражданские ассоциации, политические партии, центры общественного мнения и средства массовой информации [2, с. 91–92].

По мнению экспертов, следует различать понятие электронного правительства от других элементов электронной демократии, которыми являются: электронное правительство (e-government), электронная администрация (e-administration) и электронное правление (e-governance). Электронное правительство — это предоставление услуг, ориентированных на интересы граждан в онлайн-режиме в электронном формате. Электронную составляющую управления государственным сектором следует называть электронной администрацией, а под электронным правлением понимается система стимулирования взаимодействия между гражданами, правительством и чиновниками, прямое общественное влияние на процессы государственного управления [3, с. 256–257].

Электронное правительство при этом видоизменяет государство в открытую сетевую форму, выступающую альтернативой традиционной бюрократической системе, насыщенную современными ИКТ, сетевыми методами управления и организации, характеризующуюся активным использованием сторонних акторов в государственном секторе, расширенным участием граждан в управлении [2 с. 94–95]. Сами компьютерные технологии дают возможность многосторонней коммуникации, т. к. любой индивид получает возможность участвовать в различных дискуссиях и может общаться с большим количеством людей. Повседневность человека становится насыщенной информацией, информационным воздействием и множеством коммуникаций [4, с. 116–117].

В России история развития электронного правительства начинается с выхода Постановления Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65в, согласно которому создана федеральная целевая программа «Электронная Россия». С этого момента следует

отсчитывать начало планомерного формирования в Российской Федерации электронной демократии. Следующим этапом развития выступает государственная программа «Информационное общество (2011–2020)», принятая распоряжением Правительства России после провала предыдущей ФЦП. Основные цели новой программы были схожи с целями предыдущей, основным приоритетом здесь выступает получение гражданами и организациями преимуществ от применения ИКТ и создание условий для оперативного и эффективно-го взаимодействия государства с гражданами и бизнесом [3, с. 257].

Внедрение данной ФЦП электронного правительства подразумевает четыре основных направления деятельности: 1) предоставление гражданам актуальной информации о деятельности государственных органов власти в электронной форме; 2) обеспечение универсального доступа к этой информации; 3) организация межведомственного информационного обмена; 4) обеспечение эффективного контроля деятельности государственной власти [5, с. 34].

По мнению экспертов, для оценки эффективности внедрения и развития данной системы необходимо фиксировать финансовые и социальные показатели и сопоставлять полученные результаты с первоначальными целями и затратами. Только так можно получить детальную картину результативности и экономической эффективности деятельности органа исполнительной власти.

Оценивать эффекты электронного правительства следует по двум основным категориям: выгоды граждан и бизнеса (качественные и финансовые) и финансовые выгоды государства. Под выгодами граждан от электронного правительства подразумеваются выгоды, которые получает от электронного правительства институт государственных услуг, в том числе простота и удобство получения государственных услуг посредством электронного правительства, доступность органов государственной власти.

Финансовые выгоды потребителей представляют собой степень уменьшения издержек получения государственных услуг вследствие внедрения электронного правительства. Финансовые выгоды государства представляют собой снижение затрат на предоставление услуг и на взаимодействие, рост дохода, экономическую эффективность программ [6, с. 218].

С момента начала реализации и по сегодняшний день Россия в рейтинге ООН развития электронного правительства в мире поднялась с 59-го на 27-е место. Однако далеко не все эксперты отметили столь существенные улучшения в работе электронного правительства. Некоторые эксперты утверждают, что электронное правитель-

ство в России работает недостаточно эффективно по причине нерешенности многих организационных и технических вопросов. Они считают, что необходимо «заставить» все ведомства говорить на одном языке, что подразумевает внесение изменений в большое число нормативно-правовых актов.

Для оценки мнения граждан об эффективности функционирования электронного правительства обратимся к результатам первого всероссийского социологического опроса о необходимости развития в стране электронного правительства и электронной демократии, проведенного в феврале 2013 г. ВЦИОМ.

В социологическом исследовании приняло участие 3200 человек из 146 населенных пунктов в 42 субъектах Российской Федерации. Им было предложено оценить текущее состояние электронного правительства и электронной демократии в России, а также дать оценку жизнеспособности, востребованности и полезности этих инструментов в нашей стране.

По результатам исследования большинству опрошенных очевидны достоинства электронного правительства, многие осознают возможность экономии времени за счет электронного формата госуслуг и называют технологии электронного правительства необходимым требованием времени в современном мире. Жители столиц (21%) и средних городов (16%) отмечают малое количество услуг, за которыми можно обратиться через Интернет.

Наиболее важные сферы, в которых инструменты электронного правительства необходимы, это: ЖКХ, здравоохранение, социальная поддержка граждан, вопросы правопорядка и безопасности, транспортные проблемы, занятость населения, образование, регистрация актов гражданского состояния, экология. О существовании Единого портала государственных и муниципальных услуг информировано более половины населения (59%).

Сторонники развития технологий электронной демократии рассматривают ее как новый способ для развития обратной связи от общества к государству. Развитие электронной демократии, по мнению россиян, призвано создать возможность вносить предложения и предъявлять претензии к работе чиновников.

Таким образом, результаты данного опроса показывают, что население в 2013 г. в целом положительно оценивало результаты реализации проекта электронного правительства. Граждане отмечали его несомненную пользу и необходимость, однако указывали на то, что следует наладить функциональную составляющую данного проекта [2, с. 97–99].

В завершение отметим, что проблеме функционирования электронного правительства в современных условиях уделяется крайне мало внимания. Отсутствуют актуальные данные о показателях эффективности системы, а также оценки граждан качества получаемых услуг. В связи с этим считаем необходимым теоретическое осмысление представленной проблемы, проведение мониторинга удовлетворенности граждан услугами электронного правительства, а также рассмотрение динамики развития данного феномена в России.

Библиографический список

1. Сидорова А. А. Электронное правительство : учебник. — М., 2017. — 165 с.
2. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в России: концептуальные подходы и практика реализации // PolitBook. — 2013. — № 2. — С. 90–105.
3. Варгин А. В. Проблемы развития «Электронной демократии» в России на примере «Электронного правительства» // Вестник ННГУ. — 2014.6
4. Сытых О. Л. Информационная современность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — 2015. — № 7. — С. 113–117.
5. Красильников О. Ю. Проблемы внедрения концепции электронного правительства в России // Известия Саратов. гос. ун-та. Серия: Социология. Политология. — 2012. — № 2. — С. 34–38.
6. Балашова Е. М. Оценка эффективности электронного правительства // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2011. — № 2. — С. 205–220.

А. Л. Присяжнюк (Барнаул)

ЗНАЧИМОСТЬ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Свободное время занимает особое место в общем бюджете времени, т. к. предназначено для культурного, интеллектуального, физического развития и отдыха населения. Объем и характер организации досуговой деятельности во многом обусловлены величиной рабочего (учебного) времени, а также затратами времени на физиологиче-

ские потребности, покупку товаров и получение услуг, на ведение домашнего хозяйства и т. д.

Обладая достаточным количеством свободного времени, современная студенческая молодежь редко задается вопросом о смысле досуга и его значимости для саморазвития. Некоторые авторы, актуализируя междисциплинарный подход к изучению социальной активности студенческой молодежи, отмечают, что современная молодежь не умеет организовывать правильно свой досуг. Вследствие этого молодежь испытывает определенные сложности социального саморазвития, самовоспитания [1, с. 57]. Одной из причин безразличного отношения молодежи к организации досуговой деятельности является недостаток знаний о наличии различных форм проведения досуга, равнодушие современной студенческой молодежи к способам организации досуговой деятельности и, как следствие, неадекватная организация свободного времени. При рациональном подходе к организации свободного времени появляется возможность получить опыт, дающий не пустое времяпрепровождение, а отличную мотивацию для достижения поставленных целей.

Сфера досуга и отдыха — важнейшая сфера повседневности, претерпевающая в некотором смысле своеобразную «революцию различных предпочтений». Это выражается не только в том, что значительно увеличиваются возможности проведения своего досуга, но, в частности, в том, чему молодежь отдает предпочтение: развлечениям, саморазвитию или ничегонеделанию.

По данным опроса 2014 г., проведенного «Левада-Центром», в свободное время россияне чаще всего отдают предпочтения просмотру телевизора, а общественной деятельностью, саморазвитием или спортом занимаются в меньшей степени.

«Перед телевизором проводят свободное время 79% россиян, 61% — общаются с семьей, 38% — слушают музыку, 36% — читают книги или прессу. Треть (33%) выезжают на природу — поработать на даче или порыбачить, пятая часть (20%) — сидят в барах или гуляют с компанией во дворах, почти каждый пятый (18%) играет в компьютерные игры» [2].

«Активный же отдых — удел меньшинства. Лишь 13% участников опроса сказали, что любят тратить свободные часы, катаясь на велосипеде или на роликах. Только 8% регулярно посещает спортивные залы, 4% играют в командные виды спорта: волейбол, баскетбол, футбол. Сторонников интеллектуального отдыха тоже оказалось немного. Только 9% опрошенных посещают театр, музеи, и лишь 6% ходят на курсы, лекции или самостоятельно обучаются полезным на-

выкам. Меньше всего оказалось тех, кто готов свободное время работать на благо общества — всего 2% респондентов заявили, что участвуют в деятельности общественных организаций или работают волонтерами» [2].

Некоторые социологи связывают такое положение дел в молодежной среде с особенностями становления и развития духовной культуры человека и общества; в частности, отмечается, например, что в рамках социологического знания важное значение имеет анализ ценностей молодежи, влияющий на выбор в том числе и досуговой деятельности [3, с. 67–68; 4, с. 115–116].

И. Ю. Исаева отмечает, что «для определения свободного времени отдельного человека из 24 часов следует вычесть время, которое он затрачивает на следующие дела или события:

- производственно-трудовые функции, включая дорогу к месту работы и обратно;
- физиологический отдых (ночной сон);
- оздоровительные и санитарно-гигиенические нужды (включая утренний туалет, гимнастику, стирку белья, мытье посуды и др.);
- покупка продуктов, их приготовление, прием пищи;
- приобретение необходимых вещей, товаров повседневного спроса и длительного пользования;
- воспитание детей, неотложная помощь близким людям и др.

Доля суток, которая остается в распоряжении человека, может быть определена как его досуг, именно этой частью времени человек может распорядиться по своему усмотрению» [5, с. 6].

Еще в давние времена досуг рассматривался как возможность и способ удовлетворения разнообразных человеческих потребностей. Если организации досуговой деятельности уделяется должное внимание, то можно говорить о положительном влиянии досуга на такие сферы жизни, как регулирование общественных отношений, предотвращение напряженности, устранение конфликтов в обществе, поддержание солидарности, взаимосвязь между поколениями, удовлетворение личности в радости, наслаждении, счастье и многое другое.

О. Д. Дашковская выделяет такие функции досуговой деятельности:

1. Рекреационная и терапевтическая функции досуга — восстановление психической и физической энергии. Без их реализации человек в большей мере подвержен состоянию стресса, невротизму, психической нестабильности.

2. Творческо-развивающая функция — интеллектуальное, физическое, художественное, нравственное творчество и развитие личности.

3. Воспитательная и просветительская функции понимаются не как усвоение норм и правил для детей и юношества, но как расширение кругозора, способность пожилых людей реагировать на изменения и требования времени. Досуг обладает широкими возможностями осуществлять вторичную социализацию взрослых и пожилых людей с эффективным результатом.

4. Функция поддержания социальной солидарности — сплоченность разных по социальному статусу людей на основе общих для них досуговых интересов и традиций.

5. Ценностно-ориентированная функция — дает возможность формировать или видоизменять свое отношение к окружающему миру, оценивать общественные явления, а также собственные и чужие поступки.

6. Практически-преобразующая — всегда направлена на созидание и преобразование личности на основе практических реальных действий.

7. Коммуникативная функция — обеспечивает реализацию потребности людей в межличностном общении.

В целом досуговая активность способна выполнять функции оздоровления психики, развития внутреннего мира, расширения индивидуальной жизненной среды и т. д. [6, с. 16].

Таким образом, досуг — это деятельность человека в свободное от работы время, которое человек использует в связи со своим желанием и духовными потребностями. Деятельность, направленная на саморазвитие личности, личное и нравственное совершенствование, на восстановление душевных сил, которые тратятся в связи с условиями современной жизни: однообразие работы, быстрый темп жизни, стрессы и пр. Досуг — это не только свободное время, которое человек посвящает ничегонеделанию, а также осознанная деятельность, направленная на саморазвитие, цель которой — восстановление сил и рекреация.

Библиографический список

1. Бендрикова А. Ю. Междисциплинарный подход к изучению социальной активности студенческой молодежи // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул. — Вып. 7. — 2015.

2. Смотреть в «ящик» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/2014/08/26/smotret-v-yashhik/>

3. Попов Е. А. Триумвират наук в осмыслении феноменов духовности: социология культуры, социология духовной жизни и социология искусства // Социодинамика. — 2017. — № 3. — С. 80–89.

4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.

5. Досуговая педагогика : учеб. пособие / сост. И. Ю. Исаева. — М., 2016. — 196 с.

6. Дашковская О. Д. Организация досуговой деятельности: текст лекций. — Ярославль, 2009. — 71 с.

А. Е. Семенихина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОМПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА (на примере ПАО ВТБ 24 г. Барнаула)

Научный руководитель — Н. А. Стерляева

Создание эффективной системы социальной политики является одной из главных задач современной организации, в решении которой огромную роль играет формирование трудовой мотивации персонала. Рыночные отношения, конкуренция и высокие темпы изменений приводят к тому, что компании мобилизуют все имеющиеся мощности, они улучшают оборудование, внедряют современные технологии, детально разрабатывают и финансируют стратегии продвижения. Наряду с этим руководство компаний понимает, что эффективное использование всех перечисленных ресурсов невозможно без учета человеческого фактора [1]. В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что людские ресурсы играют более важную роль в развитии экономики, чем материальные, что работа с персоналом представляет собой одну из основных функций социальной политики организаций. Для того, чтобы эффективно использовать имеющиеся в распоряжении организации человеческие ресурсы, необходимо создать для людей такие условия, в которых им хотелось бы работать с пользой для себя и организации.

В современной научной литературе сформировалось два подхода к определению социальной политики. Одни считают, что социальная политика — это составная часть кадровой политики, включающая определенный набор выплат и услуг социального характера. Другие — что это часть менеджмента персонала, которая вклю-

чает все мероприятия, направленные на формирование мотивации работников, удовлетворение их социальных потребностей, соединение личных целей работников с организационными [2, с. 57]. Социальный пакет, безусловно, является одной из основных составляющих социальной политики, особенно на российских предприятиях. Однако в последнее время все большее значение приобретают элементы нематериальной мотивации. Поэтому второй подход к определению сущности социальной политики в настоящее время представляется более актуальным и адекватным современным условиям хозяйствования.

Успех бизнеса зависит во многом от уровня профессионализма и степени самоотдачи работников, поэтому все большую популярность приобретает ситуационный адресный подход — чем лучше работник, тем значительнее его социальный пакет. Работодатели понимают, что обеды за счет фирмы, перспектива дополнительного пенсионного обеспечения, оплата транспортных расходов и т. д. помогают сотруднику сэкономить силы и здоровье и сильнее привязывают его к предприятию. Таким образом, в современных условиях основными функциями социальной политики предприятия являются: мотивация персонала с целью повышения производительности труда; сокращение конфликтов, создание благоприятного климата; развитие и обучение персонала, повышение его профессионализма; привязка сотрудников к предприятию (снижение текучести кадров); привлечение новых квалифицированных сотрудников; создание благоприятного имиджа предприятия в глазах общественности [3].

Построение эффективной системы мотивации требует изучения не только теоретических основ мотивации, но и применяемых в настоящее время методов стимулирования персонала. На сегодняшний день существуют две точки зрения на то, каким образом можно повлиять на удовлетворенность работников и уровень их профессиональной мотивации: одни руководители предприятий полагают, что к успешному труду людей побуждает, в первую очередь, заработная плата, а другие считают, что — моральное стимулирование [4, с. 18]. На каждом предприятии стараются создать свою собственную модель мотивации и стимулирования с учетом реальных условий экономической среды. При выборе формы вознаграждения как метода мотивации нужно исходить как минимум из следующих трех его видов: экономические стимулы всех типов, управление по целям (достижение определенных целей работниками) и обогащение труда (неэкономические методы) и т. п. Руководители должны постоянно обдумывать возможные способы улучшения работы и мотивации под-

чиненных, так как в современных условиях усложнились хозяйственные связи, а также взаимосвязи участников, все более острыми становятся проблемы управления этим сложнейшим организмом, в том числе вопросы психологии управления, необходимость понимания причин человеческого поведения, использования социально-психологических методов руководства.

Для изучения основных направлений социальной политики как института формирования трудовой мотивации персонала в банке ВТБ 24 г. Барнаула было проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошено 53 работника, занимающих различные должности. Результаты исследования показали, что уровень социальной политики в этой организации довольно высокий. Большая часть опрошенных сотрудников удовлетворены политикой, которую проводит их организация, они считают, что создана довольно грамотная система оплаты труда и развития кадров, респонденты довольны материальным стимулированием и методами управления персоналом. По результатам опроса было выявлено, что большинство респондентов (63%) довольны качеством условий трудовой жизни в их организации, недовольны 7%, 22% ответили «скорее да, чем нет» и 8% «скорее нет, чем да». В ходе исследования выяснилось, какие дополнительные социальные льготы и какие меры предприняты организацией для улучшения условий труда сотрудников. 15% опрошенных отметили аренду квартиры за счет предприятия, почти все сотрудники указали медицинское страхование (91%) и дополнительное пенсионное страхование (94%), а 87% опрошенных — выдачу кредитов своим работникам по сниженным ставкам. Таким образом, можно сделать вывод, что банк хорошо осведомляет своих сотрудников о возможности бесплатно получить дополнительное медицинское и пенсионное страхование, а также о возможности получить кредит по сниженным ставкам. Большинство респондентов (91%) отметили, что в организации проводятся мероприятия развлекательного характера. А также 87% сотрудников указали, что у них на работе разыгрываются соревнования на звание лучшего работника, 67%, отметили в качестве награды за это звание дорогие подарки, 74% — грамоты. Это говорит о направлении социальной политики банка в сторону нематериального стимулирования по отношению к работникам. Больше половины (68%) респондентов выделили положительные примеры того, как в их организации подбирают и расставляют персонал. Респонденты считают, что объем заданий, предложенных руководством, и уровень требуемых знаний соответствуют возможностям и требуемой должности сотрудника. Но при этом 40% отме-

тели, что требуемый опыт превышает стандартные критерии. Также для анализа социальной политики организации важно понимать, как производится отбор на руководящую должность. Больше всего опрошенных, а именно 68% отметили, что отбор кандидатов производится на конкурсной основе, 34% указали, что подготовка резерва на руководящую должность осуществляется по индивидуальной программе, 52% выбрало планомерную смену должностей по вертикали и горизонтали. При этом в графе «другое» 8% сотрудников указали дружеские либо родственные связи, а также симпатию начальства к определенному сотруднику.

Анализ результатов показал, что необходимо составить план развития в отношении дополнительных социальных льгот и качества условий труда. Например, можно внести следующие виды дополнительного социального стимулирования: бесплатное питание, оплата услуг мобильной связи, аренда квартиры за счет предприятия.

Еще в ВТБ 24 есть проблема с предоставлением гибкого графика для учащихся на сессии. Это является серьезным недостатком социальной политики банка в направлении привлечения молодых специалистов, которые совмещают работу с учебой. А также мнения сотрудников разошлись по поводу расстановки и подбора персонала, где большая часть опрошенных указали, что требуемый опыт превышает стандартные критерии. Отмечаются благоприятные тенденции в отношении нематериального стимулирования. Респонденты уверены, что начальство к ним относится хорошо и прислушивается к их новаторским идеям. Анализ документов показал, что все направления по социальной политике банка закреплены на документальном уровне.

Таким образом, эффективная социальная политика предполагает предоставление персоналу всех обязательных социальных услуг, которые предприятие должно оказывать в соответствии с законодательством. Вместе с тем она не может быть ограничена только обязательными социальными услугами. Конкуренция на рынке труда предполагает наличие социальных услуг, которые могут привлекать новых работников на предприятие или удерживать работающих здесь людей.

Библиографический список

1. Багирова И. Х. Социальная политика компании как инструмент мотивации персонала // Молодой ученый [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.moluch.ru>.
2. Басовский Л. Е. Теория экономического анализа. — М., 2015. — 186 с.

3. Волгина Н. А. Социальная политика предприятия // Центр управления финансами [Электронный ресурс]. — URL: <http://center-yf.ru>.

4. Варданян И. С. Исследования системы управления мотивацией персонала // Управление персоналом. — 2015. — № 15. — С. 10–24.

Е. С. Синельников (Барнаул)

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Научный руководитель — О. Л. Сытых

В настоящее время социальное предпринимательство успешно развивается во многих странах, среди которых США, Великобритания, Германия, Нидерланды и др. В современной России явление социального предпринимательства также постепенно внедряется в экономическую и социальную жизнь общества.

Впервые термин «социальное предпринимательство» упоминается в 1960–1970-х гг. в англоязычной литературе, посвященной вопросам социальных изменений.

Значимый вклад в изучение и развитие социального предпринимательства внесли такие зарубежные исследователи, как Г. Диз, Р. Л. Мартин, С. Осберг, Г. Стивенсон, Д. Томпсон и др. Среди отечественных ученых и исследователей различные аспекты социального предпринимательства изучают И. Д. Афанасенко, А. Н. Макаревич, А. Московская, М. Б. Полтавская, Т. Ю. Сазонова и др.

Обобщая различные определения, социальное предпринимательство можно толковать как новаторскую деятельность предприятий, направленную на смягчение или решение социальных проблем на основе самокупаемости и устойчивости.

Социальное предпринимательство занимает особую экономическую и социальную нишу, находясь при этом на стыке благотворительности и традиционного бизнеса. Для наглядности сравним эти виды деятельности.

Основной целью традиционного предпринимательства является получение и максимизация прибыли, в то время как главной целью социального предпринимательства и благотворительной деятельности является смягчение или решение социальных проблем.

Традиционный бизнес и социальное предпринимательство используют доход от собственной деятельности для реализации своих целей и задач. Благотворительная деятельность же формирует свое имущество на основе привлечения внешних ресурсов (спонсорство, пожертвования, гранты).

Следовательно, традиционный бизнес и социальное предпринимательство не зависят от внешних источников финансирования (нужен лишь стартовый капитал), так как являются самокупаемыми. Но при этом социальные предприятия изначально создаются с целью выполнения социальной миссии, что делает социальный эффект заранее запланированным и ожидаемым, а не побочным, как это случается с коммерческим предпринимательством.

На данный момент многие исследователи выделяют следующие основные признаки социального предпринимательства:

- Социальная миссия (социальное воздействие) — целевая направленность на решение или смягчение социальных проблем.
- Предпринимательский подход — умение искать и находить выгодные возможности, грамотно анализировать рыночную ситуацию и предвидеть риски, аккумулировать ресурсы и разрабатывать стратегию деятельности, направленную на позитивное преобразование.
- Инновационность — использование в своей деятельности уникальных, новаторских подходов, способствующих тому, чтобы преумножить социальное воздействие.
- Самокупаемость и финансовая устойчивость — способность предприятия функционировать на постоянной основе за счет доходов, получаемых от собственной деятельности.
- Масштабируемость и тиражируемость — расширение масштаба деятельности социального предприятия и распространение опыта своей деятельности с целью усиления социального воздействия.

На основании выявленных особенностей социального предпринимательства можно определить его основные функции:

- 1) создание и развитие социальной инфраструктуры, способной повысить уровень доступности услуг для социально уязвимых категорий населения;
- 2) организация поддержки социально уязвимым категориям граждан;
- 3) поиск и внедрение инновационных методов для реализации своих целей;

4) осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения;

5) смягчение проблем социального неравенства и др. [1, с. 72].

В современном мире существуют различные направления социального предпринимательства. Причем специфика деятельности социальных предприятий в разных странах различна. Среди таких направлений можно выделить:

- функционирование социальных предприятий трудовой интеграции (Финляндия, Швеция, Польша, Литва, Словакия и др.);
- развитие сферы услуг для детей дошкольного возраста (Ирландия);
- совершенствование системы здравоохранения и развитие услуг по уходу за пожилыми и больными людьми (Дания);
- производство экологически чистых продуктов и переработка отходов производства (Мальта, Румыния, Чехия);
- производство товаров и услуг социального значения (Великобритания, Германия, Нидерланды);
- развитие и популяризация культуры и спорта, организация досуга и развитие туризма (Венгрия, Швеция, Греция, Финляндия и др.) и т. д. [2].

В современной России явление социального предпринимательства также нашло свое развитие. Например, в России создаются различные фонды, направленные на поддержку и развитие социального предпринимательства. Среди таких фондов следует выделить Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», созданный в 2007 г. и функционирующий до настоящего времени. За 9 лет работы фонда им поддержано 172 проекта и выдано почти 418,5 млн рублей в виде беспроцентных займов в 49 регионах РФ [3].

Фонд «Центр социальных программ» (ЦСП), финансируемый и поддерживаемый компанией РУСАЛ, в настоящее время реализует четыре программы социальных инвестиций, среди которых есть и программа «Социальное предпринимательство». «С 2013 года в программе приняли участие 150 социальных предпринимателей, которые в настоящее время реализуют 70 бизнес-проектов и за счет этого создали 300 новых рабочих мест» [4].

В регионах создаются Центры инноваций социальной сферы, призванные сопровождать и поддерживать инициативы социальных предпринимателей. Повсеместно открываются социальные предприятия различной направленности.

Все это отвечает интересам различных социальных групп и общества в целом. «Задачи, стоящие перед обществом, требуют от него

(бизнеса. — Прим. автора) следование не только узким корпоративным интересам, но и интересам развития российского общества в целом. Должно произойти осознание, что вклад бизнеса в образование, в науку, культуру в данной стране будет основой развития и процветания бизнеса в России на новой высокотехнологичной основе» [5, с. 356–357].

На данный момент Министерство экономического развития Российской Федерации разрабатывает законопроект, целью которого является официальное закрепление статуса социального предпринимательства в российском законодательстве и определение его ключевых особенностей. Данный законопроект может быть принят уже в 2017 г.

Если говорить о приоритетных направлениях развития социального предпринимательства в России, то можно выделить следующие из них:

- социальная адаптация инвалидов и членов их семей;
- профилактика социального сиротства;
- организация услуг по уходу за пожилыми и больными людьми;
- развитие дополнительного образования, культуры и спорта и т. д. [6, с. 3].

Таким образом, в настоящее время социальное предпринимательство успешно развивается в России, и требуется дальнейшее исследование его ключевых особенностей и направлений развития.

Библиографический список

1. Мухин А. В. Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые технологии. — 2011. — № 2. — С. 72–75.
2. Карта социального бизнеса Европы. Многообразная вселенная // Новый бизнес. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/karta-socialnogo-businessa-evropy.html>.
3. Социальное предпринимательство // Новый бизнес. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nb-forum.ru/social/>.
4. Социальное предпринимательство // Центр социальных программ РУСАЛ [Электронный ресурс]. — URL: https://fcsp.ru/program/business_people/
5. Сытых О. Л. Этика и бизнес: поиски гармонии или путь к конфликту? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — 2011. — № 3. — С. 355–358.

6. Ветрова Е. А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник ТГУ. — 2015. — № 1 (141). — С. 1–5.

К. А. Синько (Барнаул)

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕСТА И РОЛИ ТРЦ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Обращение к социологическому анализу роли и места ТРЦ (торгово-развлекательный центр) в формировании потребительского поведения молодежи обусловлено тем, что в конце XX в. в российском обществе произошли масштабные изменения, которые заставили социологов иначе взглянуть на экономические, политические, социальные и культурные аспекты существования человека, для которого основным ценностно-мировоззренческим ориентиром все чаще становится идеология общества потребления. «Жизненное пространство современного человека замкнуто на священных ритуалах вещного бытия» [1, с. 16].

Основополагающими характеристиками общества потребления являются разнообразие и доступность потребительских товаров, самоопределение людей через потребительские практики, изменение городского ландшафта в соответствии с нуждами общества потребления.

Ведущим направлением модернизации российской торговли стало копирование американского опыта создания крупных торговых центров разного типа. Их качественные особенности определяются, во-первых, максимально возможным ассортиментом товаров, что является основой для превращения покупки в увлекательную игру по ознакомлению с ними (например, возможность подержать в руках, попробовать в работе, примерить и т. д.). Невиданные прежде обширные торговые площади позволили перейти от осмотра товаров в условиях стрессовой скученности к комфортному фланированию в сказочном мире товарного изобилия. Обе эти особенности создали условия перехода от рационального поиска товаров и их покупки к шопингу как форме досуга. Это привело к смещению потоков покупателей от городских рынков к ТРЦ [2, с. 51–64].

Всего за несколько лет ТРЦ стали неотъемлемой составляющей российских городов. Появление ТРЦ повлекло за собой трансформацию повседневной жизни и изменение потребительских практик части населения городов, в том числе и молодежи, которая является крупной социальной общностью активных потребителей товаров и услуг. Для молодых людей, у которых отсутствует опыт жизни в советском обществе, большое значение имеет существенно возросшее стремление к материальному благополучию, усилившаяся ориентация на потребление, приобретение материальных благ.

Торгово-развлекательные центры становятся доминирующим, наиболее популярным каналом потребления. Это связано с тем, что ТРЦ обеспечивают возможность не только для покупок и торговли, социального взаимодействия и массовых культурных мероприятий, но становятся площадками, где протекают процессы формирования идентичности потребителя, маркируются индивидуальные различия, проводятся социальные границы и задается место индивида в социальной структуре.

Французский социолог и философ Ж. Бодрийяр считает, что «роль гипермаркета выходит далеко за рамки «потребления», и предметы там больше не обладают специфичной реальностью: первично их сериальная, циклическая, зрелищная организация — модель будущих социальных отношений» [3, с. 11].

Переход к обществу потребления породил радикальную смену типа покупательского поведения: переход от целенаправленного поиска конкретного товара, потребность в котором осознана, к шопингу как форме досуга. Покупательское поведение из средства превращается в существенный компонент цели, принимая форму шопинга как важного элемента стиля жизни. Приобретаются не столько товары, сколько покупательский опыт, переживания. Переход от покупательского поведения к шопингу существенно изменил культуру потребления: магазин превратился в источник удовольствий [4, с. 82].

При изучении становления общества потребления основное внимание обращается к проблемам социально-экономических трансформаций и к процессу формирования массовой культуры.

В настоящее время происходит экспансия культурной индустрии в мир повседневности — коммерциализация культурной жизни приводит к массовому распространению паттернов зарубежного, в первую очередь американского производства, унификации традиций, обычаев и образа жизни городского населения по западному образцу. Наблюдается сдвиг ценностных ориентаций из сферы труда в сферу массового потребления, досуга и развлечений. Одновременно ме-

няется характер развлечений: из индивидуальных и камерных они превращаются в публичные, массовые, глобальные [5].

Торгово-развлекательные центры стали транслировать и пропагандировать массовую культуру — помимо магазинов в них открываются кинотеатры, игровые зоны, кафе, катки, организуются концерты для взрослых и детей.

Можно сказать, что ТРЦ со своими развлекательными блоками, передающими массовую культуру, частично приходят на смену «домам культуры» (типичным объектам культурного планирования в СССР, пришедшим к нам еще с эллинических времен). Главное отличие ТРЦ от ДК в том, что это уже не «объекты культуры», а предприятия, главенствующей целью которых является извлечение максимальной прибыли.

Новые практики общества потребления приводят к масштабной коммерциализации культуры, размыванию норм и иным, не менее опасным для человечества проблемам.

Торгово-развлекательные центры стали традиционным местом проведения выходных, территорией отдыха и развлечений для населения Европы, Америки и в настоящее время уже и России. ТРЦ начали посещать так же, как раньше посещали музеи и выставочные залы. Автор книги «Эпидемия потребления» Джон Де Грааф отмечает, что «в 1986 году в США было больше школ, чем торговых центров. В 2002 году ситуация изменилась на 180 градусов: торговых комплексов стало больше, чем школ. Распространение идеологии массового потребления привело к тому, что в число любимых видов досуга многих людей ныне входит посещение магазинов. Примерно 70% американцев еженедельно посещает торговые центры с целью развлечения — церкви могут похвастаться значительно меньшей популярностью» [6].

По данным службы Gallup, среднестатистический американец тратит на походы в магазины 6 часов в неделю, а на игру со своими детьми — 40 минут [7].

Безусловно, в нашей стране количество торгово-развлекательных центров, равно как и роль данных центров в повседневной жизни среднестатистического россиянина, не достигла таких масштабов. Но, принимая во внимание темпы экономического развития и вестернизации культуры нашего общества, данная картина может стать сценарием развития повседневной жизни россиян уже в ближайшие десять лет.

К сожалению, в отечественной социологии недостаточно изучена социальная роль потребительских практик, сформированных новыми средствами потребления.

Большинство западных и российских исследований потребительских практик носит прикладной маркетинговый характер и направлено на рационализацию коммерческой деятельности ТРЦ, в то время как исследования социальной роли ТРЦ, особенностей реализации потребительских практик и динамики коммуникативных процессов в новых средствах потребления остаются малоизученными.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что в условиях социально-экономических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится молодежи с ее еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. «Бездуховность, потребительское и эгоистическое отношение к жизни порождает у многих молодых апатию, безразличие к себе и другим, что грозит потерей нравственного и духовного здоровья нации» [8, с. 378].

Библиографический список

1. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.
2. Желнина А. Из барахолки в торговый центр: трансформация торговых площадей в Санкт-Петербурге // Антропология Восточной Европы. — 2009. — № 1 (27). — С. 51–69.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. 1981 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183034&p=1>
4. Ильин В. И., Чой В. И. Торгово-развлекательные центры как пространство формирования качества жизни в России // Социологические исследования. — 2017. — № 4. — С. 82–90.
5. Хоркаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. — М., 1997.
6. Как ведут себя покупатели в разных странах мира [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.advertology.ru/article40424.htm>
7. Статистические данные портала Геллап [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gallup.com>
8. Цапенко А. А. Молодежь в современном обществе: ценности и деструктивные установки // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / отв. ред. О. Н. Колесникова, Е. А. Попов. — Барнаул. — Вып. 6. — 2014. — 462 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ан Евгений Алексеевич, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы (РК), доктор экономических наук, профессор

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Артюхина Валентина Андреевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Банникова Ирина Ивановна, Алтайский государственный университет, студентка

Ван Дань, Чжэнчжоуский университет, провинция Хэнань (КНР), студентка

Великжанина Кристина Андреевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры социальной работы

Вишник Татьяна Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант

Воеводина Земфира Эдуардовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Воронина Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Ганеева Диляра Ирековна, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, магистрант

Глуховерова Динара Алиевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Голубицких Юлия Викторовна, Алтайский государственный университет, студентка

Гоношилова Татьяна Олеговна, Алтайский государственный университет, магистрант

Горбунова Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Гудым Виктория Андреевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Данилова Мария Викторовна, Алтайский государственный университет, студентка

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат философских наук

Душина Татьяна Анатольевна, Алтайский государственный университет, студентка

Журавлев Федор Борисович, Алтайский государственный университет, студент

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Зань Владислав Михайлович, Алтайский государственный университет, студент

Иванова Оксана Андреевна, Центр специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае, социолог

Игнатенко Анна Владимировна, Алтайский государственный университет, аспирант

Ильиных Анжелика Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка

Калинина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Кеняйкина Анастасия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студентка

Кирпу Светлана Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка

Колесникова Елена Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, профессор кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Комышниковна Екатерина Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор социологических наук

Кряклина Тамара Федоровна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор философских наук

Кужим Наталья Викторовна, Алтайский государственный университет, студентка

Лапин Дмитрий Васильевич, Новосибирский государственный технический университет, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии, кандидат социологических наук

Лобанова Анастасия Дмитриевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мазайлова Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Мазурина Юлия Романовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Макеева Анастасия Олеговна, Алтайский государственный университет, магистрант

Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук

Малетина Анна Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Миронова Светлана Викторовна, Алтайский государственный медицинский университет, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат социологических наук

Мицких Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Молодикова Ирина Николаевна, Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия), директор центра миграции

Морковкина Анастасия Геннадьевна, Московский государственный университет, аспирант

Мотина Анна Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мукова Людмила Александровна, Международное высшее бизнес-училище г. София (Болгария), профессор, кандидат юридических наук

Мураткызы Алуа, Государственный медицинский университет города Семей (РК), специалист HR-менеджмента

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Нагих Алина Юрьевна, Алтайский государственный университет, студент

Недосокова Екатерина Сергеевна, Алтайский государственный университет, студент

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Омар Алена Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Перепелкина Ксения Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант

Пешкова Надежда Алексеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Подгорная Надежда Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка

Поневин Константин Викторович, Алтайский государственный университет, студент

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук

Попова Анастасия Игоревна, Алтайский государственный университет, магистрант

Присяжнюк Алена Леонидовна, Алтайский государственный университет, студентка

Прокопьева Наталья Валентиновна, Гуляевская гимназия г. Барнаула, кандидат социологических наук

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук

Решетова Алена Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка

Савченко Александра Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий

Семенихина Анастасия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Сергиенко Алие Мустафаевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор социологических наук

Синельников Евгений Сергеевич, Алтайский государственный университет, магистрант

Синцова Людмила Константиновна, Алтайский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, доктор философских наук

Синько Ксения Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Стерляева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук

Тимченко Наталья Станиславовна, Алтайский государственный медицинский университет, профессор кафедры гуманитарных наук, доктор социологических наук

Филиппова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, студентка

Храпунов Андрей Владимирович, Алтайский государственный университет, магистрант

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук

Чубукова Анастасия Валерьевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Шашуров Сергей Евгеньевич, Казанский федеральный университет, заместитель управляющего отделением ПФР по Республике Татарстан

Шрайбер Ангелина Николаевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Штро Тамара Алексеевна, Специализированный вуз г. Магдебурга (Германия), студентка

Яркова Ольга Ревазовна, Алтайский государственный университет, студентка

Для заметок

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 10

Редактор Е. Б. Семьянова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Оформление обложки Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 14.05.2018

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 18,1. Тираж 100 экз. Заказ 206.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66